

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ I

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.

1894.

Оглавление.

СТРАН.

Отдѣлъ I.

Исслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Деревня Будагоща и ея преданія. <i>В. Н. Перетца.</i>	2—18
Отчетъ о поѣздѣ къ Олонецкимъ Кореламъ лѣтомъ 1893 года. <i>Н. Ѡ. Ляскова.</i> съ замѣчаніемъ редактора	19—36
Изъ года въ годъ. (Описаніе круговорота крестьянской жизни въ селѣ Усть - Ницынскомъ Тюменскаго округа). <i>Филиппа Зобнина.</i>	37—64
Русь и Асы въ Китаѣ, на Балканскомъ полуостровѣ, въ Румыніи и Угорщинѣ. (Въ XIII—XIV в.). Замѣтки преесов. Палладія, д-ра Бретшнейдера, архим. Руварца	65—77

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Новая «повѣсть» объ Ильѣ Муромцѣ. Сообщилъ <i>Михаилъ Протопоповъ.</i>	78—82
Веснянки, Петровки и Купальныя пѣсни. Сообщилъ <i>В. В. Боцляновскій.</i>	83—89
Очеркъ литовскихъ свадебныхъ орацій. <i>А. Погодина.</i>	90—97
О свадебныхъ обычаяхъ въ селѣ Корбанѣ, Кадниковскаго уѣзда Вологодской губерніи. <i>А. Балова.</i>	98—99

Отдѣль III.

Критика и библиографія.

	Стран.
Свѣдѣнія о литовскихъ рукописяхъ. <i>С. Балтрамайтиса.</i>	98—104
Русскія былины старой и новой записи. Москва 1864 г.	
<i>А. Погодина.</i>	104—107
Систематическій указатель статей историческаго журнала «Древняя и Новая Россія». Спб. 1893 г. <i>В. Б.</i>	107

Отдѣль IV.

Слѣсь.

Замѣтки по бѣлорусской этнографіи. <i>М. Довнара-Запольскаго</i>	108—104
Отчетъ о поѣздкѣ въ Ковенскую губ. лѣтомъ 1893 г.	
<i>А. Погодина.</i>	114—119
О происхожденіи названія г. Пскова. <i>Ю. Трусмана.</i>	120—122
Бъ исторіи суевѣрій. Сообщ. <i>Е. Коз—скій</i>	122—123
Изъ области народныхъ вѣрованій. <i>А. Балова.</i>	123—
Аллитерація въ народномъ языкѣ. <i>А. Балова.</i>	123—124
Бъ народному словарю въ области пѣсеннаго искусства.	
<i>Ө. Истомина.</i>	124—125
По поводу холеры. Сообщилъ <i>А. Баловъ.</i>	125—126
О русскомъ языкѣ въ Обдорскомъ краѣ. <i>В. Бартенева.</i>	126—129
Замѣтка о нѣкоторыхъ словахъ, употребляющихся въ селѣ Самаровѣ Тобольской губ. и округа. <i>Хр. Лопарева.</i>	130

Объявленія

Печатано съ разрѣшеніи Сѣѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Деревня Будогоща и ея преданія¹⁾.

(Этнографическій очеркъ).

Деревня Будогоща, составляющая одно сельское общество, лежитъ по обоимъ берегамъ р. Пчевжи, въ Кукуйской волости Тихвинскаго уѣзда Новгородской губерніи. На лѣвомъ берегу расположена д. Большая Будогоща, на правомъ—Малая. Вокругъ—лѣса и болота, простирающіяся на десятки верстъ. Верстахъ въ восьми отъ д. Будогощи проходитъ почтовый трактъ съ Чудова на Тихвинъ. Таково положеніе интересующей насъ мѣстности; можемъ добавить, что школы въ деревнѣ этой, считающей земли на 140 душъ, нѣтъ и, несмотря увѣщанія приходскаго священника о. П. Д. Созина, предлагавшаго даже свой домъ для школы, крестьяне Большой Будогощи упорно отказываются, ссылаясь частью на недостатокъ средствъ, частью же на то обстоятельство, что «дѣды, молъ, не учились, и намъ, стало быть, не надо; въ старину люди крѣпче были да богаче жили, а грамотѣ не умѣли».

Вообще, крестьяне неохотю посылаютъ дѣтей въ школу. Причины тому, помимо выше названной—боязнь, что ребенокъ «выше отца-матери выростетъ», сбалуется, а затѣмъ—отдаленность школы, находящейся въ Будьковѣ-сельцѣ при церкви, верстахъ въ 6 отъ Будогощи. Зимой мѣшается холодъ, весной и осенью бываетъ, что р. Пчевжа разливается и затопляетъ дорогу, такъ что приходится подыматься на верхъ по бездорожью, лѣсомъ, а потомъ переѣзжать на лодкѣ; лѣтомъ же, какъ извѣстно, занятій въ школѣ не бываетъ, да если бы и были, школьникъ не могъ бы принимать въ нихъ участія: въ силу экономическихъ условій онъ уже работникъ, семья въ немъ нуждается.

Мѣстные жители занимаются главнымъ образомъ хлѣбопашествомъ, но такъ какъ своего хлѣба не хватаетъ, то имъ приходится искать заработка. Большею частью они идутъ въ лѣса рубить по найму дрова, или же—

¹⁾ Читано въ засѣданіи отдѣла этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго общества 20 окт. 1893 года.

пилят ихъ на берегу сплавныхъ рѣкъ: Оскуи и Пчевжи. Въ Петербургѣ и даже въ Чудовѣ рѣдко кто бывалъ изъ мѣстныхъ жителей. На побывавшихъ «въ свѣтѣ» всѣ смотрять съ особымъ вниманіемъ, особенно молодежь, замѣчая поведеніе, манеры, вообще всю внѣшность, чтобы затѣмъ воспользоваться наблюденіемъ и не отстать отъ «моды».

Подъ вліяніемъ отхожихъ промысловъ, отчасти школы ¹⁾—мѣстный говоръ утрачиваетъ постепенно нѣкоторыя древнія черты, напр. оканье и мѣну *и* и *ы*, однако это явленіе случайное, спорадическое. Помимо особенностей говора, отмѣченныхъ уже проф. А. И. Соболевскимъ въ «Очеркѣ ружской діалектологіи» ²⁾ обратимъ вниманіе на слѣдующее: на пространствѣ около 25 верстъ по теченію р. Пчевжи мною сдѣланы были наблюденія на обѣихъ берегахъ ея, и вотъ къ какимъ результатамъ привели онѣ.

Говоръ жителей праваго берега отличается слѣдующими особенностями.

Оканье довольно значительное: *ворета*, *онтева*. *Е* послѣ мягкихъ согласныхъ и *і* произн. какъ *ю*; *ь* постоянно = *и*; *билой*, *хлипъ*, *дмло*. Членъ *отъ*, *та*, *то*—весьма частъ: *музыкъ-отъ*, *бабы-тѣ*, *бабъ-тыхъ* (обычное литературное *тѣхъ* передается формою *ты ихъ*), на *лаву-ту*. Смѣшиваются надежи словъ женскаго рода: *дат.* и *род.* единственнаго, и *дат.* и *твор.* мн. числа.

Отмѣтимъ еще нѣкоторыя особенности говора правобережныхъ: очень часто *именит.* и *вин.* съ неопредѣленнымъ: *работа* *работать*, *соха* *над'* *чинить*, *пора* *лядина* *рубить*,—*солома* *возить*,—*корова* *дойтъ* и т. п.

Въ 3 лицѣ ед. числа отсутствуетъ окончаніе *тъ*: *вездѣ* *мы* или не имѣемъ его, или—форма оканчивается на *тъ*, *те*: *идѣ*, *говори*, *кричи*, но *је*, *јесте*. Также и во мн. числѣ *тъ* отсутствуетъ въ большинствѣ случаевъ, и мы имѣемъ: *пишо* (*пишуть*), *лежо*, *свачо*, *покажо*, *любя*, *говоря*. Случай втораго полногласія: *гдрощъ* (*горбъ*), *стодощъ* (*столбъ*), *смерѣдушка*, на *верѣхътъ*. Изъ формъ отмѣтимъ слѣдующія: «луськой быкотъ давку за болъ»; синтаксическая особенность: *просить* съ *дат.* *падежемъ*: *просила* *брату* *большему*.

Всѣ эти данныя записаны въ д. М. Будогощѣ, въ д. Градошѣ и въ д. Могилевѣ.

¹⁾ Говорю отчасти, потому что изъ 30 дѣтей школьнаго возраста ходять въ школу всего 3 человѣка, а выдержалъ экзаменъ на льготу 4-го разряда—1 за два послѣднихъ года.

²⁾ Живая Старина 1892 г., вып. II.

Перейдемъ къ говору лѣво-бережныхъ жителей. То же оканье, то же ъ=и, но кромѣ того: мѣна и и џ; о всегда съ особымъ удареніемъ; е чистое сохраняется послѣ j и мягкихъ согласныхъ: пойдете; напьешься, такъ помрешь, бревно—р. бревенъ, повѣзетѣ; сверхъ того—мягкое д, т, произносятся какъ мягкое з, ж, или близко къ тому: пойдѣмке (пойдѣмте). Это произношеніе мягкихъ согласныхъ д и т считается въ д. Большой Будогощѣ очень красивымъ: жители ея дразнили одну молодую женщину, вышедшую къ нимъ въ деревню замужъ тѣмъ, что она не умѣла произносить д и т такъ мягко, какъ они.

Чѣмъ объяснять подобную разницу въ частностяхъ говора? Весьма вѣроятно, что съ одной стороны мы имѣемъ коренныхъ новгородцевъ (съ мѣной и и џ); съ другой—пришлое населеніе, также заявившее эту мѣстность. Финновъ въ близости нѣтъ, но въ народѣ есть преданіе о борьбѣ съ «корелой».

Этнографическій типъ мѣстныхъ жителей не одинъ: соотвѣтственно отгнѣкамъ говора и въ наружности жителей наблюдаются особенности. По лѣвой сторонѣ р. Пчевжи, въ д. Б. Будогощѣ, преобладающимъ является слѣдующій типъ: люди средняго роста (до 2¹/₂ арш.), волосы большею частью черные или темнорусые, глаза каріе, носъ умѣренный, прямой, иногда длинный, вытянутый, тонкій.

Въ д. Малой Будогощѣ, по правой сторонѣ р. Пчевжи, крестьяне преимущественно съ свѣтлорусыми волосами, съ обильной растительностью на лицѣ, часто кудрявые, съ короткимъ прямымъ носомъ и свѣрыми глазами; преобладающій ростъ—высокій. Быть можетъ это несходство является чисто случайнымъ, но мы должны указать, что наблюденія г. Богословскаго дали результаты, въ общемъ сходные съ нашими ¹⁾.

Историческихъ воспоминаній среди мѣстнаго населенія не сохранилось никакихъ, кромѣ рѣдкихъ и темныхъ упоминаній о литовскомъ погромѣ; съ нимъ связаны многочисленныя преданія о кладахъ, зарытыхъ монахами при разореніи монастырей. Такъ какъ мои свѣдѣнія о кладахъ крайне скудны, то, отсылая читателя къ Новгородскому сборнику ²⁾, я перейду къ характеристикѣ міросозерцанія мѣстнаго жителя, главнымъ образомъ останавливаясь на вѣрованіяхъ въ сверхъестественныя существа.

Тысячелѣтнее христіанство мало проникло вглубь и далеко не вытѣснило изъ воображенія крестьянина древнихъ суевѣрій. Наряду съ вѣрой въ

¹⁾ Новгородскій сборникъ, I т.

²⁾ Тт. II, 80; III, 3, 27 37, 97, 23 и т. д.; IV, 68; V, 18, 97 и passim.

Бога и его Промыслъ мы находимъ удивительное стремленіе населять природу самыми разнообразными фантастическими существами: лѣсными, водяными и др. Не мало безпокойства причиняетъ крестьянину и нечистая сила; не даромъ говорится пословица: Богу молись да на чорта поглядывай. Впрочемъ, большинство избѣгаетъ употреблять слово «чортъ», и старается въ разговорѣ замѣнять его евфемизмами: врагъ, онъ, шишко.... и др.

Оставивъ въ сторонѣ суевѣрныя примѣты и повѣрья, мы обратимся къ сказкамъ, въ которыхъ наиболѣе отразилась вѣра въ различные таинственныя существа. Вообще, наша народная сказка, какъ и сказки другихъ европейскихъ народовъ, сложилась подъ самыми разнообразными вліяніями. Разсматривая русскія сказки, мы должны часть ихъ отнести къ такъ называемымъ странствующимъ сюжетамъ; часть ихъ представляетъ явныя заимствованія изъ литературы, и лишь о немногихъ мы вправѣ думать, что онѣ возникли на нашей почвѣ, среди нашего народа, и отражаютъ его міросозерпаніе. Въ дальнѣйшемъ мы встрѣтимся со сказками такого рода, а равно и со странствующими сюжетами, наиболѣе подвергнувшимися обработкѣ на русской почвѣ.

Обратимся прежде всего къ миѣческому существу, о которомъ сохранилось наиболѣе всякаго рода рассказовъ, которое является то добрымъ, то злымъ и ближе всего по разнообразію своей природы приближается къ человѣку: мы будемъ говорить о лѣсовомъ или, какъ его чаще называютъ, лѣшомъ. Мѣстный крестьянинъ большую часть года проводитъ въ лѣсахъ, которыми богата эта часть Тихвинскаго уѣзда. Убравши хлѣбъ, послѣ Рождества Богородицы, уже собирается крестьянинъ въ лѣсъ. Съ наступленіемъ саннаго пути онъ съ лошадыю рядится вывозить срубленный лѣсъ и до оттепелей весеннихъ занимается этимъ. Весной, послѣ Святой, опять идетъ онъ уже пилить дрова на берегъ рѣки, по которой дрова сплавляются на продажу. Очевидно, что при такомъ родѣ жизни нашъ крестьянинъ имѣетъ много данныхъ интересоваться таинственными обитателями лѣса. Часто, въ зимовкѣ, цѣлыми ночами рассказываются сказки одна другой фантастичнѣй, и каждый гулъ вѣтра, движеніе куста или дерева, осыпаннаго снѣгомъ, стонъ звѣря, разнесшійся въ лѣсной глуши, даютъ поводъ и тему для новыхъ рассказовъ подъ вліяніемъ чутко настроенной фантазіи.

Лѣсовой представляется въ сказкахъ высокимъ, иногда вышиною съ лѣсъ, челоуѣкообразнымъ существомъ. Онъ похожъ на кустъ, густо покрытый вѣтвями. Вотъ какой случай рассказывали мнѣ. Недавно, зимой 1892 года, въ Петровскомъ погостѣ мѣстный лавочникъ закрылъ уже свою лавку и собрался спать. Была полночь. Вдругъ стучитъ кто-то въ окно: «отвори!»

Лавочникъ отвѣчаетъ, что поздно уже; тотъ не слушаетъ: знай свое твердить, да въ домъ ломится. Отперъ лавочникъ двери; вошелъ мужикъ большой-большой, едва въ кабакъ помѣщается. «Давай», говоритъ, «четверть вина!» Налилъ лавочникъ четверть; выпилъ тотъ, крикнулъ, закусилъ селедкой да вязкой кренделей и другую четверть велитъ налить. И эту выпилъ и третью и всё ведро. Денежки полджилъ да и говоритъ: «си зиму много звѣрья буде у васъ». Сказалъ и ушелъ. И подлинно: столько звѣрья было, какъ никогда.

Лѣсовой въ особенной дружбѣ живетъ съ пастухами, которые знаютъ заговоръ и нанимаютъ лѣсовыхъ на службу пасти стадо и охранять его отъ всякихъ случайностей и нападеній звѣрей. Обыкновенно весной колдунъ отправляется въ лѣсъ, садится на осиновый пенъ и, прочитавъ заговоръ, договаривается съ лѣсовымъ, который немедленно является на зовъ; его можно узнать во первыхъ, по огррному росту, а кромѣ того онъ всегда безъ бровей, никогда не подполсывается и лѣвую ногу накидываетъ на правую (ср. Новгородскій сборникъ, I, стр. 284).

Вотъ какъ рассказывалъ объ этомъ очевидецъ, крестьянинъ д. Градоши Проконій Никифоровъ, съ которымъ частенько разныя чуда бывали.

Въ Ильинъ день, послѣ обхода съ крестами, пастухъ градоской за гналъ скоть въ лощинку, а Проконій тутъ и случисъ; и видитъ онъ, что пастухъ что-то ладить собираетъ. Дай-ко, думаетъ, посмотрю. Сталъ, смотритъ черезъ ногу и видитъ: сидитъ пастухъ на осиновомъ пнѣ, а передъ нимъ цѣлая артель враговъ, а по срединѣ одинъ такой большой-большой. И спрашиваетъ онъ пастуха: «Выбирай себѣ любовь, которой взглянется». А пастухъ ему:— «Выбирай самъ, ты лучше знаешь своихъ-то!» Лѣсовой ему подумавши и говорить: «бери вотъ этого, кривого, онъ тебѣ послужитъ».— «Ну, ладно».— Кривой вражонокъ какъ схватитъ лозину, да какъ крикнетъ—и повалилъ скоть по дорогѣ, а большой то и говоритъ пастуху: «смотри только, какъ станешь загонять—иди по слѣду, а навстрѣчу не ходи: всё дома будутъ. И сгнули всё. Проконій Никифоровъ перекрестился, да что есть духу домой.

Какъ существуетъ лѣсовой—лицо мужескаго пола, такъ точно воображеніе крестьянъ создало и пару ему. Вотъ рассказъ о бабѣ лѣсовихѣ.

Далеко отъ всякаго жилья, въ лѣсу, была у одного мужика земля, на ней усадьба поставлена и жилъ онъ совсѣмъ одинъ. Разъ заходитъ къ нему прохожій и просится ночевать. Мужикъ пустилъ его, накормилъ и спать уложилъ, а на утро, когда тотъ сталъ ему за ночлегъ денегъ давать, не взялъ, отказался. Вотъ и говоритъ ему прохожій: «жаловался ты, что со скотиной тяжело, что кругомъ лѣсъ, что скотина бываетъ заблудится, бы-

вать звѣрье обидить. За хлѣбъ-соль поставлю я тебѣ пастуха: утромъ ты изъ воротъ выгони,—ввечеру придуть къ воротамъ сами, только во дворъ загощи. Но не ходи ты смотрѣть стада, когда оно выгнано».

И вправду стало такъ: ходитъ скотина цѣлый день—къ вечеру домой вернется сытая, молока много. Ходило стадо такъ три года, только и пришло въ умъ мужику: «какой же я хозяинъ, что не знаю кто у меня скотину пасетъ!» Сказалъ онъ и пошелъ въ лѣсъ стадо искать. Нашелъ скоро: видитъ пасется оно, а съ краю полянки стоитъ высокая-высокая старуха, опѣршись ничкомъ на палочку; дряхлая такая старушка, и всё качается, будто дремлетъ. Мужикъ-отъ подошелъ къ ней, потянулъ её за руку да и говоритъ: «бабушка, лягъ, отдохни!» А она ему: «спасибо, кормилецъ, спасибо, спасибо»... закачалась, стала меньше, меньше—и вовсе сгнула. Подвинулся мужикъ, пошелъ домой, а съ тѣхъ поръ скотъ пересталъ одинъ въ лѣсъ ходить, надо было мужику пастуха нанимать.

Лѣсовые иногда уводятъ дѣтей и воспитываютъ ихъ у себя въ лѣсахъ. Дѣти дичаютъ, перестаютъ понимать человѣческую рѣчь и носить одежду. Лѣтомъ 1893 г., въ Крестецкомъ уѣздѣ, въ д. Ямницы былъ слѣдующій случай. Четыре года тому назадъ лѣсовой увелъ ребенка, мальчика лѣтъ 13. Нынче мальчикъ этотъ воротился; весь онъ былъ покрытъ кожей, толстой какъ кора, отъ одежды остался только воротъ, а сверхъ того, мальчикъ забылъ совершенно говорить и съ трудомъ учился теперь вновь. Такое обстоятельство крестьяне объясняютъ тѣмъ, что 4 года тому назадъ мать или отецъ «сбранили» или проклинали подъ сердитую руку ребенка, а всѣхъ проклятыхъ берутъ себѣ тѣ изъ нечистыхъ, въ области котораго имѣлъ мѣсто фактъ: дома—домовой, въ водѣ—водяной, въ лѣсу—лѣсовой ¹⁾

Нѣсколько менѣе чѣмъ о лѣсовомъ мы знаемъ о водяномъ; водяной, или, какъ называютъ его крестьяне, омутникъ живетъ въ глубокихъ омутахъ рѣкъ и озеръ. Онъ помогаетъ рыбакамъ ловить рыбу, но порой, когда разсерженъ или обиженъ ими, разрываетъ имъ сѣти, или распугиваетъ рыбу; иногда онъ утаскиваетъ къ себѣ на дно неосторожныхъ пловцовъ. Вотъ какъ описывалъ мнѣ встрѣчу съ водянымъ одинъ изъ моихъ знакомцевъ, жителей д. Малой Будогощи. «Въ темную осеннюю ночь провалился я около плотины въ рѣку и кое какъ чудомъ выползъ потомъ на берегъ. Упалъ я, хочу выскочить—глядь, а меня кто-то тянетъ. Я посмотрѣлъ: вижу весь онъ мохнатый: ровно метла лицо то. Держитъ онъ меня когтями и не пускаетъ. И руки, и ноги у меня ровно окованы. За тулупъ вода холодная, слышу, льется, а онъ смотритъ: глаза то у врага водянаго такъ и горятъ. Перекрестился я, да

какъ хвачу его! Не помню, какъ и на берегъ то выползъ: люди подняли меня ровно мертваго».

Но случается, что водяной или омутникъ является порой въ болѣе привлекательномъ, человекоподобномъ видѣ. Рассказываютъ, будто однажды омутникъ изъ Криваго омута на р. Пчевжѣ являлся просить помощь у Будогожскихъ мужиковъ. Дѣло было такъ.

Въ Петровъ день были Будогожскіе мужики въ часовнѣ. Выхода оттуда, видятъ они старичка, который говоритъ имъ: «Помогите мнѣ добрые люди».

— «Кто ты такой,» спрашиваютъ мужики, «и чего тебѣ нужно?»

«Я здѣшній омутникъ», отвѣчаетъ старичекъ; «забрался въ мой омутъ чужой омутникъ: житья мнѣ нѣтъ отъ него. Помогите, выгоните его изъ моего омута». Заболылись они, спрашиваютъ: «какъ же мы его выгонимъ? А онъ имъ: «возьмите стяжьё и идите къ омуту. Подымется, пойдетъ на берегъ валъ, за нимъ другой, такъ вы по первому и бейте стяжьемъ, а втораго не троньте—это я буду». Собрались, пошли, стали на берегу. Набѣжалъ первой валъ—ударили по немъ мужики, а одинъ то промахнулся да во второй и угодилъ. Глядь—стоитъ въ водѣ тотъ свой омутникъ. и палка у него въ глазу торчитъ. Обругался омутникъ: «куда», говоритъ, бросаешъ!» и палку назадъ мужику выкинулъ. Такъ и прогнали чужаго омутника, а свой вышелъ изъ воды на берегъ и много имъ изъ кисы на берегъ серебра насыпалъ и говоритъ: «Борите, ребятушки, сколько кому нужно!» Мужики отказались, не взяли.—«Мы», говорятъ, «не за деньги брались выгонять, а такъ, своему хотѣли помочь: «И хорошо сдѣлали, что не взяли ничего», сказала рассказчица, еслибъ взяли, то всё равно деньги въ черепье дома обернулись бы) ¹⁾. И омутникъ за такое безкорыстіе ихъ обѣщался, что не будетъ народъ тонуть у нихъ на перевозѣ: «и выше и ниже—будутъ, а у васъ на перевозѣ—никого?».

Теперь перейдемъ къ другимъ остаткамъ языческихъ божествъ, къ домашнимъ мнѣческимъ существамъ. О домовомъ уже достаточно было и писано, и говорено; обратимся къ менѣе извѣстнымъ—бавному и рижному хозяину.

Баннѣй въ большинствѣ рассказовъ является добродушнымъ шутникомъ. Это крайне шаловливый духъ: онъ иногда принимаетъ видъ различныхъ

¹⁾ О превращеніи бѣсовскихъ денегъ въ уголья см. у Аванасьева. Народныя русскія легенды М. 1868 стр. 167. Опытъ мнѣологическаго объясненія см. въ его же статьѣ: «Мнѣическая связь понятій свѣта, зрѣнія, огня, металловъ и пр.» въ Архивѣ историко-юрид. свѣд. о Россіи, т. II, отд. 2.

людей и такимъ образомъ морочить деревенскій людъ. Въ банѣ поселяется онъ послѣ того, какъ въ ней побываетъ роженица, моется и парится послѣ хозяйевъ ¹⁾). Вотъ что рассказываютъ въ д. М. Будогощѣ о банномъ:

Приѣхалъ въ деревню торгошъ. Просится ночевать; и была у хозяйевъ баня топлена, и въ той баннѣ чудилось. Торгошъ пошелъ съ мужиками: вымылись, выпарились, дома чай сѣли пить, а потомъ и спать легли. Послѣ мужиковъ пошли двѣ невѣстки и дѣвка, а старуха та дома осталась съ мужиками. Приходятъ въ баню, раздѣлись въ передбанникѣ, входятъ въ самую баню а тамъ на полку кто-то лежитъ и ноги раскарячилъ: видятъ— торгошъ. «Ахъ, ты, безсовѣстной, озорной!» говорятъ бабы,—и домой. Пришли, на торгоша жалуются: тотъ спитъ себѣ и съ избы не выходилъ. А пока-зался то подъ видомъ торгоша баенной.

Здѣсь дѣло кончилось шуткой, а въ другой разъ и хуже было.

«Сиди вечеромъ мужикъ въ избы, и подѣвзае тройка. Вылѣзъ баринъ, велелъ сготовить чаю, созвать посидку, да и говоритъ хозяйину: «стои мни-ка байну, да найди человека, чтобъ меня помылъ да попарилъ, а я за всё сто рублей дамъ».—«Какъ за сто рублей не найти человека», говоритъ мужикъ,—«да вотъ баба моя и вымоетъ те и попаритъ». «Ладно». Стопидась байна, баринъ пошелъ мыться, посидка разошлась. Ждетъ мужикъ за самоваромъ, чтойто долго съ байны нейдуть. Ждалъ—пождалъ, да и спрашиваетъ у кучера: «что, молъ, пора бы и изъ байны быть»? А тотъ ему:—«нашъ баринъ люби долго париться!» Пождалъ мужикъ еще: нѣтъ, неимется ему: пойду, думаю, погляжу, что они тамъ мѣшкаютъ. Подходи къ байны и глѣди въ окошко: и види: сиди баринъ на полку и съ бабы кожу сымае. Онъ какъ закричить, да побѣжить за народомъ! Прибѣжали: баня отворена, на окошкѣ сто рублей денегъ, на полку баба ободрана лежи, а барина нѣтъ. Побѣжали къ избы: и кучера и тройки какъ не бывало».

Рижный хозяйинъ въ великорусскихъ сказкахъ является существомъ преимущественно трусливымъ и завистливымъ. Его легко напугать и прогнать. Но тѣмъ не менѣе надо крестьянину жить съ нимъ въ ладу, иначе онъ сожжетъ гумно и уничтожитъ весь хлѣбъ, свезенный туда. Такъ однажды, не влюбилъ рижный одного мужика и сжегъ у него ригу; построился мужикъ заново, а рижный опять сжегъ. И въ третій разъ построился мужикъ, и вотъ что случилось: Въ прежнее время водили медвѣдей. Вотъ пришелъ въ

¹⁾ Срв. Новгородскій сборникъ, I, 284—6.

деревню ночовать мужикъ съ медвѣдемъ. Куда его положить? неловко такого звѣря въ избу пускать. Вотъ ему и велѣли въ ригѣ той ночовать, что недавно построена была. Стопили ригу; мужикъ съ медвѣдемъ забрались туда и забились за печку: теплѣе тамъ ночовать. Въ полночь приходи рижной хозяинъ и приноси множество рыбы. Началъ онъ ей печь на уголькахъ; печетъ и роетъ на краешокъ, а медвѣдь из-за печки подбирать лапкой, да подѣдать. Рижной хозяинъ остатнюю рыбку спѣкъ, на печку кинулъ. Хватился, сталъ искать—нѣтъ ни одной! Бросился за печку; какъ его сгрѣбъ—и не знать кто—да началъ его тискать! «Ну, ты, пусти», кричитъ рижной: насилу вырвался, ушелъ весь оцарапанный. И черезъ нѣсколько времени идетъ одна женщина рано поутру за водой, а онъ ей на стрѣчу и спрашиваетъ: «жива ли у мужика, чья этая рига, кошка?»—«Жива, да еще такихъ же семерыхъ родила!»—«Эко горе то», говоритъ рижный; «скажи ты пожалуйста мужику, что ригу ту я у него сжегъ, больше не буду, полно. Пусть онъ деньги мои оберетъ: ихъ подъ угломъ риги пивоваренной котель зарытъ. Хотѣлъ я ему опять ригу сжечь, да болѣ не пойду». И вправду, обралъ мужикъ деньги: большой котель полный серебра, и сталъ богато жить.

Наряду съ разказами, гдѣ дѣйствующими лицами являются существа мионическія, приуроченныя и, такъ сказать, прикрѣпленныя къ извѣстному мѣсту, мы находимъ не мало разказовъ, гдѣ дѣйствуетъ уже непосредственно нечистая сила. Съ понятіемъ лѣшаго, водянаго, насколько я наблюдалъ это, самый житель д. Будогощи не связываетъ представленія о чемъ то страшномъ, зломъ, враждебномъ Богу и людямъ. Онъ мирно совмѣщаетъ въ своемъ міросозерцаніи и Бога христіанскаго, и противоположное Ему существо, источникъ всякаго зла—чорта, или, какъ чаще его называютъ иносказательно, врага, и наряду съ ними нѣчто среднее—цѣлый рядъ божествъ, о которыхъ мы выше говорили. Представленія этихъ мионическихъ существъ и чорта, діавола отнюдь не сливаются въ одно. Чортъ, врагъ—существо отвратительное; самое имя его грѣшно произносить, тогда какъ съ лѣшимъ или домовымъ вступить въ извѣстнаго рода соглашеніе далеко не представляется грѣшнымъ и преступнымъ.

О взаимныхъ отношеніяхъ людей и мионическихъ существъ мы говорили. Теперь рѣчь будетъ объ отношеніяхъ людей и нечистой силы, чорта. Нѣкогда Аевасевъ писалъ такъ: «Вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ большей части народныхъ русскихъ сказокъ, въ которыхъ выводится на сцену нечистый духъ, преобладаетъ шутливо-сатирическій тонъ. Чортъ здѣсь не столько страшный губитель христіанскихъ душъ, сколько жалкая жертва обмановъ и

лукавства сказочныхъ heroes»¹⁾). Слова Аванасьева, будучи отчасти справедливы относительно вышеприведенныхъ сказокъ о мнѣческихъ существахъ, далеко не соответствуютъ истинѣ, въ чемъ мы убѣдимся когда, ниже ознакомимся съ разсказами жителей д. Малой Будогощи о чертяхъ. Въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи мы встрѣтимъ среди жителей совершенно различное отношеніе къ нечистой силѣ, къ мертвецамъ и тому подобному чудеснымъ и таинственнымъ существамъ. Въ иныхъ мѣстахъ вы совершенно не услышите сказокъ о мертвецахъ и чертяхъ; въ иныхъ сказки найдутся, но будутъ, дѣйствительно, сатирическаго характера; наряду съ этимъ есть много мѣстностей, почти весь сѣверъ, гдѣ населеніе твердо вѣритъ въ существованіе чорта, какъ врага и ненавистника человѣка, гдѣ сказки о нечистой силѣ отличаются мрачнымъ характеромъ и совершенно лишены всякаго сатирическаго элемента.

Вотъ разсказъ о томъ какъ врагъ надъ человѣкомъ шутилъ.

Собрались разъ о святкахъ посидка. Много плясали, въ игры играли, пѣли. Ребята разбаловались и стали выдумывать, что бы такое почуднѣй сдѣлать. Вотъ одинъ парень и говоритъ: „дай ка попытаю (испробую), какъ люди давятся. До смерти не задавлюсь же на глазахъ у всѣхъ. Вы меня, ребята, поддержите, а я въ петлю голову суну». Всѣ рады: новая забава нашлась. Сдѣлали мертвую петлю, привязали къ матицы; только онъ сунулъ туда голову да затянулъ малость—вдругъ въ двери становой, да какъ гаркнетъ: «А кто тутъ давиться задумалъ! Я вотъ сейчасъ всѣхъ васъ разберу!» Всѣ по угламъ разсочились, кто къ дверямъ бросился: глядь—никакого станового и не бывало, только метель крутить, да вѣтерокъ воетъ и снѣгъ переметываетъ. Подошли всѣ къ парню, а онъ и вправду задавился: висеть въ потлѣ да покачивается. А становымъ то врагъ отъ прикинулся, да на людей мороку навелъ. Вообще, удавленники—любимая добыча чорта. чорту-баранъ, какъ говорятъ пословица,

Даже тѣ люди, которые не боятся нечистаго и всячески угождаютъ Богу, не обезпечены отъ нападеній нечистаго и козней его. Слышала я въ той же деревнѣ разсказъ о кузницѣ, который и привожу здѣсь.

Жилъ въ деревнѣ мужикъ и кузница была у него. Былъ, онъ хорошій человѣкъ, никого не обижалъ, не обманывалъ; часто къ обѣдни ходилъ. Всѣ его любили, и всю бы жизнь свою онъ прожилъ по хорошему, кабы только врагъ на него не обидѣлся. Была у него въ кузницѣ, на правой сторонѣ, какъ войти, икона—Спасъ премилостивый, а на другой сторонѣ, на доскѣ,

¹⁾ Народныя русскія легенды, стр. 168.

врагъ намалеванъ какъ есть, съ рогами, съ хвостомъ и весь въ шерсть. И всякой разъ, какъ взойдетъ кузнецъ въ свою кузницу на работу, Спасу помолится, а на врага харкнетъ и плюнетъ: всего его заплеваль. И часто сожалѣлъ кузнецъ о томъ, что нѣтъ у него молотобойца, а одному работать не сподручно: иной работы иначе какъ вдвоемъ и не справить. А мастеръ онъ былъ первый въ тѣхъ мѣстахъ.

Однажды вечеромъ приходитъ странникъ, еще молодой, и просится ночевать. Переночеваль и просить еще на денекъ остаться: присталь гораздъ. Что-жъ, думаетъ кузнецъ, пусть поживетъ денекъ, «А не побьешь ли ты молотомъ», говоритъ онъ страннику. Странникъ согласился. Пошли въ кузницу, и весь тотъ день работаль странникъ на кузнеца и очень ему любился. Приходятъ домой ужинать, а кузнецъ и говоритъ: «кабы сталь ты у меня молотобойцемъ, лучше тебя не надобъ»?—«Что-жъ, мнѣ некуда идти, я хоть и у тебя поживу», отвѣчаетъ прохожій.—«Наняль бы я тебя, да не знаю, бывать много спросишь?»—«Что тамъ за много! Буду я у тебя жить, ты меня пой-корми, а черезъ три года дай мнѣ сковать то, что я захочу». Обрадовался кузнецъ. Работникъ лихой, всѣмъ хорошъ, всѣмъ доволенъ. Живетъ молотобоецъ годъ, живетъ другой, ужъ и третій къ концу придать. И вотъ, наканунѣ дня разсчета, останавливается у кузнеца почевать старенькой престаренькой рабъ Божій, странникъ.

Выходятъ утромъ они, кузнецъ и молотобоецъ, на работу, и говоритъ молотобоецъ: «помнишь хозяинъ условіе, дай сковать, что хочю».—«Да куй;» говоритъ кузнецъ, «желѣза много же».—«Только ты не смотри», предупреждаетъ молотобоецъ. Вошелъ онъ въ кузницу, что стояла на берегу рѣки, разжогъ горно и ждетъ. Проходитъ мимо старенькій старичекъ, что у нихъ почеваль. Идетъ и охаетъ; покачивается, отъ старости едва на ногахъ стоитъ, того и гляди по земли растянется. Кричитъ ему молотобоецъ: «Эй дѣдушка, заходи ко мнѣ!»—«Тяжело, родимый, на гору не здынусь», отвѣчаетъ старикъ. «Полно приходи сюда, я те помогу, помоложѹ. Подошелъ старикъ къ дверямъ и спрашиваетъ: «чѣмъ же ты меня помолодишь»?—«Перекую».—«Да что ты?»—«Ложись, увидишь».—«Эхъ, все одно помереть», говоритъ старикъ, «лягу попытаю». А кузнецу то любопытно: прикинулся да въ щелку и смотреть. И видитъ онъ: взялъ молотобоецъ старика, положилъ въ горно, засыпаль угольа, да какъ зафычить мѣхами, только искры столбомъ поднялись. Раскалилъ старика, бросилъ на наковальню, билъ, билъ молотомъ, да въ разныя стороны поворачиваль; потомъ въ чанъ съ водой окунулъ: зашипѣла вода, паръ столбомъ поднялся. Кинулъ молотобоецъ старика объ земь—и сталь старикъ молодцомъ хоть куда: шарень лѣтъ двадцати, кудри русыя въ колечки зави-

ваются, щеки полныя румянцомъ горять, походочка молодецкая. Встряхнулся повелъ глазами вокругъ: каковъ молъ я! Вяжъ онъ котомочку, поблагодарилъ мастера и дальше пошелъ. Старый кузнецъ, словно ума рѣшившись, опротивлю домою бросился; кричить старухѣ матери: «Ей, матушка, давай я тебя перекую, молба будешь!» «Что ты», говорить ему мать, «аль Богъ разумъ отнять? видано-ль дѣло стариковъ ковать?» «Э, не разговаривай со мной, я у молотобойца сейчасъ научился», закричалъ кузнецъ; схватилъ онъ старуху, та упирается, Приволокъ онъ ее въ кузницу, связалъ, бросилъ въ горно, и ну мѣхами раздувать. Старуха та вопить благимъ матомъ, а онъ и взаправду ума рѣшился: знай себѣ дуетъ.

А молотобоецъ и странникъ, котораго помолодили, побѣжали по деревнѣ и кричатъ: «идите вси крещоны въ кузницу, смотрите какъ кузнецъ мать сожогъ!» Сбѣжался народъ, ворвались въ кузницу: видать кузнецъ безъ памяти мать жжетъ, а старуха ужъ померши. Взяли его въ желѣза, да и повезли въ городъ. Хватились молотобойца—ни его, ни странника нѣтъ: сгинули.

Слѣдуетъ замѣтить, что настоящая сказка, по ближайшемъ изслѣдованіи, оказывается не оригинальной, не самостоятельной по своему сюжету. Обозрѣвая сказочный матеріалъ, мы замѣчаемъ, что въ сказкахъ любимое мѣсто чорта—кузнечная труба. Кромѣ того, мы имѣемъ легенду о томъ, какъ хромоу бѣсъ перековалъ пустытника ¹⁾). Весьма сходный вариантъ мы находимъ тамъ же, а затѣмъ—сюжетъ этой сказки извѣстенъ и въ западноевропейскихъ ²⁾ и въ остальныхъ народныхъ литературахъ ³⁾.

Мы не будемъ входить въ подробности сравненія; отмѣтимъ лишь то, что еслибы настоящій сюжетъ о мстительномъ чортѣ былъ совершенно чуждъ нашей народности, если бы онъ не нашелъ подходящей почвы, чтобы укорениться и получить широкое распространеніе, то мы оставили бы его безъ вниманія, какъ нѣчто случайное. Но здѣсь появленіемъ его нельзя пренебрегать: нашъ сюжетъ совпалъ съ вѣрованіями и взглядами народа на нечистаго и прочно укрѣпился въ народной средѣ; примкнувъ къ другимъ рассказамъ о томъ же чортѣ и объ отношеніи его къ людямъ.

¹⁾ Народныя русскія легенды собр. Аванасьевымъ стр. 76—77.

²⁾ Тамъ-же стр. 104—107, и примѣчанія стр. 145. Сrv. Отчество. Записки 1840 г. № 2. смѣсь, стр. 50—51. тоже, отчасти иначе,—Grimm. Kinder und Hausmärchen II, № 147 Христосъ и ап. Петръ перековываютъ нящаго, *Norwegische Volksmärchen, gesammelt v. P. Albjornsen und Jorgen*, № 21. П. В. Шейнъ, Материалы. II т. стр. 144.

³⁾ Отмѣтимъ хотя бы вариантъ въ „Книгѣ Мудрости и Лжи“ (Грузин. басни XVII ст.) С. С. Орбелиани, перов. Ал. Цагарели. Спб. 1878. стр. 84, № 75.—вариантъ наиболѣе схожій съ нашимъ.

Отъ сказокъ о нечистой силѣ обратимся къ тѣмъ народнымъ рассказамъ, гдѣ также силенъ элементъ чудеснаго и таинственнаго, къ рассказамъ о мертвецахъ. Вѣра въ сохраненіе мертвецами способности живыхъ людей—двигаться, говорить, являться людямъ изъ могилъ и вступать въ различныя отношенія съ живыми близкими людьми и родственниками—эта вѣра была всегда сильно распространена въ народныхъ массахъ всѣхъ странъ и эпохъ ¹⁾. Не будемъ распространяться о возможныхъ причинахъ возникновенія подобнаго вѣрованія; укажемъ лишь на наиболѣе вѣроятную причину, на аналогію сна и смерти, которая всегда бросалась въ глаза людямъ.

Мертвецъ—существо наполовину уже иного міра: этимъ онъ внушаетъ таинственное уваженіе къ себѣ. Пока трупъ не подвергся окончательному разложенію—въ него всегда можетъ вернуться душа его и оживить къ новой дѣятельности. Это воззрѣніе мы находимъ, напримѣръ, у египтянъ и равнымъ образомъ у народовъ ничего общаго съ ними неимѣющихъ. Оно—плодъ извѣстнаго психическаго настроенія, являющагося по поводу двухъ аналогичныхъ явленій, созерцаемыхъ человѣкомъ. Издавна существовалъ также взглядъ, что души добрыхъ людей, послѣ смерти этихъ послѣднихъ, являются охранителями живыхъ людей и интересовъ ихъ. Души же злыхъ, особенно колдуновъ или знавшихся съ нечистой силой, оказываются и послѣ смерти тѣла, врагами и ненавистниками всего живущаго, подобно діаволу, которому они служили при жизни.

Сообразно этимъ послѣднимъ взглядамъ на мертвецовъ, народные рассказы о нихъ распадаются на двѣ группы: одни повѣствуютъ о мертвецахъ добрыхъ, другіе—о злыхъ.

Вотъ рассказъ, выдаваемый за быль, о мертвецѣ обогатившемъ мужика; сообщая его тѣми же словами, какъ слышалъ самъ.

Гнали ребята барки по Мсты, вошли въ Волхово. Стали ночовать; глядь, одново на берегу и забыли. Пошелъ онъ по берегу: думаетъ своихъ наздогнать. И видитъ, лежитъ на берегу покойникъ въ хорошей одежи. Вотъ парень то и здумай: роздину ево; на што ему хорошая одежда?—а мника послужи. Роздиль и пошолъ. Только и дүмае: штожъ я ёво такъ то бросяъ. Вернулся молитву сотворить и вѣди, што у ёво на груди хрестъ золотой. Снялъ съ ёво хрестъ, да неловкѣ безъ хреста бросить. Надѣлъ на покойника свой, да и говорить: «вотъ мы хрестамъ помѣнялись, побратались,

¹⁾ Объ этомъ собранъ матеріалъ и указана литература въ первыхъ главахъ послѣдовація И. Сосоновича: «Ленора Бюргера и родственные сюжеты въ народной поэзіи европейской и русской». Варшава. 1893.

значить. Прощай братъ крестовой!» Нашелъ онъ своихъ; и вотъ приходитъ ночь. Является ему этотъ покойникъ и говори: «што ты, крестовой братъ, меня и не похоронилъ; грѣшно теби-ка меня такъ бросить. Вернись, захорони меня, да возьми у меня съ руки золотое кольцо». Совѣстно стало парню. Вернулся, помолился надъ нимъ, захрестилъ, все молитвы прочелъ, какія зналъ и опять пришелъ на барку. А ночью снова приходи къ нему покойникъ и говори: «Вотъ взялъ ты теперь кольцо, одежду; сходи, какъ будешь въ Новѣ-городѣ, къ моей матушки и скажи, што ты, мой братъ крестовой, захоронилъ меня, а въ подпольи пусть она разломать стѣну, (и указалъ гдѣ) и што найдешь—себя возьми». Парень и былъ въ Новѣ-городѣ, да не послушался: «што», говори, «пойду я, объявлюсь?—на меня скажутъ, што убилъ. да посада». А покойникъ опять къ нему приходи и проси. Думаетъ парень: што какъ онъ и дома начнѣ ходить кожную ночь? схожу. Рѣшилъ и пошелъ. Показалъ онъ матери кольцо и всеъ рассказалъ по порядку. Мать сейчасъ ево въ клѣтъ посадила, заперла и хочеть въ судъ отдать. Только пришла ночь. И вотъ сынъ покойникъ приходи къ матери и говори: «выпусти матушка тово человекъ, сведи ево въ подпольѣ и отдай ему што онъ самъ возьметъ. Кабы не захоронилъ онъ меня, такъ клевали бы меня вороны, мылъ бы мои восточки холодный дождиень». Свела мать парня въ подполье; нашелъ онъ тамъ казну, какъ сказано было, поѣхалъ на родину и сталъ жить да поживать.

Въ этомъ рассказѣ отравилось вѣрованіе общее всеѣмъ европейскимъ народамъ, что позорно и нечестиво оставлять умершаго безъ погребенія.

Теперь обратимся къ сказкамъ, гдѣ мертвецъ является страшнымъ, злымъ существомъ. Вотъ сказка о трехъ братьяхъ и отцѣ колдунѣ.

Жили были тросъ братьевъ, а отецъ у нихъ былъ колдуномъ и жилъ особѣ. Померъ онъ и помирамше велилъ, чтобъ его трои сутки откараулить, а раньше того не хоронить. Приходитъ какъ разъ къ нимъ въ этое время солдатъ и просится ночовать. Они и говорятъ: милости просимъ «ночовать, только сѣночь покарауль ты у насъ отца». Солдатъ согласился. Забрался въ избушку, гдѣ особѣ жилъ колдунъ, зажегъ свѣчку, сяди ѣ читает. Вдругъ съ трубы штотъ кричить: «упаду!» А онъ негляда въ отвѣтъ: «да падай!» И упала въ избу нога, вся въ шерстѣ. Немного погодя опять: «упаду!» Солдатъ опять: «вались», говоритъ. И снова тотъ же голосъ: и упала другая нога, потомъ руки, туловище, голова. И опять голосъ: «встаю». — «Да, вставай», сказалъ солдатъ: поднялъ глаза и видитъ: стоитъ передъ нимъ ктогъ мохнатой, страшной такой. «Погоди я ужо те проберу», говоритъ солдатъ: какъ сталъ пробираться мохнатой къ ему, онъ его и пересѣкъ саблей.

Запѣли пѣтухи и чудо сгинуло. На вторую и на третью ночь упросили остаться солдата опять караулить; то-же самое случилось съ нимъ. Братья перепугались, прѣся его: «свези ужъ и на погостъ его». Солдатъ велѣлъ набить на домокъ ¹⁾ три обруча желѣзныхъ, поставилъ на тележку и самъ сверху сѣлъ. Ъхалъ, ѡхалъ; обручъ—лопъ! Попоѡхалъ еще немного—другой лопъ! Немного погода и третій лопнулъ. Солдатъ на руку обручи надѣваетъ и что есть духу скачетъ на погостъ. Привезъ покойника, а батька дома нѣтъ. Говорить отъ матки-попадья: «тѣло привёзъ». А она ему велела поставить его въ синахъ, въ чуланчикѣ. Набилъ солдатъ обручи на домокъ и уѣхалъ скорѣй. Сиди matka ночью, ждѣ батька. Вдругъ обручъ: лопъ! Не батька ли пріихалъ, думаетъ matka и поглядываетъ за окошко. И второй, и третій лопнулъ—и батька всё нѣтъ. Слыши попадья: кто-то въ избу идѣ, въ дверь ломится: «пушай», говоритъ, «а то и такъ попаду!» Она замнула, залѣзла на печку, всѣхъ ребятъ и кошекъ и собакъ съ собой забрала. Мертвецъ вломился въ избу, сталъ шарить у печки и лѣзть туда; попадья ему щенка бросила: онъ его разорвалъ и съилъ. И опять лѣзетъ, а она ему кого-нибудь опять кинетъ: всѣхъ и кошекъ и собакъ перерыла; маленькаго ребенка ему бросила: онъ и того разорвалъ и съилъ. И въ этое время запилъ питуноу — мертвецъ упалъ навзничъ. Немного погода срядъ и батька пріихалъ. Видитъ какво у матки чудо случавши, скопилъ народъ, свезли мертвеца въ яму, зарыли и осиновыми колышкѡмъ забили.

Настоящая сказка по своему характеру и складу близко подходитъ къ сказкамъ сообщеннымъ И. Сазоновичемъ въ вышеупомянутомъ его изслѣдованіи. Говорить также въ д. Будогощѣ, что мертвецы жестоко наказываютъ тѣхъ, которые относятся къ нимъ безъ должнаго уваженія. Одинъ изъ такихъ случаевъ мести мертвеца я здѣсь и приведу.

Собрались дѣвки да ребята на посидку, а одинъ парень и говоритъ: «давайте ка я сюда покойника приносу». А о ту пору былъ покойникъ въ часовни. Парень и вправду принёсъ его, поставилъ у дверей къ печкѣ. Сталъ покойникъ оттаивать и опускаться, а дѣвки отъ страха кто на печку, кто въ запечокъ забрались и велеть несть его назадъ. А парень не хочетъ, говоритъ: «несите сами!»—забоялся. Покойникъ молчалъ, молчалъ да и заговорилъ: «кто взялъ, тотъ и неси назадъ». Хоть страшно было, а надо несть. Вотъ парень съ товарищемъ и понесъ его. Принесли въ часовню, положили на старое мѣсто, а покойникъ и говоритъ: «попрошайтесь со мной». Товарищъ, который помогалъ нести назадъ, попрощался какъ слѣдуетъ, а перваго, выдумщика, покойникъ захва-

¹⁾ Домокъ—гробъ

тиль руками за шею, и отнять нельзя было. Руки пилить хотѣли—пила нейдетъ. Такъ ихъ вмѣстѣхъ и схоронили.

Нѣкоторыя сказки о мертвецахъ не лишены комическаго элемента, но въ общемъ—это рѣдкое явленіе. Какъ примѣръ мы сообщимъ сказку, довольно сходную въ частностяхъ съ приведенной нѣсколько выше сказкой о колдунѣ, трехъ сыновьяхъ и солдатѣ.

Жили-были мужикъ да баба, и былъ у нихъ сынъ. Сына сдали въ солдаты. Отслужилъ онъ свой срокъ и вернулся домой въ деревню а матери и отца нѣтъ. Спрашиваетъ онъ, гдѣ они; ему отвѣчаютъ мужики: «вотъ новый домъ, тутъ и померъ твой отецъ, а мать тоже давно померши». Взялъ солдатъ вина и пошелъ въ домъ. Сидитъ ночью, пьетъ вино, а покойникъ и приходитъ—весь въ бѣломъ. И говоритъ онъ сыну; «я съѣмъ тебя».—«Погоди», говоритъ солдатъ, «сперва вина выпьемъ, а потомъ и съѣшь меня».—Пьютъ, а солдатъ этакъ между прочимъ и спрашиваетъ, быдто ни къ чему: «и чѣмъ это, батюшка, васъ убиваютъ?» А покойникъ и говоритъ: «осиновымъ коломъ три раза буде на испашку успѣешь ударить—убьешь». Пошелъ солдатъ въ сѣни, быдто за нуждой; ищетъ осиновою палки, а мертвецъ кричитъ: «што ты тамъ мѣшкаешь, мни ка тебя ясь пора». Нашелъ, наконецъ, солдатъ палку, подошелъ къ мертвецу, да какъ хватить его: тотъ и опрокинулся. Сдѣлали домокъ ему, обручи набили и повезли на погостъ. По дорогѣ одинъ лопнулъ, другой цѣлъ остался. Привезли, похоронили и осиновымъ клинѣмъ забили.

Въ заключеніе замѣтимъ слѣдующее: рассказы чудеснаго характера—о разныхъ сверхъестественныхъ явленіяхъ, существахъ, о чортѣ и встающихъ изъ гробовъ мертвецахъ распространены далеко не повсемѣстно и вовсе не равномерно въ средѣ нашего крестьянства. Не будемъ отрицать вліянія школы, какъ фактора разрушающаго миѣнческія воззрѣнія на природу; но и помимо того, что школа существуетъ давно и имѣетъ много учениковъ, мы встрѣчаемъ села, гдѣ населеніе чрезвычайно много знаетъ рассказовъ о мертвецахъ и чертяхъ. Съ другой стороны въ совершенно забытыхъ просвѣщеніемъ глухихъ углахъ мы къ удивленію можемъ совершенно не встрѣтить подобныхъ рассказовъ. Причина, на нашъ взглядъ, лежитъ въ существенныхъ чертахъ психическаго склада народа, мѣстность населяющаго данную.

Кое гдѣ уже съ недовѣріемъ начинаютъ относиться къ такимъ рассказамъ. Старые люди, слыша высказываемыя сомнѣнія и распросы о причинахъ этихъ чудесъ, повторяютъ одну обычную фразу: «въ старину люди простые были, проще насъ, оттого и видѣли всякія чудеса, а теперь пошелъ хитрой народъ, до всего самъ дойти хочеть».

Отчетъ о поѣздѣ къ Олонецкимъ Корелямъ лѣтомъ 1893 г.

Мм. гг.!

Въ нынѣшнемъ году, весной, я получилъ предложеніе отъ Императорскаго Географическаго Общества—заняться въ періодъ лѣтнихъ мѣсяцевъ собираніемъ этнографическихъ матеріаловъ въ корельскомъ краѣ. Мѣстомъ для своихъ экскурсій я избралъ часть губ. Выборгской (нѣкоторыя мѣстности уѣзда Сердобольскаго, граничныя съ Олон. губерніей) и въ губ. Олонецкой—уѣзды Петрозаводскій и Олонецкій. Съ этою цѣлью я и отправился изъ Петербурга въ первыхъ числахъ іюня на пароходѣ въ Сердобольскій уѣздъ. Живя здѣсь среди мѣстныхъ корель, финляндскихъ уроженцевъ, я присматривался къ ихъ жизни, нравамъ, обычаямъ, привычкамъ. И теперь, подводя итоги своимъ наблюденіямъ, могу сказать, что финляндскій корель далеко опередилъ своего родного брата олончанина. Здѣсь не встрѣтишь уже такого невѣжества, какое до сихъ поръ еще спокойно ютится въ лѣсныхъ деревенькахъ Олонецкой Корелии, удаленныхъ отъ уѣзднаго города или даже отъ центральныхъ селеній верстъ на 40 и на 50. Финляндскій корель много видалъ, много слышалъ на своемъ вѣку и свободно, со смысломъ разбираетъ финскую грамоту. Его «тупа» (домъ) поставлена на высококомъ каменномъ фундаментѣ и покрыта прочной, драничной (дранка—лучина) крышей. При входѣ въ нее всякаго посѣтителя необыкновенно пріятно поражаетъ та уютная чистоплотность и нѣкоторое довольство (матеріальное), о которыхъ и понятія не имѣетъ нашъ постоянно грязный, вѣчно чумазый, полуголодный землякъ. У него вы найдете—и прибитый къ оконной рамѣ термометръ (непремѣнно Цельсія), дешевенскій альбомъ фотографическихъ карточекъ, листокъ мѣстной газеты «Laatokka» и непремѣнно «виреп-кирья» (книга, содержащая богослужебные стихи) и «Тестаменты» (библія) въ красивыхъ кожаныхъ переплетахъ. Не удивится финляндецъ-корель, если вы покажете ему и пожарную машину во время самаго дѣйствія,—которая до сихъ поръ приводитъ въ нѣмое изумленіе олонецкаго кореля,—«да эта машина, скажетъ онъ (финляндецъ), у насъ, въ нашемъ мѣстечкѣ давно уже заведена на общественный счетъ»... Найдется у него и усовершенствованный плугъ, ресорный кабріолетъ, съ мягкой волнистой шерстью овца, о которыхъ еще не приходится и мечтать нашему олончанину.

Изъ Финляндіи, постепенно двигаясь изъ деревни въ деревню (Koiganosa, Imrilaks, Kitelä, Pitkå-ranta, Kolmi-kanta, Hippri, Risto-oja, Uusi-kylä, Uuksu, Кяжняжи, Sadula, Salmis, Varba-selgä), я перевалилъ въ предѣлы своей родины—Олонецкой губерніи. Еслибы мнѣ пришлось переѣзжать границу (въ дер. «Kõndu») въ самую темную ночь, и если бы даже не существовало строгаго шлагбаума, и тогда бы я непременно почувствовалъ или, вѣрнѣе, — опутилъ что я ѣду по родной землѣ: ровное широкое полотно дороги, обитое крупнымъ пескомъ—«чурой», кончилось, и началась убійственная съ глубокими промоинами, избитыми колеями—почтовая, на которой постоянно рискуешь выскочить изъ телѣги, или полетѣть внизъ головой въ какую-нибудь котловину вмѣстѣ съ лошадей и экипажемъ.

«Отчего же здѣсь пошла такая скверная дорога? спросилъ я у своего ямщика, который съ угрюмымъ равнодушіемъ покачивался на козлахъ...

— Что ти скасалъ?.. встрепенулся мой возница.

«Отчего, говорю, скверная здѣсь дорога?»

— Дѣрогъ?... дѣрогъ здѣсь русьской...

И это было въ устахъ простодушнаго корелика достаточнымъ объясненіемъ на мои вопросы.

Въ концѣ мѣсяца іюня я былъ уже въ Олонцѣ, въ одномъ изъ старинныхъ корельскихъ городовъ (по дорогѣ въ Олонецъ я заѣзжалъ въ сс. Видлицы и Тулоксу). Городъ настолько имѣетъ въ себѣ мало «городскаго», что сначала неволью принимаешь его за одно изъ селъ, которыя на протяженіи верстъ 10—15 непрерывно тянутся по берегу рѣки Олонки. Здѣсь тѣ же крестьянскія сѣрыя избы, съ двухскатными тесовыми крышами, тѣ же крестьяне въ сѣрыхъ кафтанахъ и бѣлыхъ сапогахъ, та же корельская рѣчь, — и неволью думаешь, что это также какое-нибудь село, только нѣсколько побогаче. Но вотъ замелькали полицейскія управленія, уѣздныя присутствія, трактиры съ необыкновенно большими вывѣсками, и пріѣзжій, наконецъ, догадывается, что онъ въ городѣ, который когда-то далъ свое имя цѣлой области въ 112,322 квадратныхъ верстѣ.

Въ самомъ центрѣ рѣ города, гдѣ выстроены каменный соборъ, окрашенный желтой краской, дома мѣстнаго вѣщества, духовенства и властей, — раскинулись на нѣсколько десятинъ ровные, гладкіе, сѣнистые луга. Косари, звеня косами, косили сѣно, когда я вѣзжалъ въ городъ. «Чьи это луга?..» спросилъ я у одного изъ мѣстныхъ обывателей, удивленный такими патриархальными порядками.

— А это—отца протоіерея... отвѣчалъ спокойно Олончанинъ, — Онъ много тутъ сѣна накашиваетъ...

«Но какже они такъ очутились въ центрѣ города?..»

— Да очень просто... Отецъ протоіерей взялъ на свое имя нѣсколько номеровъ плановыхъ мѣстъ, домовъ-то строить не строить, а сѣно косить, и отъ этого ему—большой доходъ...

Цѣлыхъ шесть дней, начиная съ понедѣльника и кончая субботой, въ городѣ царить мертвая тишина, нарушаемая развѣ лаемъ собакъ и крикомъ гусей, принадлежащихъ одному изъ властей. Проходящихъ на улицахъ такъ мало, что невольно приходитъ въ голову сказка о сонномъ царствѣ, гдѣ все граждане мирно почивали. За то въ воскресенье городъ совсѣмъ преобразовывается. Въ этотъ день въ Олонцѣ бываетъ базаръ. Съ самаго ранняго утра цѣлыя толпы окрестныхъ мужиковъ толкаются на площади около возовъ, мѣстныхъ лавокъ и ларьковъ самаго первобытнаго, примитивнаго устройства. Надъ городомъ носится гомонъ отъ цѣлой тысячи корельскихъ языковъ. Продають соленую рыбу, провѣтренную, вяленую говядину, кожу и постное масло. Вездѣ кричатъ, рядятся, спорять,—и все это происходитъ и ведется на корельскомъ языкѣ, который, какъ извѣстно, любить полногласіе и отъ этого выходитъ необыкновенно крикливымъ. Въ Олонцѣ даже и «власти» говорятъ по-корельски. Мнѣ самому случилось слышать, проходя по набережной, гдѣ живутъ зажиточные люди и начальство, какъ мѣстный воинскій начальникъ закликалъ во дворъ корову, пасущуюся на зеленомъ берегу Олонки: «Тпрукой, тпрукой, тулэ кодихъ, тулэ кодихъ»... Ровныя плоскія окрестности Олонца представляютъ весьма удобныя мѣста для земледѣлства. Здѣсь даже и мѣщане—городскіе жители—исключительно почти заняты земледѣліемъ. Сѣютъ рожь, овесъ, ячмень и получаютъ большіе доходы отъ продажи сѣна. Оттого, кажется, и самое названіе Олонца по корельски «Анусъ», финны передѣляли въ «Annus», что значитъ хлѣбный стогъ, житница корельскаго края. Такой же взглядъ на Олонецъ, какъ на городъ богатый и при томъ веселый, сказанъ и въ нѣкоторыхъ корельскихъ пословицахъ: «хоть айжалъ, да Ануксѣнъ-пія» —хоть на оглоблѣ, да къ Олонцу, «хоть айнавонъ, да Ануксѣзъ» —хоть разокъ, да въ Олонцѣ,—т. е. въ Олонцѣ такъ хорошо, такъ въ немъ весело, что хоть на оглобляхъ ѣхать, хоть разокъ побывать, да имонно только въ немъ. И сами олончане не прочь иногда встать похвастать о богатствѣ своего города: «тулдаһъ рибулойсь, ляхтигѣтѣһъ реболойсь» — «пріѣдутъ-моль къ намъ въ тряпкахъ, а уѣдутъ въ лисицахъ», но на самихъ олончанахъ почему-то не замѣтно этихъ лисицъ. Большинство населенія Олонца отличается необыкновенно крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, высокимъ ростомъ и какою-то лѣнливою плавностью въ походкѣ, что сильно напоминаетъ русскихъ мужиковъ. Это обстоятельство послало мнѣ поводъ думать, что жители г. Олонца, по всей вѣроятности, не при-

родные корелы, а пришлые русскіе, позабывшіе только свой языкъ и перенявшіе языкъ туземцевъ.

Пересѣвши весь Олоонецкій уѣздъ поперекъ ¹⁾ отъ СЗ. на ЮВ., я перевалилъ въ уѣздъ Петрозаводскій, въ которомъ въ этомъ году направился прямо на югъ, къ рѣкѣ Свири, переходя иногда въ пограничный уѣздъ—Лодейнопольскій. Исходилъ много деревень, сель (Святозеро, Вашакова, Важенская пристань, Сигъ-наволокъ, Палгуба, Мельница, Ахпой-сельга, Майя-сельга, Каскесъ-наволокъ, Маньга, Ладва, Таржеполь, Кашкана, Мечуой-ярви, Пагачиницы) большею частью пѣшкомъ или верхомъ на лошади, потому что пути сообщенія таковы, что по нимъ въ пору только пройти или много-много проѣхать верхомъ. Представьте себѣ едва замѣтную тропинку, густо обросшую лѣсомъ и кустами; она то поднимается въ крутую гору надъ небольшимъ, но глубокимъ озеромъ-лаббой, или стремительно опускается внизъ въ болотину, гдѣ грязь никогда не высыхаетъ; вотъ она красиво извивается по сухому сосновому бору, то пробѣгаетъ по зеленой березовой рошѣ и вдругъ сразу обрывается, упрямо опершись въ рѣчку, чрезъ которую нѣтъ ни мостика, ни перевоза.

Таковы въ большинствѣ случаевъ пути сообщенія, по которымъ приходилось путешествовать. Оступись тощая пѣгашка, на спину которой придется взбираться всякому, кто не пожелаетъ путешествовать по образу пѣшаго хожденія, и полетишь куда-нибудь подъ гору съ опасностью свернуть шею, разбить голову о камни, или искупаться въ грязной болотинѣ. О быстрой ѣздѣ, конечно, и думать нечего.

И такъ, что же получилось въ результатѣ всѣхъ этихъ странствованій по корельскому краю? Что сдѣлано мною во весь лѣтній періодъ? Мною собрано: 1) нѣсколько сказокъ и 2) легендъ; 3) нѣсколько загадокъ и пословицъ (въ добавленіе къ прошлогоднему сборнику); 4) сказанія о кладахъ и 5) нѣсколько сказаній о Литовцахъ; 6) записаны заговоры крови и змѣйнаго яда (въ нѣсколькихъ экземплярахъ); 7) свадебныя причитанья Кидельскаго прих. Сердобольск. уѣзда и 8) причитанья погребальныя—добавленіе къ прошлогоднему; 9) записаны толкованія сновъ у кореляковъ; 10) собственныя имена ихъ,—корельскіе святцы, 11) примѣты на всевозможные случаи въ жизни; 12) примѣты и обычаи при воспитаніи дѣтей; 13) стихъ объ Алексѣѣ человекѣ Божіемъ; 14) дѣтскія пѣсенки и 15) пѣсни, приближающіяся по содержанію къ поэмамъ... Одна изъ такихъ пѣсенъ-поэмъ (женитьба «Сепуой Илмалинэнъ»), мною уже представлена многоуважаемому нашему пред-

¹⁾ Посѣтилъ дд.—Горосъ-озеро, Коткозеро, Войвазь-лабба, Кескозеро, Зяльчѣй, Нирма...

сѣдателю В. И. Ламанскому. Пѣснь записана мною со словъ крестьянки-корелки Петрозаводскаго уѣзда, д. Бородинъ-Наволока—Катерины Туру. По словамъ этой женщины, она (пѣсня) поется во время свадебъ и застраховываетъ жениха и невѣсту отъ дѣйствій всякаго колдовства. По содержанію и формѣ, пѣснь очень напоминаетъ руны Калевалы. Въ ней также встрѣчаются герои Калевалы—Wäinämöien, Ilmarinen, Ioukahainen, и описываются похождения ихъ, въ частности Ilmarinen'a. Есть даже мѣста, которыя представляютъ почти буквальное сходство съ Калевалой.

Но при всемъ томъ корельская поэма не лишена и нѣкоторой оригинальности, нѣкоторыхъ самостоятельныхъ чертъ сравнительно съ финской эпосей, записанной Лёнротомъ. Такъ, напр., Хидвидъ-царь и его дочь Муардѣй-Дуардѣй—въ Калевалѣ совсѣмъ не упоминаются. И въ Калевалѣ, правда, въ одной изъ рунъ описывается также поѣздка Илмаринена сватать, но описывается нѣсколько въ другомъ видѣ и иными чертами, и Вайнэмöйненъ (какъ помнится) не является, какъ здѣсь (въ корельск. поэмѣ) врагомъ Илмаринена и не строить ему козней. Пѣснь на корельскомъ языкѣ изложена звучными стихами, одинаковаго размѣра съ Калевалой, и читается очень легко, аллитерація въ ней встрѣчается довольно часто (подробнѣе см. самую пѣснь)¹).

А теперь кстати я считалъ бы не лишнимъ познакомить почтенное собраніе, хотя въ краткихъ чертахъ, съ тѣми приѣмами воспитанія дѣтей (разумѣю—въ самый ранній періодъ), которыя и до сихъ поръ практикуются въ Олонецкой Корелии. Пусть это сообщеніе будетъ малой частицей изъ того, что мною собрано и записано по этому предмету во время лѣтнихъ странствованій.

Дѣти въ Корелѣ растутъ такъ же свободно, на волѣ, какъ только можетъ расти дикое растеніе въ лѣсу или крапива на задворкѣ. Они, послѣ того какъ минетъ 3—4 первыхъ года, рѣшительно предоставляются самимъ себѣ, и на родителяхъ лежитъ лишь болѣе легкая обязанность — доставлять имъ хлѣбъ и кой-какую одежишку, которая въ рѣдкихъ случаяхъ грѣетъ, а обыкновенно только прикрываетъ тѣло отъ нескромнаго глаза. Бѣгающій ребенокъ считается уже настолько взрослымъ, что родители не опасаются оставлять его одного дома, уходя сами въ лѣсъ на работу. И не знаетъ корельское дитя никакихъ мамокъ и нянекъ, проказитъ въ лѣтніе дни вволю, «досыта», беспомощно тонетъ въ рѣкахъ и озерахъ, захлебывается въ колодцахъ и зажигаетъ нерѣдко цѣлыя селенія.

Но за то въ первые годы своей жизни, особенно пока не отростутъ зубы, много съ нимъ горя и хлопотъ бѣдной матери... Оберегать отъ худого

¹) См. IV вып. Ж. Стар. 1893 г. Отд. II, стр. 541—553.

глаза и лѣчить отъ всевозможныхъ болѣзней, начиная отъ чесотки и кончая «призоромъ», кормить грудью и убаюкивать въ люлькѣ по ночамъ — все это лежитъ на матери, которая и днемъ, какъ здоровый человѣкъ, не сидитъ сложа руки: она на равнѣ съ другими членами семьи должна исполнять всѣ работы около дома и въ лѣсу. «Охъ ужъ эти мнѣ дѣти..., говорить иная баба, раждающая ежегодно по ребенку, — совѣмъ измучилась съ ними, ни днемъ, ни ночью нѣтъ покою»... и такимъ образомъ Божье благословеніе для нея обращается въ чистое проклятіе.

Періодъ беременности, какъ извѣстно, и для корельской женщины продолжается около девяти мѣсяцевъ. Но если же случится, что упрямому ребенку и послѣ этого срока почему-либо не захочется выходить на бѣлый свѣтъ изъ матерней утробы, то у кореляка на этотъ случай есть очень хорошее средство. Стоитъ только беременной женщиной насыпать овса въ задній подолъ рубашки и, слегка наклонившись впередъ, скормить его лошади, и ребенокъ волей-неволей долженъ будетъ оставить насиженное мѣсто и съ крикомъ недовольства увеличить собою корельскую семью въ качествѣ ея новаго члена. Если же и это средство окажется недѣйствительнымъ, то тогда прибѣгаютъ къ самому крайнему, самому варварскому, что можетъ случиться только въ корелѣ: родильницу привѣшиваютъ къ «огсі-руи» (продольныя и поперечныя перекладины отъ одной стѣны къ другой, на которыхъ кореляки сушатъ сѣти, лучину и одежду), съ силой нажимаютъ животъ и такимъ способомъ выдавливаютъ упрямаго ребенка.

Для родильницы уступаютъ въ избѣ пѣлый уголъ и огораживаютъ его кой-какимъ тряпьемъ — въ видѣ занавѣски. Окно противъ этого угла также глухо законопачивается — платками, кафтанами и овчинными шубами. «Розониччу» — родильница лежитъ въ углу на соломѣ и слегка стонетъ; слабый стонъ является какой-то необходимой принадлежностью каждой родившей женщины: «А не равно кто войдетъ въ избу и, не слыша стонать, подумаетъ: вотъ вѣдь родила, и хоть бы что. Ни одного стона... А этимъ, извѣстно, легко и сглазить».

Пуповину у ребенка въ большинствѣ случаевъ обрѣзываетъ какая-нибудь мѣстная старушенка, искусная во всякаго рода колдовствахъ и знахарствахъ. Отрѣзанную пуповину бросаютъ прямо во дворъ, въ уголъ, и рѣдко когда даютъ себѣ трудъ закопать ее въ навозъ.

«А зачѣмъ закапывать?» спрашиваетъ корелякъ. — Свинья все равно съѣстъ, долго валяться не будетъ... Свинья тоже для себя старается, ей вѣдь, — «веро» — обѣдъ будетъ»...

Самый пупокъ обвязываютъ волосами родильницы или прядями льна,

которые были вплетены въ ея косы во время вѣнчанія, и только рѣдко-рѣдко когда простыми нитками. Завязать хорошо, удачно пупокъ считается большимъ мастерствомъ, и не каждая бабка возьмется за это дѣло. Часто случается такъ, что завязанный пупокъ снова развязывается, и ребенокъ истекаетъ кровью. «Когда родила я перваго ребенка, рассказывала одна корелка, пригласила «бабничать» (буабимаһъ) Вахрамѣвну. Тогда что еще знала?.. Ничего... Долго вѣрила тому, что ребенокъ выходитъ изъ пазухи... Ну, такъ вотъ и пригласила я эту Вахрамѣвну... Она у меня тутъ «бабничала», мыла ребенка, пупокъ обрѣзывала. . Говорю ей: Вахрамѣвиа, покажи-ка ребенка? Какъ погляжу я, такъ пеленки у ребенка, что брусничнымъ сокомъ облиты, а самъ ребенокъ сталъ какъ бѣлая скатерть».

— И умеръ у тебя ребенокъ?..

«Какже... тѣмъ же днемъ и умеръ»...

Черезъ нѣсколько дней, обыкновенно, выпадаетъ пупокъ, отрываясь по тому самому мѣсту, гдѣ былъ перевязанъ волосами или ниткой.

Пупокъ, по воззрѣнiямъ кореляковъ, имѣетъ весьма важное значенiе для каждаго человѣка. Умъ человѣка находится въ таинственной тѣсной связи съ нимъ, а потому его не бросаютъ «зря» куда-попало, какъ пуповину, но прячутъ его въ особыя укромныя мѣста и тщательно хранятъ въ продолженiи всей жизни. Обыкновенно, его запикиваютъ подъ потолочную балку и строго наблюдаютъ, чтобы кто-нибудь не крянулъ: «крянулъ пупъ ребенка, крянулъ его умъ, навѣкъ сдѣлалъ его несчастнымъ» (liikutid lapsen pjaban, liikutid hänen milen, igäks asuid osatuoiks).

Окрестить ребенка—не слишкомъ-то торопится корелякъ, въ особенности если первый коо-какъ здоровъ и не внушаетъ опасности умереть съ часу на часъ. Проходить недѣли 3—4 или даже мѣсяць—другой, тутъ только онъ ѣдетъ за своимъ «рарри»—священникомъ и привозитъ его на домъ «larsi, valatattai», т. е. буквально—облить ребенка. Крещенiе въ Корелѣ не считается за фактъ особенной важности, и совершается оно безъ всякой праздничности и торжественности. Часто семейные въ самый день крестинъ уходятъ въ дѣсь на работы, и остаются дома только родители—отецъ и мать ребенка, но и они не присутствуютъ при самомъ обрядѣ крещенiя: отецъ, чтобы отъ этого не сдѣлалось плаксивымъ дитя, а мать, потому что считается еще нечистой. Ребенка погружаютъ въ ушатъ или квашню, въ которой въ обычное время мыють тѣло.

Кумъ и кума механически, безъ всякаго, смысла повторяютъ за священникомъ «символъ вѣры», слова отреченiя отъ сатаны и дуютъ и плюютъ на прогоняемаго діавола. Когда ребенка погружаютъ въ купель,—обращаютъ

вниманіе на то, въ какомъ положеніи находится его тѣло: если ребенокъ выпрямился—значитъ скоро умретъ, а если скорчился, собрался въ комокъ—это вѣрный признакъ къ жизни... На шею ребенку привѣшивается мѣдный крестикъ со множествомъ различныхъ амулетовъ, которые совершенно закрываютъ собою символическій знакъ христіанства. Между ними чаще всего встрѣчаются: ртуть (elāv artu—живая ртуть), зашитая въ холщевую тряпочку; она, по мнѣнію кореляковъ, охраняетъ тѣло отъ различныхъ навозныхъ сыпей; цвѣтъ ржи, который будто бы привлекаетъ къ ребенку симпатіи окружающихъ; медвѣжий коготь, чтобы ребенокъ не былъ боязливъ и робокъ; кусочекъ кожи съ вырѣзанной на немъ пятаконечной звѣздой, — отъ дѣйствій «рапа»—нечистаго, и наконецъ, высушенная мошонка кастрированнаго кота, какъ предохраняющее средство отъ грыжи.

Мѣстомъ, гдѣ спитъ ребенокъ, служитъ колыбель—люлька, по корельски «кяткюдъ». Кяткюдъ дѣлается изъ осиноваго дерева и шивается ивовыми прутьями. Въ ней вы не найдете ни одного гвоздика, ни винтика,—ничего, что бы напоминало о металлѣ. Она, обычно, деревяннымъ крюкомъ прицѣпляется къ «оцѣпу»—длинному березовому колу, воткнутому въ желѣзное кольцо подъ самымъ потолкомъ. «Кяткюдъ» виситъ на веревкахъ и можетъ раскачиваться въ двухъ направленіяхъ: сверху внизъ и изъ стороны въ сторону. Для удобства раскачиванія съ боку привязываютъ веревку въ формѣ петли. Въ эту-то петлю продѣвается нянькой нога, и люлька свободно, по желанію, раскачивается въ разныя стороны. И сидитъ себѣ за такой люлькой ветхая старушка въ роли няньки... Слезящіеся ея глаза не видятъ уже продѣтъ нитки въ ушко иглы, дрожація руки то и дѣло спускаютъ со спиць петли чулка... Куда она годится?.. Какую работу она можетъ исполнять?.. А пусть лучше сидитъ за люлькой и качаетъ ребенка... И убаюкиваетъ его ова, день-деньской, напѣвая своимъ беззубымъ морщинистымъ ртомъ безконечныя пѣсенки:

Мянинъ, мянинъ мягелъ,
Тулинъ, тулинъ тойжель,
Тули кахту-колматту,
Тули Тійту вастаһъ...
Ой, сина Тійту,
Суа сина калуа;
Синунъ лапсэдъ нялгяһъ куолтиһъ...
Тійту калуа эй суа
Тіитанъ лапсэдъ нялгяһъ куолтиһъ... ¹⁾

¹⁾ Здѣсь мною приводятся только огривокъ пѣсенн.

Не весела эта дѣтская пѣсенка какъ по нагѣву, такъ и по содержанию. не радости к утѣхи сулятся въ ней подростающему ребенку, не счастливая доля рисуется въ ней заманчивыми чертами, а та же скудная корельская природа и тяжелая жизнь съ голодками и нуждой.

Пошелъ я на гору,
Пришелъ на другую,
И повстрѣчался дорогой я съ Титомъ...
«Ой, Тить, Тить!
Иди рыбу ловить:
Вѣдь не то твои дѣти
Съ голоду умрутъ»...
Тить рыбы не ловить,
Его дѣти съ голоду умираютъ...

Ограничиться однимъ простымъ устройствомъ люльки—опытный корельскъ считаетъ весьма недостаточнымъ. Убрать её, умѣло обращаться съ ней—опять нужно знаніе (tiedo) и ветхія старушонки и на этотъ разъ сохранили свои примѣты. Онѣ говорятъ, что самое лучшее въ люльку, подъ изголовье ребенка, положить «комель» отъ того вѣника, которымъ парилась мать ребенка въ первыя три бани послѣ родовъ. Многіе кладутъ туда же по кусочку обожженного камня и привязываютъ его къ комелю конопляной ниткой, а нѣкоторые еще привѣшиваютъ сверху надъ ребенкомъ медвѣжьей коготь. И вотъ, когда люлька снабжена такими предохранительными средствами, къ ребенку не можетъ пристать ничто худое. Если ребенка почему-либо снимутъ вонъ изъ люльки, послѣдняя не оставляется пустою: въ нее непременно нужно положить вѣникъ ели еще лучше сапоги матери. А оставь-ка такъ люльву, не замѣтишь вѣдь, какъ нечистый «раха» устроитъ какую ни-на-есть пакость: заберется въ люльку самъ или подложитъ въ нее свое паршивое дѣтще...

Не вынесутъ также ребенка изъ дому на улицу какъ-нибудь просто, безъ всякихъ примѣтъ. Опытная мать, выходя изъ избы, непременно ужъ мазнетъ мизинцемъ правой руки надъ устьемъ печи и сдѣлаетъ сажей знакъ—патыншко на лбу или за ухомъ ребенка,—это необходимо, чтобы не сглазилось дитя.

Кормится ребенокъ на первыхъ порахъ молокомъ матери. Подавая грудь, мать должна взять её всей рукой, а захвати-ка почему-либо она двумя или тремя пальцами, значитъ она не желаетъ полного счастья своему ребенку.

Но какая-токая найдется мать, которая не пожелала бы полного счастья своему родному дитяти?! Она не только сама жаждет этого всем своим существомъ, но постарается, чтобы и отецъ любилъ его и заботился о немъ. А сдѣлать это, по мнѣнію корела, очень легко. Стоитъ только новорожденного тотчасъ послѣ родовъ завернуть въ отцовскую рубаху, и все симпатіи послѣдняго перейдутъ на ребенка. И эта примѣта строго исполняется даже и въ томъ случаѣ, когда роды происходятъ въ лѣсу, во время самой работы. Отецъ ребенка съ пресерьезнымъ видомъ снимаетъ съ себя рубаху и отдаетъ ее въ пеленки своему дѣтищу, а самъ или остается нагимъ, или натягиваетъ свой зудящій кафтанъ на голое тѣло.

Такъ ребенокъ (какъ я уже сказалъ) на первыхъ порахъ кормится грудью своей матери. Но такая пища не всегда можетъ быть предлагаема аккуратно. Мать на 3-й или 4-й день послѣ родовъ уже считается совершенно здоровой и волей-неволей должна участвовать во всехъ крестьянскихъ работахъ. Ребенокъ остается дома, а мать уходитъ въ лѣсъ на цѣлый день, а иногда (и это очень часто) и на цѣлую недѣлю—«уо kunsih», съ ранняго утра понедѣльника и до поздняго вечера субботы, и во весь этотъ долгій промежутокъ она ни разу не имѣетъ возможности навѣстить его. Чѣмъ же тогда кормятъ ребенка? Кормятъ всемъ, что найдется въ домѣ подъ руками. Поятъ коровьимъ молокомъ, кормятъ ржанымъ разжеваннымъ хлѣбомъ, толокняной кашей, рыбой, ягодами, печеной рѣпой, картофелемъ,—словомъ всемъ, чѣмъ только можетъ питаться невзыскательная утроба взрослого кореляка.

Безъ сомнѣнія, конечно, такая пища вредно дѣйствуетъ на нѣжную организацию ребенка: ребенокъ хирѣетъ, худѣетъ и становится «въ чемъ душа». Изъ раскачивающейся люльки только и слышится рѣзкій пискъ ребенка голоднаго, страдающаго хроническимъ разстройствомъ желудка. Но нянькѣ до этого очень мало дѣла. Она знаетъ свою обязанность—раскачиваетъ погой люльку изъ стороны въ сторону и, въ случаѣ только сильнаго, очень сильнаго плача втыкаетъ въ ротъ соску, чтобы чѣмъ-нибудь хоть уговорить беспокойнаго крикуна. «Да задавись хоть на минуту, а то все уши сквозь прокричалъ... У... «Pädemätöi—негодный». Ребенокъ чуть не захлебывается молокомъ, неожиданно вливающимся въ его кричащую глотку. На минуту другую замолкаетъ и опять снова начинаетъ кричать съ удвоенной силой.

И болѣетъ же однако корельское дитя, чуть ли не всеми дѣтскими болѣзнями, какія только существуютъ на свѣтѣ. Не даромъ и не безъ мукъ онъ, бѣдняга, завоевываетъ себѣ право существованія среди угрюмой, непривѣтливой сѣверной природы. На первыхъ же порахъ корельское дитя счи-

таетъ какимъ-то долгомъ заболѣть отъ «дурнаго глаза» (раһа silme), призору, «съ вѣтру» (tuules), «съ лѣсу» (мечась), отъ воды (ведесь) и отъ всевозможныхъ дѣйствій «раһа» (нечистаго), который почему-то сильно возненавидѣлъ безпомощнаго кореляка. Болѣетъ ребенокъ, плачетъ, худѣетъ, не спитъ по ночамъ и причиняетъ массу безпокойства бѣдной матери, умаявшейся за день за тяжелой каторжной работой сѣверянина. Что же тогда предпринимаютъ родители и, въ частности, мать, когда ихъ дитя мучится, не знаетъ себѣ покоя ни днемъ, ни ночью? Есть множество примѣтъ и средствъ, которыя постепенно избобрѣтала многолѣтняя жизненная борьба среди этой суровой сѣверной природы, — средствъ, помогающихъ, по мнѣнiю корела, во всякихъ болѣзняхъ и нездоровьяхъ.

Сглазилось, примѣрно, дитя, его несутъ въ жарко натопленную баню и продѣлываютъ надъ нимъ всевозможныя манипуляци: парятъ, мѣряютъ, обливаютъ водой, повертываютъ внизъ головой подъ банной матицей, просовываютъ межъ ноги матери и многое множество другихъ средствъ. Обыкновенно, повертыванiе внизъ головой подъ банной матицей происходитъ такимъ образомъ. Вымывъ и выпаривъ ребенка на жаркомъ полкѣ, мать или бабка беретъ его за ноги и буквально повертываетъ внизъ головой такъ, чтобы онъ пятками могъ коснуться сажанной банной матицы. «Спи, произносить при этомъ бабка, спи, какъ матица, не знай ни приходящихъ (въ избу), ни уходящихъ» (магада ку кiллонъ селге, алѣ тiедѣ ни тулиадъ, ни мѣниадъ). И такую эквилибристическую штуку, которая была бы въ пору любому акробату, заставляютъ ребенка продѣлывать до трехъ разъ

Заболѣлъ ли ребенокъ съ вѣтру, его кладутъ въ квашню, куда предварительно опущены горячiй, только что испеченный хлѣбъ, — «пусть молъ, онъ подышетъ теплымъ паромъ, такъ тогда болѣзнь, какъ рукой сниметъ». Спризорилось ли дитя, его обдаютъ водой, приготовленной особымъ образомъ. Приносятъ съ рѣки или озера воду, которую разбавляютъ въ три горшка. Водой перваго горшка моютъ иконы, втораго столъ (только углы его), а водою третьяго оконныя стекла и дверную скобку. Этой-то водой и обливаютъ ребенка сквозь рѣшето подъ дымовымъ отверстiемъ трубы. Не заспитъ ли почему-либо ребенокъ по ночамъ, то и противъ этого есть средство, которое, по мнѣнiю корельцевъ, очень хорошо, помогаетъ. Къ люлькѣ ребенка, если то будетъ мальчикъ, привязываютъ сѣть, только что начатую вязать. Если же дитя женскаго пола, то кладутъ прялку съ пучкомъ льна и воткнутымъ веретеномъ, — пусть, молъ, «iйонъ иткеттѣй» — ночью заставляющiй плакать ребенка, — пусть-молъ занимается работой и не мѣшаетъ младенцу спать. Хорошо также помогаетъ въ этомъ случаѣ, если на окнахъ и на порогѣ

дверей разставить ножи остриемъ вверхъ: «тогда, не бойся, не перейдетъ въ избу, побойтся, и ребенокъ будетъ спать хорошо».

Всякая почти вещь изъ домашняго обихода въ умѣлыхъ рукахъ можетъ при случаѣ помочь болящему ребенку; даже и грязные отцовскіе порты могутъ иногда сослужить большую службу. Стоитъ только привѣсить ихъ къ люлькѣ, и ужь не сглазится тотъ ребенокъ ни какими силами. А если ту же часть мужскаго костюма повѣсить на ночь надъ дверями, то самый безпokoйный ребенокъ, увѣряетъ васъ корелякъ, будетъ спать, какъ мертвецъ. Чаще всего корелякъ въ случаѣ болѣзни дитяти прибѣгаетъ къ «мѣрянью» — «пидавъ лапси мѣрѣтѣ». Не спалъ ребенокъ спокойно ночью, испражняется ли часто подъ себя, или просто сприворился—его непременно «мѣряютъ». — Самый процессъ мѣрянья происходитъ такимъ образомъ. Мѣряющая мать или старая бабка садится на порогъ лицомъ на избу и кладетъ ребенка себѣ на колѣни, животомъ внизъ, головой налѣво, а ногами направо. Затѣмъ беретъ правую его руку и лѣвую ногу и соединяетъ ихъ за спиной ребенка, отплевываясь въ тоже время чрезъ лѣвое плечо. Потомъ такимъ же точно образомъ беретъ лѣвую руку и соединяетъ съ правой ногой и отплевывается черезъ плечо. И такъ продѣлывается до трехъ разъ.

Но всѣ эти болѣзни, о которыхъ сейчасъ только говорили, все это еще чистые пустяки, вздоръ сравнительно съ одной, которая ежегодно по веснамъ откуда-то, Богъ вѣсть, заносится въ Олонецкую корелу. Нежеланная гостья эта—оспа, настоящее горе сѣверныхъ селъ и деревень. И представьте себѣ лѣсную деревеньку, пріютившуюся гдѣ-нибудь въ котловинѣ, на берегу излучистаго озера. Жизнь обитателей идетъ смирно, спокойно за обычными работами, съ которыми сроднился вѣками Олонецкій корель. Ледъ на озерѣ тронулся; съ горъ потекли съ веселымъ журчаньемъ ручейки; на ивахъ показались мохнатя почки. Въ воздухѣ потянуло тѣмъ тонкимъ ароматомъ весны, который и здѣсь на труженника корела оказываетъ благотворное вліяніе, хочется работать, хочется съ удвоенной энергіей пахать неблагодарную мать сыру землю, вырубать густые лѣса и дѣлать пожоги. Но вдругъ, неожиданно, среди одного изъ такихъ яркихъ теплыхъ дней, какъ молнія, пронесится ужасная вѣсть: оспа въ деревнѣ. Останавливается сразу обычное теченіе жизни; все повертывается вверхъ дномъ и происходитъ невообразимая сутолока—паника, которую жия здѣсь, (въ городѣ), невозможно и представить. Въ каждомъ домѣ лежитъ больной, сильно разметавшись въ горячечномъ состояніи. Родители стоятъ около постели больного, предупреждая его малѣйшія желанія, и сами не знаютъ за что взятыся, за что ухватитесь, откуда ждать помощи. И это сознаніе,—сознаніе безсилія и полнѣйшей безпомощности въ концѣ

парализируетъ медлительнаго отъ природы кореляка и пришибаетъ его, какъ тяжелымъ ударомъ молота. Что дѣлать?.. Ъхать за фельдшеромъ—далеко, да и поможетъ ли онъ? Вѣдь это не простая болѣзнь, въ родѣ порѣза или раздробленія кости, а «Божья болячка»—«Нюмаланъ руби», которую и лѣчить даже грѣшно. И остается два единственныхъ средства,—или отнести больного въ баню и парить тамъ до тѣхъ поръ, пока вся болѣзнь не выйдетъ крикомъ; или же—испечь пироговъ и съ поклонами, ставъ на колѣни около больного, упрашивать, чтобы дорогая гостыя оспа смилостивилась, кротко обоглялась бы съ больнымъ, не испортила бы его глазъ, рукъ и ногъ и не сдѣлала бы на вѣкъ калѣкой.. И оба средства стоятъ одно другаго: первое, отличаясь какою-то неразумною дикостью, а другое отчаяніемъ, равнаго кому не скоро и сыщешь.

Но (вообразимъ лучше) кончилась благополучно оспа, пронесъ Богъ счастливо нежеланную гостыю; у ребенка постепенно начинаютъ вѣрнуться ножки, его языкъ, хотя еще шепелявить и картавить, но довольно сносно справляется съ словами и фразами, и присмотрѣвъ за корельскимъ ребенкомъ почти кончается. Дѣлай теперь онъ, что хочетъ, бѣгай по улицѣ вволю,—все это разрѣшается ему, пока семьѣ не потребуется его трудъ, пока его самого не запрягутъ вмѣстѣ съ сивкой въ соху и не заставятъ тянуть ее во всю жизнь до самой смерти.

Н. Лысковъ.

Примѣч. редакціи. Печальная картина этого полуязыческаго мрака и полной безпомощности Олонеккой корелы, столь недалекой отъ Петербурга, должна бы заставить призадуматься и общество и администрацію. Конечно экономическое развитіе населенія, хорошіе пути сообщенія, увеличеніе числа добросовѣстныхъ врачей, фершаловъ и акушерокъ могутъ и должны поднять вышнее благосостояніе этой несчастной корелы, но нужно подумать и объ удовлетвореніи ея первыхъ духовныхъ потребностей. Вывести бѣдныхъ кореляковъ изъ ихъ полуязычества можно единственно лишь систематическимъ назначеніемъ въ корельскіе приходы священниковъ и псаломщиковъ исключительно изъ кореляковъ, не стыдящихся своего происхожденія, напротивъ горячо любящихъ свой народный языкъ и свою народность, введеніемъ возможно большаго количества школъ и церковно-приходскихъ и народныхъ, земскихъ, съ учителями опять таки изъ природныхъ корель, или отлично знающихъ языкъ корельскій, нужно поставить какъ можно лучше преподаваніе корельскаго языка въ Петрозаводской духовной семинаріи, равно какъ и въ той учительской семинаріи, которая должна готовить учителей для корельскихъ волостей Олонеккой губерніи, пересмотрѣть—и дополнить чего не достаетъ,—всѣ имѣющіеся переводы на корельскій языкъ богослужебныхъ книгъ, Евангелія.. Въ этомъ отношеніи истинно-великая дѣятельность покойнаго Ильминскаго должна служить свѣтлымъ образцомъ всего нашего учебнаго вѣдомства всѣхъ краевъ Россіи, гдѣ есть инородцы...

Этнографія, этнологія не фольклоръ. Пусть онъ довольствуется часто совершенно праздыми собираніемъ и называніемъ разныхъ пережитковъ, отыскиваніемъ всѣхъ явныхъ и незримыхъ слѣдovъ и остатковъ матриархата, придумываніемъ разныхъ натяжекъ въ пользу трансформизма и болѣе или менѣе остроумно предполагаемыхъ эволюцій и законовъ соціологіи. Задача эт-

нографии и этнологии состоятъ въ изученіи и опредѣленіи мѣста, характера и значенія каждой расы, каждаго племени, каждой народности во всемъ ихъ мѣстномъ разнообразіи, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ. Въ этомъ отношеніи наука родо-вѣдѣніе (этнография и этнологія) плѣбегъ великое значеніе и въ смыслѣ просвѣтительномъ, христіанско-человѣческомъ, и въ смыслѣ государственномъ. Такъ же несчастье и не бѣдствіе, а великое благо и богатство наше заключается въ этомъ изобиліи разныхъ инородцевъ, разсѣянныхъ по Россіи и внутри и въ окраинахъ. Чѣмъ численнѣе извѣстный историческій народъ,—т. е. національность, создавшая прочное и независимое государство и свою оригинальную литературу,—и чѣмъ болѣе этотъ народъ въ предѣлахъ своей государственной территоріи имѣетъ инородческихъ элементовъ, чѣмъ они разнообразнѣе и разнороднѣе между собою, тѣмъ оно благопріятнѣе и плодотворнѣе для гражданственности и образованности этой національности. При такомъ выгодномъ процентномъ отношеніи главнаго національнаго элемента (славянскаго, и въ немъ общерусскаго, а въ послѣднемъ великорусскаго) ко всемъ прочимъ инородческимъ, неславянскимъ, а часто и нехристіанскимъ, вообще самымъ разнороднымъ элементамъ, какое имѣется въ Россіи, плѣбегъ и не можетъ быть никакихъ опасеній за упадокъ преобладающаго значенія русскаго языка въ Россіи: чѣмъ болѣе будутъ просвѣщаться и развиваться наши разнообразныя инородцы, тѣмъ болѣе, при всеобщемъ охраненіи своей народности, они будутъ нуждаться въ русскомъ языкѣ, въ русской книгѣ и принимать дѣятельное участіе въ общей русской государственной и культурной жизни. Это участіе ихъ тѣмъ будетъ плодотворнѣе, чѣмъ оно будетъ свободнѣе и охотнѣе, чѣмъ болѣе главный русскій національный элементъ будетъ доставлять убѣдительныхъ и наглядныхъ доказательствъ своего безобязаннаго, вполне искренняго и дружелюбнаго расположенія ко всемъ этимъ разнообразнымъ инородческимъ элементамъ.

И съ точки зрѣнія историко-этнографической и съ точки зрѣнія государственнаго права сильно ошибаются, когда уподобляютъ, въ вопросѣ народностей, Россію, на примѣръ, Австро-Венгріи. Тамъ не одинъ, а два главныхъ руководящихъ национальныхъ элемента: нѣмецкій и мадьярскій, да и процентное и политическое и культурное отношеніе нѣмецкаго элемента въ Цислейтаніи къ элементамъ славянскимъ и итальянскому (въ Тироли) и мадьярскаго въ Транслейтаніи къ элементамъ славянскимъ и румынскому неизбѣжно наконецъ должно привести къ значительному ослабленію Нѣмцевъ въ Цислейтаніи и Мадьяръ въ Транслейтаніи въ пользу Славянъ и Итальянцевъ въ одной и Славянъ и Румынъ въ другой.

При справедливо ожидаемомъ въ будущемъ экономическомъ и культурномъ ростѣ Россіи, никакія силы въ мірѣ не могутъ помѣшать широкому, въ ближайшія 50—100 лѣтъ, распространенію русскаго литературнаго языка въ предѣлахъ Россіи, такъ что если не къ концу перваго, то несомнѣнно къ концу втораго полулѣтія онъ станетъ мало ко малу общимъ органомъ разумія во взаимныхъ сношеніяхъ различныхъ Австро-Венгерскихъ народностей между собой, такъ какъ Мадьяру въ Транслейтаніи, а Нѣмцу въ Цислейтаніи будетъ несравненно легче овладѣть въ совершенствѣ однимъ, чѣмъ двумя, тремя славянскими языками (чешскимъ, польскимъ, сербохорватскимъ). Къ тому же русскимъ языкомъ въ Россіи будетъ говорить въ то время свыше 200, 300 милліоновъ людей, и знаніе его можетъ только служить чрезвычайному развитію всякаго рода сношеній западной Европы съ Россією и съ прилегающими къ ней краями азиатскими. Между тѣмъ, соображая прошлое и настоящее, можно съ убѣренностью утверждать, что 1) Нѣмцы въ Цислейтаніи и Мадьяры въ Транслейтаніи не въ силахъ уже надолго удерживать свое нынѣшнее преобладаніе надъ Славянами и Итальянцами въ одной и надъ Славянами и Румынами въ другой части Австро-Венгріи; 2) ни одинъ изъ славянскихъ языковъ, ни болгарскій, ни сербо-хорватскій, ни словѣнскій, ни польскій, ни чешскій, ни словенскій, т. е. словацкій, ни серболужицкій, словомъ ни одинъ славянскій, за исключеніемъ русскаго, ни въ ближайшемъ настоящемъ, ни въ далекомъ будущемъ не можетъ достигъ значенія языка общеславянскаго к 3) знанію рус-

скаго языка предстоить еще самое широкое распространеніе въ Евроцѣ, въ Азіи, въ Америкѣ, между Германцами, Романцами и Славянами, а затѣмъ и въ остальномъ мірѣ.

Несходство, въ этомъ отношеніи, Россіи съ Австро-Венгерію раскрывается еще въ томъ, что нѣмецкая государственная стихія въ Австріи оказалась уже совершенно безсильною относительно такъ называемаго историческаго государственнаго права. Мадьяръ и уже обнаруживаетъ большія колебанія по отношенію такого же историческаго права Чехин и Поляковъ; наконецъ съ разрѣшеніемъ такъ или иначе боснійско-герцеговинскаго вопроса (вѣчно въ вышнемъ положеніи онъ оставаться не можетъ) нѣмецкая государственная стихія Австріи станетъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ о присоединеніи Далмаціи ¹⁾ къ Хорватии и Славонии и вообще съ очень мудренымъ вопросомъ сербо-хорватскимъ. Послѣ долгаго сопротивленія, нѣмецко-австрійскій элементъ какъ будто вынужденъ согласиться на введеніе славянскаго богослуженія (съ глаголическими книгами) въ Загребскомъ діоцезѣ. Это уже будетъ большой ударъ для распространенія нѣмецкой католической культуры на славянскомъ югѣ, хотя это введеніе въ значительной степени и направлено противъ сербовъ православныхъ, но оно ожидаемаго успѣха теперь уже имѣть не можетъ,—окатоличить Риму и Австріи Сербовъ уже не удастся,—у Славянъ же католиковъ со славянскимъ богослуженіемъ, гдѣ нѣже, гдѣ раньше, непремѣнно подвинутся вопросы объ уничтоженіи обязательнаго celibата благаго духовенства, о введеніи чаши для мірянъ въ св. таинствѣ причащенія, о наибольшей независимости мѣстнаго епископата отъ Рима и т. д.

Совсѣмъ въ иныхъ отношеніяхъ стоить въ Россіи главный русскій элементъ къ разнымъ историческимъ притязаніямъ своихъ инородцевъ: балтійскихъ Нѣмцевъ, привислинскихъ Поляковъ (съ ихъ идеею возстановленія старой Рѣчи Посполитой отъ моря до моря, съ Литвою и Малою и Большою Русью), Армянъ, казанскихъ, астраханскихъ и сибирскихъ Татаръ съ ихъ воспоминаніями о прежнихъ царствахъ... Уважая одинаково всякую инородческую индивидуальность, безъ вниманія, имѣеть ли она свои привилегированныя сословія, свою развитую старую культуру, или нѣмѣть, главный русскій элементъ можетъ и долженъ спокойно признавать права родныхъ языковъ въ ихъ богослуженіяхъ и религиозныхъ поученіяхъ, въ народной школѣ (чѣмъ культурнѣе народъ и край, тѣмъ легче можно вводить и обязательное обученіе русской грамотѣ и языку, а не преподаваніе въ народной школѣ на русскомъ языкѣ), самою собою, въ семьѣ, въ общественныхъ собраніяхъ, въ театрахъ и въ литературѣ. За исключеніемъ же Финляндіи, гдѣ преобладаетъ почти однородное населеніе, во всѣхъ другихъ краяхъ Россіи, гдѣ по смѣшанности населенія, напр. въ Польскомъ краѣ, съ его множествомъ Евреевъ, Нѣмцевъ, Литовцевъ и Русскихъ, или въ юго-восточныхъ краяхъ Имперіи, гдѣ, сверхъ смѣси нарѣчій, и самые языки недостаточно культурны, всѣ среднія и высшія училища казенныя или хотя бы частныя, но съ гос удар ст в е н н ы м и права м и, могутъ быть только или вполнѣ или преимущественно русскими ²⁾. Вообще же въ Россіи, не какъ въ Австро-Венгеріи, а какъ въ Германіи, во Франціи, въ Англіи, въ сѣверныхъ Соединенныхъ Штатахъ, есть и можетъ быть только одинъ языкъ государственный, національный. Въ Россіи есть различныя народности съ различными народными языками, а иногда и съ областными автономными правами, во строго говоря одна только политическая національность и одинъ лишь націо-

¹⁾ Когда же Далмація соединится съ Хорватіею, то во флотѣ австрійскомъ уже нельзя будетъ удержатъ языка нѣмецкаго.

²⁾ Какъ я уже однажды писалъ, въ среднихъ польскихъ училищахъ и въ Варшавскомъ университетѣ слѣдуетъ допустить или ввести необязательное преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ, сверхъ закона Божьяго, на польскомъ языкѣ, напр. польскаго языка, литературы, исторіи Польши. Желательно наконецъ въ интересахъ справедливости,—слѣдовательно строго государственныхъ,—и въ интересахъ просвѣщенія—образованіе польской археографической комиссіи въ Варшавѣ для изданія источниковъ и памятниковъ польской исторіи, языка, литературы, церкви, искусства, права.

нальный языкъ. И эта національность и этотъ національный языкъ—единственная славянская національность и единственный въ мірѣ славянскій языкъ съ правами на значеніе не только общеславянскаго, но и міроваго языка.

Такимъ образомъ невозможно въ Австро-Венгріи примиреніе христіанскихъ, гуманныхъ началъ благоволенія и уваженія ко всѣмъ народнымъ разновидностямъ съ интересами государственнаго единства вполне возможно и легко можетъ быть примѣнено въ Россіи. Полное осуществленіе этого идеальнаго, чисто-христіанскаго требованія въ высшей степени желательно для Россіи и можетъ быть для нея только плодотворно въ отношеніяхъ государственномъ и культурномъ ¹⁾). Неизбѣжно ведя искусственный австро-венгерскій конгломератъ къ естественному разложенію и распаденію, оно будетъ только тѣснѣе связывать и крѣпче сплачивать разнородныя части и дальнія окраины Россіи съ ея главнымъ русскимъ ядромъ или тѣломъ.

Мы не смѣемъ сомнѣваться, что приведенное выше требованіе начала истиннаго благоволенія и справедливости ко всѣмъ безъ различія инородческимъ элементамъ нашимъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ станетъ у насъ въ Россіи общесознаннымъ необходимою. Всякое дружное стремленіе къ новому частному примѣненію высокихъ христіанскихъ началъ и идеи правды возвышаетъ характеры, поднимаетъ общественный духъ и строй, а возвышеніе и усиленіе общественной нравственности, всякое торжество христіанскихъ началъ въ жизни общественной и государственной только служатъ къ укрѣпленію здороваго государственнаго порядка. Не пренебреженію ли и не нарушенію ли этихъ началъ обязано появленіе и развитіе анархизма съ его бомбами въ современной Европѣ?

Рѣшительное отрицаніе возстановленія исторической Польши (такое отрицаніе тѣмъ естественнѣе и обязательнѣе для насъ, что историческая Польша есть отрицаніе единства русскаго народа,—къ тому же это возстановленіе совершенно неисполнимо, невозможно) и полное признаніе съ нашей стороны этнографической Польши, какъ одной изъ славянскихъ разновидностей, рано или поздно примирить съ Россіею огромное большинство всѣхъ Поляковъ русскихъ, прусскихъ и австрійскихъ. Только въ связи съ единственнымъ великимъ славянскимъ государствомъ можетъ обезпеченно жить и мирно развиваться польская народность. Безъ промышленности ей нѣтъ будущаго, а польская промышленность никогда не достигнетъ широкаго развитія ни въ Пруссіи, ни въ Австро-Венгріи. Только въ Россіи и съ Россіею можетъ преуспѣвать промышленность польская и завоевывать себѣ новые рынки въ Россіи и въ сосѣднихъ странахъ Азіи.

Русскому народовѣдѣнію по изученію всѣхъ русскихъ инородцевъ предстоитъ огромное поприще и громадное будущее: антропология, лингвистика, филология, исторія въ самомъ широкомъ объемѣ—этнологическая (или историческая этиология), церковная, политическая, исторія права, искусство, литературы и пр. и пр.,—художества изобразительныя, музыка, поэзія приобрѣтутъ громадныя занавѣи новыхъ данныхъ, новые кругозоры, методы и приемы, несказанно такимъ образомъ обогатятъ русскую науку, русскую литературу, искусство, вообще русскую образованность. Но для успѣховъ русскаго народовѣдѣнія необходимо намъ въ себѣ воспитать любовное вниманіе и уваженіе ко всѣмъ инородцамъ безъ различія, какъ бы нине изъ нихъ ни стояли низко на ступеняхъ культурнаго развитія. Нужно, чтобы у всѣхъ у нихъ была своя грамотность, свое духовенство, свои народные учителя, отлично знающіе ихъ языки. И никогда не надо забывать, что одни собственно русскіе ученые, безъ помощи и предварительныхъ работъ мѣстныхъ уро-

¹⁾ Для того конечно надо подумать не объ однихъ русскихъ губерніяхъ съ многочисленнымъ дворянствомъ, но и о совершенно запущенномъ нашихъ европейскомъ сѣверѣ: губерніяхъ Олонской, Вологодской, Архангельской, цѣлыхъ уѣздахъ Новгородской, столь бѣдныхъ хорошими путями сообщенія, медицинскою помощью, духовенствомъ и всякими образовательными средствами—какая скудость народныхъ и среднихъ школъ и ни одного высшего, хотя бы какого нибудь спеціально-техническаго, морскаго, коммерческаго—для такого даровитаго населенія.

жондвѣ, природныхъ знатоковъ и наблюдателей, въ этомъ отношеніи немного могутъ сдѣлать. Только когда завяжутся и уквѣнятся искреннія дружественныя сношенія великихъ и малыхъ центровъ русской образованности съ самыми глухими углами, захолустьями и окраинами русскаго инородческаго міра, когда тамъ на пріѣзжаго русскаго будутъ смотрѣть не какъ на носителя часто неясныхъ приказаній или сборщика всякихъ правыхъ и неправыхъ податей и даней, но какъ на благожелательнаго согражданина и друга, можно и должно ожидать крупныхъ успѣховъ русскаго народовѣдѣнія по части изученія русскихъ инородцевъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и столь желательнаго внѣшняго и внутренняго ихъ развитія, распространенія между самими отсталыми изъ нихъ грамотности и образованія и появленія изъ ихъ среды даровитыхъ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей, вполне преданныхъ русскому отечеству.

Есть одно обстоятельство, на которое нельзя перестать указывать, когда идетъ рѣчь объ инородческомъ вопросѣ въ Россіи и тѣсно всегда съ нимъ связанномъ русскомъ просвѣщеніи. Есть одна у насъ великая преграда развитію русской науки, образованности и достиженію того мѣста и значенія, какое русскому языку подобаешь, по историческому и мировому положенію русскаго государства и по дарованіямъ русскаго народа. Пока одно изъ нашихъ крупныхъ государственныхъ ученыхъ учреждений будетъ съ достойнымъ сожалѣніемъ упорствомъ продолжать печатать труды своихъ членовъ и постороннихъ ученыхъ на нѣмецкомъ языкѣ, до тѣхъ поръ каждый русскій инородецъ въ правѣ говорить русскими и всякій нѣмецъ и надьяръ австрійскій славянскій: «оставьте, господа, ваши толки о русскомъ языкѣ и народѣ, какъ о величинахъ историческитъ, мировыхъ. Русскіе сами у себя дона непризнають за русскимъ языкомъ права и возможности служить органомъ высшаго знанія. Первое ихъ официальное ученое учрежденіе считаетъ невозможнымъ обходиться безъ нѣмецкаго языка при изданіи своихъ бюллетеней и мемуаровъ. Такимъ образомъ и въ славянской Россіи славянскій т. е. русскій элементъ пригнетается, подчиненъ нѣмецкому, одному изъ инородческихъ элементовъ въ Россіи, уже лѣтъ сто слишкомъ облюбованному, въ слѣдствіе извѣстныхъ историческихъ обстоятельствъ, Петербургомъ, хотя этого петербургскаго пристрастія, вполне впрочемъ понятная его причины, Россія никогда не раздѣляла и раздѣлять не можетъ. Не смѣшно ли, говорить Остзейскіе нѣмцы, вы выводите нѣмецкій языкъ изъ Дерптскаго университета, Дерптъ переименовываеіе въ Юрьевъ, а сама ваша Академія Наукъ, высшее центральное ученое учрежденіе, по большинству членовъ уже русская, продолжаетъ строго держаться нѣмецкаго языка въ своихъ изданіяхъ».

Со всѣми этими возраженіями нельзя не согласиться. Если въ самомъ дѣлѣ такъ нужны нѣмецкія академическія изданія, то почему бы не обратитъ и всѣ наши университеты къ нѣмецкіе и всѣ наши ученые общества не заставить печатать свои труды по нѣмецки?

Мы знаемъ, что даже нѣкоторые академики изъ русскихъ настаиваютъ на необходимости изданія на казенный счетъ своихъ трудовъ по нѣмецки, иначе, молъ, дѣлаемыя русскими учеными открытія остаются Европѣ неизвестными.

Это слово открытіе слишкомъ громкое слово. Истинныя открытія дѣлаются рѣдко да и не всегда академиками и черезъ академіи, разумѣемъ и не одну нашу, а всѣ въ мірѣ. Довольно если употребимъ тутъ слово находка или новое наблюденіе. Особеннаго несчастія для науки, человѣчества произойти не можетъ, если напечатанное въ русскомъ изданіи какое нибудь ботаническое изслѣдованіе станетъ извѣстнымъ за границею нѣсколькими недѣлями или мѣсяцами позже. Во многихъ наукахъ и даже вѣроятно во всѣхъ бывало, бываетъ и будетъ еще не разъ, что нное замѣчательное изслѣдованіе, напечатанное на любомъ изъ самыхъ распространенныхъ языковъ, по годамъ оставляется безъ вниманія, проходит незамѣченнымъ. И такіе случаи часто повторяются съ трудами оригинальными особенно не успѣвшихъ еще приобрусьть себѣ громкой репутаціи молодыхъ ученыхъ или ученыхъ и не молодыхъ, но не привыкшихъ прибѣгать ни къ какимъ рекламамъ. Наши академики имѣютъ уже и то преимущество передъ остальными русскими учеными, что у нихъ всегда въ распоря-

женіи казенная типографія и бумага. Остальнымъ не мало приходится хлопотать о средствахъ и о мѣстѣ напечатанія своихъ работъ. Теперь благодаря Бога не только съ каждымъ десятилѣтіемъ, но можно сказать съ каждымъ пятилѣтіемъ прибываетъ у насъ число способныхъ работниковъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Почему же ихъ изслѣдованія всегда менѣе заслуживаютъ вниманія, чѣмъ труды академикомъ или тѣхъ? кого они академіи представляютъ? И отчего государство должно отпускать суммы на переводы съ русскаго на иностранные языки для однихъ ученыхъ, а для другихъ нѣтъ? Въ Европѣ не немногіе русскіе ученые и писатели пользуются извѣстностью, часто очень широкою, а между тѣмъ ни они сами, ни государство шагу не дѣлали о переводѣ ихъ на языки иностранные: Пушкина, Гоголя, Толстаго, Достоевскаго иностранцамъ пони, мать гораздо труднѣе, чѣмъ труды русскихъ географовъ, математиковъ, натуралистовъ и пр. и пр. Однако въ Европѣ на разныхъ языкахъ выходятъ переводы нашихъ повтввъ, романистовъ и дѣлкомъ или въ извлеченіяхъ изслѣдованій разныхъ русскихъ ученыхъ безъ всякаго посредства, рекомендаціи или покровительства нашей Академіи. Число образованныхъ и ученыхъ людей въ Европѣ со знаніемъ русскаго языка не такъ уже мало, чтобы въ специальныхъ европейскихъ журналахъ не могли являться, да и являются сообщенія о русскихъ книгахъ или статьяхъ. На западѣuebываетъ постоянно значительное количество русскихъ подданныхъ, настоящихъ или бывшихъ, изъ природныхъ русскихъ, евреевъ, нѣмцевъ, поляковъ, людей образованныхъ и специалистовъ, живущихъ литературнымъ трудомъ. Наконецъ состоящіе же при Академіи или нашиваемые въ Петербургѣ нашими академиками переводчики могли бы получать такіе же заказы изъ Европы для передачи ей всѣхъ открьтій нашихъ академикомъ и вообще сотрудниковъ академическихъ бюллетеней и мемуаровъ. Пусть даже Академія, если ужъ такъ нужно, даетъ ва руки академикомъ или любимыхъ ею ученыхъ средства ва переводы и на издание ихъ трудовъ на нѣмецкомъ языкѣ, но пусть такія изданія носятъ частный характеръ. Русскому государственному ученому учрежденію просто не прилично печатать официальные свои изданія на языкѣ нѣмецкомъ, ибо тѣмъ унижается честь и достоинство русскаго языка и народа. Теперь ясно это уже не немогнмъ, а скорѣе будетъ понятно и массамъ. Россія отъ того пользы мало, что Академія состоитъ изъ русскихъ членовъ. Нужно, чтобы она непосредственно подымала и достойно представляла высшее русское знаніе. Наука—великая сила, и русское государство можетъ и должно тратить на нее большія деньги на честь и славу, на обогащеніе и возвеличеніе русской литературы, русскаго языка, а не языка нѣмецкаго. Но историческимъ судьбамъ нѣмецкій языкъ есть языкъ:—1) великаго сосѣдняго намъ высококультурнаго пятидесятимлліоннаго народа, несравненно болѣе насъ богатаго, нѣбющаго свою имперію, свсп государства, которыя давно заботятся о процвѣтаніи родной литературы и науки, 2) великой сосѣдней намъ военной державы, главы Тройственнаго Союза, 3) родной языкъ одной изъ нашихъ инородческихъ стихій, наиболѣе нуждающихся въ волюномъ и невольномъ признаніи за русскимъ языкомъ значенія культурнаго и государственнаго, 4) языкъ старыхъ притѣснителей и угнетателей значительной части солененнаго намъ Славянства, гдѣ русскій языкъ призванъ постепенно расшатывать и вытѣснять господство и преобладаніе языка нѣмецкаго. Нѣмецкія же изданія на русскія деньги служатъ важнѣйшимъ препятствіемъ такому желанному для Россіи распространенію русскаго языка среди родственныхъ ей Славянъ, наносить тяжкія раны русскому самосознанію, стѣсняють его развитіе, роняють нравственный авторитетъ русскаго языка и народа передъ нашими инородцами, западными славянами, мадьярами, нѣмцами и пр., наконецъ питають и поддерживаютъ въ Россіи, къ несчастію, слишкомъ у насъ и безъ того закоренѣлое, предубѣжденіе и неулаженіе къ русской мысли и литературѣ во всемъ ея широкомъ значеніи.

Изъ года въ годъ ¹⁾.

(Описаніе круговорота крестьянской жизни въ с. Усть-Ницнскомъ Тюменскаго округа).

ВСТУПЛЕНІЕ.

Село Усть-Ницы, какъ показываетъ самое названіе, лежитъ при устьѣ рѣки Ницы на правомъ берегу ея при впаденіи въ р. Туру. Оно находится въ 73 верстахъ отъ уѣзднаго города Тюмени по почтовому тракту Тюмень—Туринскъ и почти на серединѣ торговаго Тюмень—Ирбитъ. Ежегодно р. Ница разливается, выходя изъ береговъ; поэтому селеніе стоитъ не на самомъ берегу, а подальше отъ него сажень на 100. Въ концѣ Апрѣля мѣсяца р. Ница бываетъ судоходной. Въ это время перевозятся товары изъ Ирбита въ Тюмень, закупленные во время Ирбитской ярмарки. Вода въ Ницѣ проточная, чистая и употребляется жителями въ пищу. Впрочемъ для этой же цѣли, хотя и въ меньшей степени, служитъ «прудь». Этотъ прудъ устроенъ на рѣчкѣ, которая въ верхнемъ теченіи называется Тарасовкой, а ниже пруда—Графовой (отъ слова Евграфъ). Вода въ прудѣ стоячая, гнилая и для питья положительно не годная, хотя ближайшими жителями и употребляется для этой цѣли.

Село занимаетъ площадь земли, ограниченную съ одной стороны рѣками Ницой и Турой, а съ трехъ другихъ сторонъ отгороженную отъ полей «ого-

¹⁾ При иѣч. ред. Эта прекрасная, столь же художественная, сколько и научная статья даровитаго автора—приносимъ ему за его сообщенія глубокую нашу благодарность—будетъ безъ сомнѣнія прочтена читателями „Живой Старины“ съ живѣйшимъ интересомъ. Многоуважаемый авторъ приложилъ къ ней много рисунковъ. Къ великому сожалѣнію—да проститъ онъ меня великодушно—онъ рисуетъ совѣтъ не такъ, какъ пишетъ. Его рисунки прямо напечатаны быть не могутъ. Ихъ надо было перерисовать, но художникъ взявшійся за это дѣло, не могъ все воспроизвести, ибо многого совѣтъ не понималъ.—Вообще редація признаетъ необходимость рисунковъ, но къ сожалѣнію она будетъ въ состояніи прилагать ихъ ко многимъ статьямъ или помѣщать отдѣльно съ иллюстрируемыхъ уже этнографическихъ фотографій лишь тогда, когда русское общество, вопреки замалчивающимъ или хающимъ Живую Старину журналамъ—русскимъ, а не иностраннымъ (благодаримъ ихъ за сочувствіе и поддержку)—станетъ относиться къ ней съ большимъ сочувствіемъ. Средства журнала зависятъ отъ числа подписчиковъ, а оно должно удвоиться, дабы редація могла постоянно помѣщать иллюстраціи.

Кстати редація долгомъ считаетъ прибавить, что всѣ сотрудники Живой Старины,

родомъ», или изгородью. Эта, отдѣленная отъ полей площадь земли, за исключеніемъ площади, занимаемой самымъ селомъ, называется «поскотинной» и служитъ выгономъ для скота съ весны и до уборки хлѣба. Послѣ страды скотъ допускается въ поле. Село, или, какъ его называютъ, слобода состоитъ изъ трехъ улицъ, идущихъ рядомъ, и дѣлится на два «конца»—верхній и нижній. Длина слободы достигаетъ 1½ версты. Улицы соединяются между собою проулками или закоулками и до чрезвычайности узки. Одна улица названа нижней, другая—большой и третья горной. Часть нижняго конца, отдѣленная прудомъ, носитъ названіе Забусовки. Бусъ—это мучвая пыль, получающаяся на мельницѣ, отсюда глаголь забусить и названіе забусовка.

Въ настоящее время слобода заселена государственными крестьянами. Основаніе ея относится къ 1645 году. Въ этомъ именно году сибирскій митрополитъ, вслѣдствіе данной ему Московскимъ царемъ грамоты, поселилъ при устьѣ Ницы крестьянъ, которые въ томъ же году «начаша пахати и сѣяти». Паханіе и сѣяніе и до настоящаго времени составляетъ главное и почти исключительное занятіе Усть-Ницынскихъ крестьянъ. При такомъ образѣ занятій и притомъ, находясь вдали отъ городовъ и бойкихъ мѣстъ жители Усть-Ницы болѣе чѣмъ гдѣ либо сохранили первобытную крестьянскую простоту, какъ въ складѣ своего ума, такъ и во внѣшности.

Изъ преданій старины среди жителей сохранилась память о томъ, какъ «Пугачъ» воевалъ. Указываютъ даже мѣсто, на которомъ была выстроена башня для защиты отъ Пугача; у нѣкоторыхъ жителей сохранились ножи, которые были приготовлены для борьбы все съ тѣмъ же Пугачемъ.

въ томъ числѣ и редакторъ, трудятся безвозмездно и никакимъ себѣ барышей отъ увеличенія числа подписчиковъ не ожидаютъ, ожидать не могутъ, да и не желаютъ. Поэтому редакция не считаетъ нисколько дѣломъ неприличнымъ—просить всѣхъ читателей и подписчиковъ Живой Старины, убѣжденныхъ въ ея пользѣ для русской образованности и литературы, о распространеніи этого изданія среди своихъ знакомыхъ. Если сравнить число подписчиковъ и постоянныхъ читателей Живой Старины за границей и въ Россіи, то право можно прійти къ довольно печальному заключенію о нашей читающей публикѣ. Лично для редактора всего любопытнѣе почти полное отсутствіе подписчиковъ изъ среды высшей центральной и провинціальной администраціи (*gargantes in gurgite vasto*), изъ нашего духовенства; купечества и изъ такъ называемаго лучшаго общества, однимъ словомъ изъ всѣхъ тѣхъ классовъ, которые въ просвѣщенныхъ странахъ обыкновенно поддерживаютъ отечественную литературу и науку.

I.

Весеннія заботы и работы.

Придетъ батюшка Василій Капительникъ (26 Февраля), и заплачетъ зима. Въ слободѣ Гагарахъ ¹⁾ мужики закопшатся: надо хлѣбъ скорѣй до-молачивать—весна недалеко. Зимой перемолотить бы: и холодно, и ледъ не купленный, и овины простые стояли, да некогда было все. То примыслить на подушину надо: зайцевъ половить или саною въ Ирбитской подѣлать да продать, то сѣно да дрова вывезти надо, такъ мужикамъ и не удавалось: взмолотятъ немного на ѣду и живутъ. А теперь вонъ теплынь какая пошла: каждый разъ надо ладонь (токъ) поливать, да утренниками молотить. Да и то каждый день то не удастся: овинъ вѣдь одинъ не построишь, а все дома четыре—пять надо въ пай пригласить да тогда ужъ строить. Богатымъ оно, конечно, ничего: у нихъ что ни домъ, то овинъ,—но за ними вѣдь не угонишься. Кой-какъ, съ землей пополамъ, собрали зерно, ужъ бѣлаго хлѣбца лѣтомъ не поѣшь, только на льду и можно провѣять на чисто, а весной то гдѣ его возьмешь! У насъ, впрочемъ, къ праздникамъ осталось же немного отъ зимней молотбы: о праздникѣ нельзя, гости придуть.

Приближается весна. Много работы, еще больше заботы, а весело! Сердце трепещется какъ птицы начнутъ прилетать. Мы съ братомъ съ половины зимы ждали скворцовъ—два дупла для нихъ привезли. Скворецъ птица пытливая, но сейчасъ поселится въ гнѣздѣ, а (обидно даже: какъ будто его обманывать стануть) десять разъ прилетитъ высмотреть дупло, а потомъ ужъ и гнѣздо таскать будетъ, а тамъ того и гляди свистать да расшѣвать по утрамъ примется. Потомъ мы съ братомъ голубей сильно любили. Но ихъ впрочемъ все въ Гагарахъ любили. У насъ даже и картина была: сидитъ Господь - Саваофъ на престолѣ, а въ самомъ сердцѣ у него голубь написанъ. Стало быть эта птица угодна Ему, коли въ такомъ мѣстѣ посажена. Поэтому голубей въ Гагарахъ ужъ никто не зоритъ, развѣ ужъ какіе нибудь отпѣтые, на которыхъ ни креста ни пояса нѣтъ. Добрые же люди обыкновенно около дома полочки подстраиваютъ, чтобы голуби велись да гнѣздились. Этой птицей у насъ не забавляются, какъ въ другихъ мѣстахъ, ее не гоняютъ: не такая она птица, чтобы ей забавляться. Ласточекъ въ Гагарахъ уважаютъ еще больше, чѣмъ голубей. Про голуби, что ни говори все же онъ птица домашняя, зиму и лѣто у насъ на глазахъ, а ласточка гость.

¹⁾ Авторъ счелъ необходимымъ замѣнить названіе Усть-Инци для удобства, сообразно принятой балетрической формѣ изложенія.

Да кромѣ этого ласточка полезный гость. Мама говоритъ, что если ласточка у насъ поселится, значить Господь намъ свою милость послалъ. Ну какъ же не полюбить такую милую да еще такую полезную птицу? Мы поэтому строго слѣдимъ — зачѣмъ это такъ часто къ намъ ласточки летаютъ? На повѣрку окажется, что онѣ у насъ уже подъ крышей гнѣздышко свили.

«Мама, мама!—радуемся мы—у насъ ласточки живутъ».

— Гдѣ?!—притворно удивляется мать—это къ Тимѣ летаютъ».

«Нѣтъ, къ намъ, къ намъ! вотъ посмотри» и мы тащимъ ее подъ крышу.

Она неидетъ:—Ну знаю, не троньте ихъ. Видимо мама намъ не довѣряетъ...

Въ заботѣ да въ работѣ время скоро летитъ. Подходить Дарья грязно-пролубка, а за нею великій праздникъ—Благовѣщенье, въ который птица гнѣзда не вьетъ, красна дѣвица косы не плететъ. Одна только птица, сказывала бабушка, вздумала вить въ этотъ праздникъ—кукушка, но за то ее Богъ наказалъ и навѣчно безъ гнѣзда оставилъ. Такъ она теперь въ чужія гнѣзда яички кладетъ. Случилось какъ-то, что Пасха пришла въ Благовѣщенье. Попы положили служить сначала пасхальную заутреню и обѣдню, а потомъ справить службу и Благовѣщенью. Сказано сдѣлано, заутреня и обѣдня ужъ кончились, на дворѣ поздно, а свѣту нѣтъ: такъ нѣтъ да и нѣтъ до другаго дня. Съ этихъ поръ и стали праздновать Благовѣщенье впередъ Пасхи.

Около Благовѣщенья въ глѣсъ ѣздятъ ужъ только по утрамъ. Растаяшій днемъ снѣгъ ночью покрывается сверху ледяной корой, которая называется настомъ или чарѣмомъ, по насту легко можно ходить на лыжахъ, не рискуя провалиться въ снѣгъ. Въ это время обыкновенно рубятъ полозья, или облеся, изъ которыхъ зимою дѣлаютъ сани.

Страстная недѣля идетъ своимъ чередомъ. У насъ на этой недѣлѣ погребъ топятъ и возятъ въ него снѣгъ или ледъ.

Наступаетъ великій четвергъ. Намъ съ братомъ еще наканунѣ говорили, чтобы мы завтра раньше вставали: кто въ великій четвергъ встанетъ до солнышка да обуѣтся,—тотъ въ году много утиныхъ гнѣздъ будетъ находить. Но намъ какъ-то не удавалось никогда этого испытать. Утромъ въ четвергъ только что встанемъ—видимъ, что на божицѣ, около иконы, стоитъ коврига хлѣба и большая рѣзная деревянная солонка: это четверѣжный хлѣбъ и четверѣжная соль. Таковъ обычай, искони вѣковъ введенный. Послѣ обѣдни за столомъ четверѣжный хлѣбъ съ солью ѣдятъ, но не весь: часть его идетъ домашнему скоту лошадушкамъ, коровушкамъ

да овечушкамъ. Съ этого хлѣба Богъ лучше хранить на цѣлый годъ и скотъ, и людей. Вечеромъ въ четвергъ бываетъ стоянье, за которымъ читають страсти Господни.

Утромъ же въ великій четвергъ обыкновенно бѣжитъ сусло, изъ котораго готовится пиво: о праздникѣ вѣдь безъ пива нельзя.

Въ каждомъ селѣ и въ каждой деревнѣ существуютъ особые званые или гостинные праздники. Къ каждому изъ этихъ праздниковъ всѣ варятъ пиво, покупають вино и готовятъ какъ можно болѣе кушаньевъ, для гостей, которые собираются изъ окрестныхъ деревень. Гостинныхъ праздниковъ въ Гагарахъ нѣсколько: Брещенье, Троица, Успенье, Покровъ и зимній Никола. Бромъ того на Пасхѣ и Рождествѣ варятъ пиво ради великаго праздника для себя. Такимъ образомъ пиво въ Гагарахъ варятъ всего семь разъ въ году.

Въ одно утро, дней за пять до праздника, въ избѣ около печи, т. е. въ кути, появляется чанъ. Это значитъ сегодня будутъ пиво затирать. Въ чанъ насыплютъ солоду, ржаной муки, нальютъ холодной воды, размѣшаютъ все это весломъ, и получится густое, прегустое тѣсто. Это и называется затѣромъ. Въ то же утро безперечъ ставятъ въ печь да вынимають изъ печи чугушки да мидѣнники съ кипяткомъ, выливають въ заторъ и размѣшиваютъ. Въ концѣ концовъ нальютъ полный чанъ кипяткомъ и получится жидкая гуща. Какъ печь истопится, достаютъ корчаги, перебиваютъ и изнутри посыпають мукой, а потомъ наливають изъ кадочки жидкой гущей и ставятъ одна за другой въ печь. Количествомъ корчагъ измѣряется вѣра пива. Одни дѣлають большую варю, другіе маленькую. Небольшая варя корчагъ 5—6, большая 10—14 корчагъ. У которыхъ гостей много бываетъ, тѣ варятъ и по двѣ вари. Какъ только корчаги поставлены—печь закрываютъ, но уже не желѣзной заслонкой, а особой—толстой и сдѣланной изъ глины, да еще и эту заслонку на глухо заклеивають трапицами да замазываютъ глиной.

«Ну, ребята, завтра сусло»—говоритъ намъ отецъ, большой охотникъ пить сусло.

Между тѣмъ кадочка съ вечера еще перебралась на лавку и стоитъ наклонившись. Внутри ея теперь находится русленникъ. Русленникомъ называется широкій мѣшокъ изъ толстаго и прочнаго холста. Его спускають въ чанъ, а края выворачивають на наружныя края чана и здѣсь привязываютъ.

Дно чана надъ русленникомъ устилается чистой соломой.

На другой день послѣ затора корчаги вынимаются изъ печи, и содер-

жиное ихъ выливается въ гущенникъ, протекаетъ черезъ него и черезъ солому и вытекаетъ въ видѣ сусла изъ особаго отверстія, сдѣланнаго въ стѣнкѣ чана около самаго дна.

Ранѣмъ-рано на другой день встала мать. Когда мы проснулись корчаги вмѣсто печи стояли въ избѣ на полу и на лавкахъ, и во всѣхъ набѣжало горячее сусло: пей—не хочу! И пьютъ. Сусло любятъ пить всѣ, а отецъ любить пить еще съ перцемъ. Мы тоже пробуемъ съ перцемъ—и ничего—съ перцемъ дѣйствительно ладно!

Часть сусла выносить студить, а въ одну или двѣ корчаги кладутъ хмѣль и ставятъ ихъ въ печь. Вечеромъ пиво нужно «споромить», т. е. слить все сусло обратно въ чанъ, который въ это время уже переселился подъ порогъ. Когда видятъ, что сусло достаточно охладилось, его сливаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, которое настоялось въ печкѣ съ хмѣлемъ въ одинъ чанъ. На другой день отецъ пробуетъ, не пора ли пиво «слевать»? Опять приносятъ корчаги и черезъ рѣшето, чтобы хмѣль не попадалъ, сливаютъ пиво въ корчаги и ставятъ на ледъ. Пиво готово. Это уже бываетъ въ великую субботу, наканунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенья.

Утромъ въ этотъ день яйца красили ¹⁾ и дѣлили. Ранняя пасха—яицъ меньше, а поздняя—больше,—но все, что нанесутъ курицы до пасхи—наше счастье. Все это утромъ въ великую субботу варится, красится и дѣлится поровну между старыми и малыши. Намъ, ребятамъ, досталось столько же, сколько и всѣмъ. Но это только сначала. Скоро того и гляди мать или отецъ изъ своего пая добавитъ. Послѣ дѣлечки всякъ уноситъ свой пай до завтра, а завтра можетъ расходовать, какъ кому вздумается. Намъ полнымъ и безконтрольнымъ хозяевамъ своихъ паевъ, конечно, и въ мысль не входило воспользоваться ими наканунѣ: семь недѣль постился и нѣсколько часовъ не додужилъ—вотъ уже постыдно. Отецъ какъ то рассказывалъ намъ, что онъ въ городѣ видѣлъ «восподъ», которые и въ великій постъ «кушали мяско». Мы сильно дивились и не вѣрили, что есть такіе безбожники...

Наступилъ вечеръ. Заблаговѣстили ко всенощной. У насъ, въ Гагарахъ, только это чтеніе Апостола передъ святой плащаницей и называется всенощной. А тамъ—заутренья, обѣдня, вечерня—и больше круглый годъ никакихъ общественныхъ службъ не бываетъ.

Передъ Пасхой мы съ братомъ изъ церкви не выходимъ. Въ церкви

¹⁾ Обыкновенно яйца красятъ при помощи высушенной верхней кожицы лука, которая въ большомъ количествѣ кладется въ горшокъ съ яичами и кипятится. Цвѣтъ яицъ получается ярко-красный и никогда не линяетъ. Ф. З.

хорошо и все напоминает намъ, что праздниковъ праздникъ недалеко: чистятъ подсвѣчники, наливаютъ плошки, вставляютъ новыя свѣчи, возятъ ельникъ да пытковникъ для церкви—все это только къ Пасхѣ и дѣлаютъ. Все это восторгаетъ наши юныя сердца, всему мы радуемся и ликуемъ.

Передъ пасхой изба и горница у насъ принимаетъ праздничный видъ. Вымивши полы въ горницѣ мать разстилаетъ половики, а полъ въ избѣ посыпаетъ бѣлымъ пескомъ. Въ горницѣ на простѣнки и на занавѣсу развѣшиваютъ бѣлыя полотенца съ пришпиленными въ нимъ цвѣтными, по большей части, шелковыми лоскутками. Послѣ пасхальной недѣли эти полотенца снимаютъ.

За христовской заутреней въ первый разъ говорятъ и поютъ «Христось воскресъ». Ребята сказывали, что къ этому времени надо приготовить виннаго (никоваго) туза и, вмѣсто «воистину воскресъ», сказать попу «винный тузъ есть»—тогда съ этимъ тузомъ можно сдѣлаться настоящимъ невидимкой и все доставать,—словомъ такой тузъ вполне замѣняетъ собою цвѣтъ купоротника (папоротника).

Послѣ христовской обѣдни начинается розговенье. Всѣ садимся за столъ. Сначала появляется масло, которымъ насъ и заставляли розговляться прежде всего. Мы пробовали было заявить, что масла не хотимъ. Но отецъ съ матерью стояли на своемъ, говоря, что нужно выхлебнуть ложку масла, иначе послѣ поста-то сердце будетъ давить. Послѣ масла стали молочными щами разговляться; барашка къ празднику кололи.

«Слава Тебѣ, Господи»—молилась по этому поводу мать,—велѣлъ Богъ спать—съесть». Потомъ поѣли блиновъ, яичекъ, похлѣбали молока—и розговенье кончилось. Мы съ братомъ побѣжали на улицу—яицами кататься. Накатались яицами—пошли на качулю. Качулю не долго искать: въ каждомъ дворѣ есть. Надоѣло на качулю—пошли на колокольню.

Въ этомъ Христовъ День и вся христовская недѣля проходитъ: съ колокольни на качулю, съ качели на колокольню. На колокольню сходить хоть одинъ разъ въ теченіи христовской недѣли считается обязательнымъ для всѣхъ. Въ субботу всѣ ходятъ «съ колоколами прощаться».

На другой день послѣ Христова Дня, т. е. въ Христовскій понедѣльникъ, всѣ мужики и молодые ребята, вышедшіе изъ дѣтскаго возраста (женщины изъяты) обязательно должны явиться къ заутренѣ. Обычай этотъ еще въ недавнее время у насъ, въ Гагарахъ, строго поддерживался тѣмъ, что неявишихся по какимъ-либо причинамъ къ заутренѣ, отыскивали сообща и скачивали холодной водой.

На другой или на третій день къ намъ въ домъ приходитъ Бого-

матерь—такъ называется обычай, по которому изстари во всей Гагарской волости на Пасхѣ причтъ ходитъ изъ дому въ домъ съ тремя иконами: Крестъ, Икона съ двенадцатыми праздниками и икона Богородицы. Въ каждомъ домѣ перодъ иконами ставятъ зерновой хлѣбъ, предназначенный на сѣмена, а на столѣ хлѣбъ и яйца. Яйца собираются причтомъ.

Пасхи и куличей въ Гагарахъ не приготавливаютъ, и о нихъ никогда не слыхали.

За посѣщеніе съ Богоматерью съ каждаго дома, кромѣ яицъ, причтъ получаетъ отъ 15—25 коп. до 1 рубля.

Въ пятницу и субботу на христовской недѣлѣ отецъ ужъ сталъ поговаривать, что теплынь наступила, въ лѣсу снѣгу совсѣмъ мало: пора за дрова приниматься.

.. Дроворубъ та же страда. Не нарубишь до пахоти—такъ зиму то смирнѣе и будешь топять.

Гагарскіе мужики сильно опять законопились. Пошла странни—рукавовъ стрехна. Тѣ, что постарше да посильнѣе, отправляются рубить дрова подалше отъ слободы, на начеву, т. е. ночи на три—на четыре, а то и на недѣлю. Ребята порубать дровишекъ гдѣнибудь не далеко: «всѣ-жѣ хоть на-осень истопить пригодятся»

Лѣсъ у насъ больше березовый, и дрова рубятъ все какъ-то березовыя, сосновыя попадаются рѣдко, еще рѣже осиновыя.

Рубить сначала кражи, потомъ стаскиваютъ ихъ въ кучу и мельчатъ на полѣнья. Осенью тоже, послѣ страды, бываетъ дроворубъ, но тогда рубятъ только кражи, которые къ веснѣ вывозятся домой. Пока въ лѣсу еще нельзя рубить въ мартѣ кражи мельчатъ на полѣнья. Осенью срубленные кражи стаскиваютъ въ кучи и пятнаютъ для того, чтобы ихъ не украли. Каждый домъ имѣетъ свое «пятно». У насъ, напримѣръ, кражи пятнались такъ: на комлѣ (а комлемъ называется нижняя часть древеснаго ствола) дѣлалась зарубка, а на корѣ комля—разрѣзъ коры.

Дрова рубить весело. Въ лѣсу даромъ, что ни зеленой травы, ни цвѣтговъ нѣтъ, а полакомиться можно: березовка побѣжала. Возьмешь туясокъ подставишь подъ березку—въ день то глядишь полонъ туясъ накаплетъ. Изъ маленькихъ березокъ березовка не сладкая, да и мало; надо березовку цѣдить изъ большихъ березъ. Мама намъ много березовки пятъ не давала: говорить—«нездорово».

У кого большая семья—всѣ мужики на дроворубъ не ходятъ. Нѣкоторые идутъ наниматься къ какомунибудь подрядчику плотничать до пахоты. А у кого и пахарей много, такъ плотничаютъ до самой страды.

II.

Пахота и рыболовство.

Во второй половинѣ апрѣля солнышко пригрѣваетъ все сильнѣе и сильнѣе. Мужики поговариваютъ о томъ, что пахота не далеко. Скоро заговорили, что-де «воиъ Тима Мокинъ ѣздилъ вчера «зачинать»—пора и намъ, скоро ужъ Еремѣя—запрягальника (бываетъ 1 Мая), самый лѣтний поѣдетъ пахать. Отецъ ужъ ходилъ въ кузницу сошники клепать, да кузнецу не досугъ: съ цѣлой слободы нанесли, завтра велѣлъ приходить. У насъ, въ Гагарахъ, на всю слободу только и было два кузнеца, въ нашемъ концѣ да въ верхнемъ. Передъ пахотой то ихъ задавили работой.

Ремесло въ Гагарахъ не любятъ, потому что не знаютъ. На такое село два кузнеца, да и тѣ лошади подковать не сумѣютъ порядкомъ! А потребуются сдѣлать новую вещь—серпъ ли топоръ—такъ нужно въ сосѣднюю волость ѣхать, гдѣ кузнецы есть изъ смыльныхъ. «У нихъ есть съ дѣла-то на всё»—говорять про нихъ въ Гагарахъ.

На другой день отецъ ужъ добился—сошники выклепали—можно и зачинать.

Рано утромъ послѣ завтрака или чаю стали собираться на пашню. Всякое дѣло надо начинать съ молитвой. Съ этого же начинается и пахота. Когда лошади уже бываютъ запряжены, вся семья собирается въ горницу, затворяютъ двери и передъ иконами затепливаютъ свѣчки. Передъ началомъ молитвы, по обычаю, всѣ должны присѣсть, а потомъ ужъ вставать и молиться. Послѣ молитвы въ хорошихъ семьяхъ, сыновья, отправляющіеся на пашню, кланяются родителямъ въ ноги и просятъ благословенія. Прежде чѣмъ выѣхать за ворота часто высылаютъ посмотреть, нѣтъ ли гдѣ бабы на улицѣ. Дурною примѣтою считается, когда при такомъ важномъ выѣздѣ баба пересѣчетъ дорогу. Послѣ такой бѣды хотъ назадъ воротиться такъ въ ту же пору¹⁾. Такъ и дѣлаютъ, если еще не выѣхали со двора: слова идутъ въ горницу обождать и ужъ потомъ выѣзжаютъ. Бабы въ это время боятся ходить, а если увидятъ отъѣзжающихъ, то стараются обождать. Не то другой мужикъ такъ отноеть, что три года будетъ помнить.

Каждое семейство и каждый крестьянинъ бѣдетъ землю, за которую въ началѣ и въ концѣ года вносятъ «подушнину». Каждая «душа» вла-

¹⁾ Мѣстный оборотъ рѣчи. Ф. З.

дѣлеть надѣломъ земли не въ одномъ, а въ разныхъ мѣстахъ. Около самаго селенія идутъ такъ называемые третники, т. е. отдѣльные поля, равняющіяся $\frac{1}{3}$ десятины. Эти поля всегда бываютъ удобрены навозомъ и потому всегда даютъ хорошій урожай. Слѣдующій надѣлъ земли дается въ 3, 4 или 5 верстахъ отъ селенія и наконецъ на ту же душу мужикъ получаетъ землю на «пашню» — такъ называется вообще поле, находящееся отъ слободы на разстояніи 10—15 верстъ.

Удобрятся только поля первой группы.

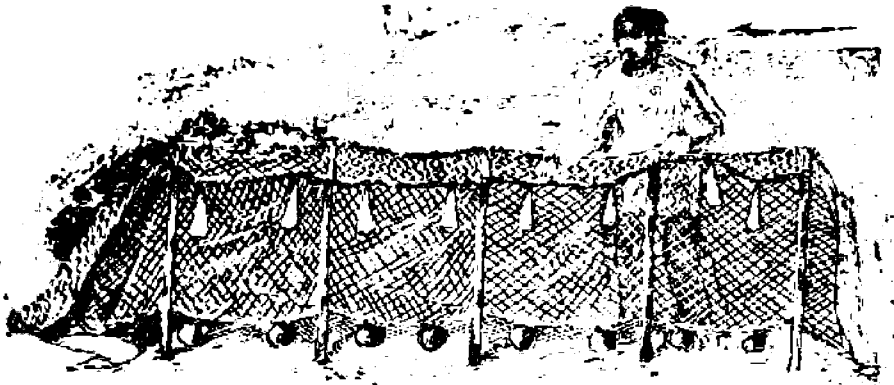
Удобреніе исключительно состоитъ изъ навоза и производится или въ іюнѣ — это удобреніе признается за лучшее, или осенью послѣ уборки хлѣба, или, наконецъ зимою въ видѣ «пластовъ». Пластами называютъ замершіи сверху слой навоза, который — вырубается и глыбами вывозится въ поле. Кромѣ описанныхъ родовъ полей, есть еще особый видъ, которымъ владѣеть не каждый, потому что не каждый работаетъ надъ нимъ — это залѣги. Залогомъ называется поле, которое добыто земледѣльцемъ изъ-подъ лѣсу. Для этого вырубается лѣсъ, и на мѣсто его года черезъ 3 или 4 нарождается новое поле. Такъ какъ залѣги добываютъ близко у селенія, то они всегда бываютъ удобрены навозомъ. Новая, неистощенная почва сторицею вознаграждаетъ этотъ чрезвычайный трудъ земледѣльца. Обработка полей производится большею частью сохою, которая называется рогалюхой; за ней слѣдуетъ менѣе употребительный плугъ — колесанка или сабань и плугъ — пермянка. Самый лучший изъ этихъ орудій, какъ признано крестьянами, плугъ пермянка имѣется далеко не у всѣхъ: недостатокъ денегъ (требуется около 5 руб.) и отчасти лошадей (требуется пара на одинъ «выпряжь») не позволяютъ гагарскому мужику завести эту роскошь. А рогалюху самому не трудно сдѣлать. Пахота производится обыкновенно въ такомъ порядкѣ. Послѣ двухъ, трехъ, иногда даже четырехъ посѣвовъ подъ-рядъ поле оставляютъ подъ парь. Парь готовится такъ. Послѣ окончанія сѣва въ концѣ мая поле вспахивается и въ этомъ состояніи остается до половины іюня, когда оно заборанивается. Въ концѣ іюня или въ началѣ іюля поле вспахивается «на другой рядъ», и парь готовъ. Большая часть пара идетъ подъ озимую рожь, а остальной парь идетъ въ веснѣ подъ яровое. Весной на пары преимущественно сѣютъ пшеницу, ярицу, ячмень и рѣдко овесъ. Кромѣ перечисленныхъ хлѣбовъ въ Гагарахъ сѣютъ горохъ, гречиху и полбу. При сѣвѣ посѣвовъ на одномъ обыкновенно поступаютъ такъ. На мѣсто сжатой ржи сѣются яровое, положимъ горохъ, послѣ гороха всегда сѣютъ овесъ, а послѣ овса обязательно поле парать.

Послѣ посѣва хлѣбовъ сѣютъ ленъ. Посѣвъ льна самый для насъ

интересный. Кормить семью—дѣло мужичье, а одѣвать мужиковъ—дѣло бабы. Поэтому при посѣвѣ льна вошло въ обычай задабривать мужиковъ тѣмъ, что въ льняныя сѣмена кладутъ варенныхъ яицъ. Поэтому мы и любимъ сѣять ленъ. Отецъ высыпаетъ въ лукошко сѣмена, а съ сѣменами яйцо за яйцомъ вылетаютъ: «робята, берите». Прямо взять да и сѣсть яйцо нельзя, нужно его сначала подбросить къ верху да сказать: «вырости ленъ выше лѣсу стоячаго». Говорятъ еще, чтобы ленъ хорошо родился, нужно сѣять его нагишемъ, но мы это никогда не пробовали: стыдно, говорить то всё говорить, а раздѣнся, такъ на смѣхъ поднимуть.

Кажется простая вещь сѣмена для посѣва, а между тѣмъ не всякій гагарскій мужикъ согласится продать хлѣба на «сѣмена»—какъ говорятъ у насъ въ Гагарахъ. Особенно въ этомъ случаѣ дорожатся пшеницей. Опасаются, что отъ продажи хлѣбъ выводится, а въ пшеницѣ соръ да головнй пойдутъ—хоть бросай. Отецъ у насъ какъ-то купилъ полпуда пшеницы да и посѣялъ. Пшеница родилась хорошая, на другой годъ еще лучше, а у стараго хозяина какъ-то перевелась. Такъ отца-то за это прямо вражнмъ и назвали и не мало ругали, что пшеницу «не съ добра» купилъ. «На сѣмена только и можно по знакомству продавать, а то Богъ его знаетъ на какого наскочишь». Да и въ однихъ ли сѣменахъ такъ поступаютъ? И корову, и овечку, и гуся, и утку на приплодъ никто съ бухты-барахты не продаетъ: всякому свое.

Въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая у насъ, въ Гагарахъ, происходитъ неводьба. Человѣкъ десять или пятнадцать соединяются въ артель для

Неводь.

устройства невода. Каждый пайщикъ вноситъ опредѣленную часть мерѣжи, веревокъ для тетявы и прогона, кибасевъ и наплавьевъ. Кибасьями называются

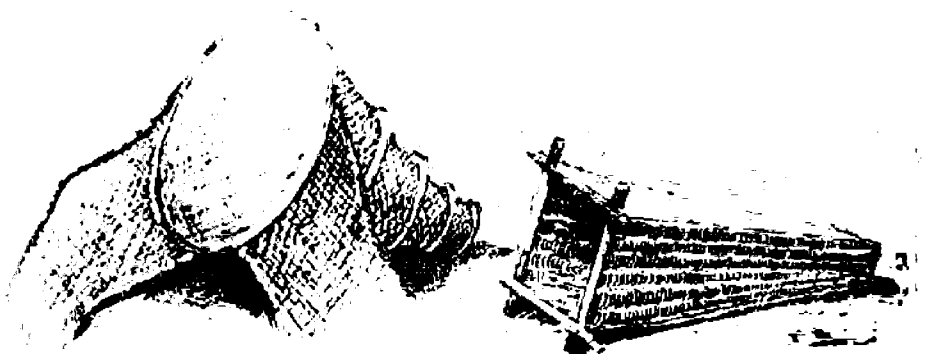
просушенные куски глины въ формѣ сплюснутаго шара съ отверстіемъ посрединѣ. Наплавъ, или наплавкѣ, приготавливаются большею частью изъ коры тополя, называемой сухаршной или сухарникомъ.

Неводъ составляется изъ полотна (мерѣжи), которое съ обѣихъ сторонъ прикрѣпляется къ тетивамъ: верхней и нижней въ нижней тетивѣ прикрѣпляются кибася, а къ верхней наплавья.

Къ переднему концу невода привязывается длинная веревка-прогонъ. Задняя часть невода называется пятой. Въ этой части посрединѣ полотна устраивается мати́я, представляющая изъ себя длинный, суживающійся къ концу, мѣшокъ изъ мережи. Около мати́и къ верхней тетивѣ прикрѣпляется ловда. Ловда есть ничто иное, какъ двѣ небольшія доски, сложенные подъ угломъ около 60°. Она устраивается для того, чтобы своимъ колебаніемъ показывать присутствіе рыбы въ мати́и.

Гагарскіе мужики полагаютъ, что всякій ловъ—звѣря ли, рыбы ли, птицы—нельзя вести безъ особаго заговора или «словинки», а потому въ числѣ неводчиковъ всегда предполагается, что существуетъ хоть одинъ, который бы передъ началомъ работы могъ словинку прочесть, а въ трудныя минуты неводъ отъ порчи спасти и т. п. По мѣнью мужиковъ неводъ, какъ и всякій человѣкъ, не застрахованъ отъ «порчи», которую вражьицы могутъ ему причинить ¹⁾ Невольба у гагарскихъ мужиковъ составляетъ почти единственный родъ занятій, основанныхъ на артельномъ началѣ.

Весной рыбу ловятъ еще мордами, удочкой, сѣтями, отчасти фитилями и рѣдко переметами.

Фитиль.

Морда.

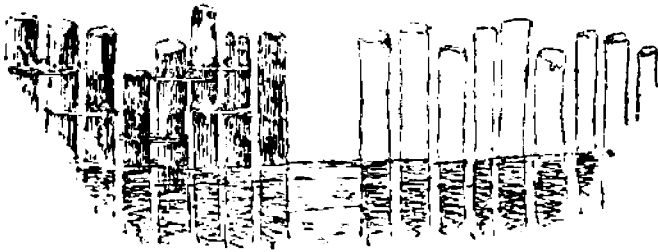
¹⁾ См. ниже.

Объ устройствъ морды мы легко собѣ составимъ понятіе, если представимъ пустой конусъ и съ открытаго конца его вставимъ внутрь такой же конусъ, только гораздо короче перваго.

Границы основаній конусовъ совпадаютъ, но между вершинами внутренняго и наружнаго конуса образуется пространство, въ которомъ и находится добыча, не догадываясь выйти обратно черезъ отверстіе во внутреннемъ конусѣ. Въ остромъ концѣ внутренняго конуса для входа рыбы находится отверстіе; подобное же отверстіе находится и въ наружномъ конусѣ для вытряхиванія добычи, но во время ловли это отверстіе закрывается втулкомъ. Морды плетутъ изъ прутьевъ тальника.

Онѣ раздѣляются на два вида. Однѣ изъ нихъ называются намазущками, потому что внутри ихъ намазывается приманка. Эти морды ставятъ въ рѣкѣ.

Для того, чтобы установить морды другого вида, необходимо въ какомъ нибудь протокѣ поставить жалъ. Каждый годъ, напримѣръ, въ Гагарахъ ставятъ жалъ въ протокѣ, который бѣжитъ изъ Старицы въ Туру. Жалъ готовится изъ мелкихъ древесныхъ стволовъ, которые въ нѣсколькихъ мѣстахъ соединяются между собою мочаломъ.

Чертежъ жала, въ срединѣ котораго находятся мѣста для установки морды.

Среди жала въ одномъ или нѣсколькихъ мѣстахъ оставляютъ мѣста для установки морды. Какъ только вода начинаетъ замѣтно убывать, рыба изъ Старицы стремится по протоку въ Туру и на пути попадаетъ въ морду. Около морды обыкновенно устраиваютъ садки — отгороженыя со всѣхъ сторонъ мѣста въ водѣ, въ которые и опускается добытая рыба для сохраненія. Подобныя же садки устраиваютъ и при большихъ уловахъ рыбы неводомъ.

Устройство переметовъ слишкомъ извѣстно, чтобы на немъ останавливаться. Да переметовъ у насъ почти вовсе не ставятъ, хотя и умѣютъ ихъ приготовить.

Другое дѣло фитили. Лѣтомъ ихъ хотя и рѣдко ставятъ у насъ, за то зимою мало найдется такихъ, которые бы не ловили рыбы фитилями.

Ловля рыбы посредствомъ этихъ снарядовъ основана на той же мысли, по которой устраиваются морды. Разница только въ томъ, что фитиль составляется изъ одного наружнаго конуса и нѣсколькихъ внутреннихъ; притомъ же онъ дѣлается изъ мережи и, чтобы не сплющивался въ водѣ, внутри имѣеть деревянные обручи. Кромѣ того къ открытому концу фитиля прикрѣпляются два крыла изъ мережи, а около каждаго крыла пристраиваютъ жалъ. Фитили устанавливаютъ на рѣкѣ около берега открытымъ концомъ на встрѣчу теченію. Става фитили больше всего рыболовы рассчитываютъ на добычу налимовъ.

Во время весенняго разлива нѣкоторые ловятъ рыбу сѣтями.

А послѣ того, какъ разливъ кончится и вода, какъ говорятъ, станетъ въ трубу, начинается ловля рыбы удочками. Этому роду рыбной ловли серьезные рыболовы значенія не придаютъ и на удельниковъ, какъ и на охотниковъ стрѣляютъ, смотрятъ съ пренебрежительнымъ осужденіемъ; такъ какъ «удой рыбы не наловить». Впрочемъ въ послѣднее время гагарскіе мужики ухитрились на уду ловить язей и этимъ успѣли нѣсколько возвысить свое занятіе въ глазахъ настоящихъ рыболововъ.

При ловлѣ язей для наживы, или насадки, употребляется рачье мясо.

Но никогда уженью не придается такого значенія, какъ въ ту ночь, въ которую метлякъ ¹⁾ падаетъ. «Въ эту ночь успѣвай только закидывать—ведро легко можно наудить»—говорятъ въ Гагарахъ. Метлякъ падаетъ только на Турѣ и представляетъ изъ себя бабочку бѣлаго цвѣта съ толстымъ брюшкомъ, какое вообще имѣютъ всѣ бабочки, принадлежащія къ ночнымъ.

Обыкновенно около полуночи надъ всей рѣкой поднимается огромное число описанныхъ бабочекъ, которыя падаютъ и на воду, и на берегъ въ такомъ количествѣ, что всей окрестности придаютъ бѣловатый цвѣтъ. Крупная и мелкая рыба съ жадностью бросается на этого рода добычу и на поверхности воды легко можно замѣтить сильное движеніе и всплескиванье рыбы въ погонѣ за метлякомъ. Въ это время рыба такъ же жадно и неразборчиво схватываетъ и метляка, посаженнаго на удочку. Къ какому виду относится этотъ метлякъ, существующій всего нѣсколько ночныхъ часовъ—

¹⁾ Метляками называютъ всякаго рода бабочекъ. Ф. 8.

я не знаю, но вѣроятно онъ имѣетъ тѣсную связь съ тѣми пичульми, которые живутъ въ плотнѣйшемъ слоѣ глины въ норахъ по берегу р. Турѣ и чрезвычайно напоминаютъ собой гусеницу. «Пичуль» представляетъ изъ себя также прекрасную насадку и рыба въ Турѣ на пичулой отлично клюетъ, между тѣмъ какъ шшур¹⁾ она даже не нюхаетъ. Поэтому на шшуровъ удать только въ Ницѣ.

Заговоривъ о весеннемъ рыболовствѣ гагарскихъ мужиковъ нельзя уже кстати не упомянуть и о другихъ (очень немногочисленныхъ) видахъ рыбной ловли, практикуемыхъ зимою.

Изъ зимнихъ способовъ ловли второе мѣсто послѣ фитилей занимаетъ ловля жерлицами. Жерлицей называется большая удочка (крючекъ), наживленная или червями, или мелкими живыми рыбками. Для постановки жерлицы продавливаютъ во льду небольшое отверстие и ставятъ въ него тоненькій коль, въ нижнему концу котораго на поводкѣ привязывается крючекъ.

Черезъ извѣстное время ходятъ «жерлицы смотрѣть», т. е. вынимать добычу и наживлять крючки. При ловлѣ жерлицами главнымъ образомъ разсчитываютъ на налимовъ.

Если къ описанному еще прибавить о томъ, что тотчасъ же послѣ того, какъ рѣка покроется льдомъ, гагарскіе мужики имѣютъ обыкновеніе глушить рыбу посредствомъ удара по льду особымъ кіемъ, то исчерпаются всѣ способы рыбной ловли въ описываемой мѣстности.

Въ заключеніе описанія рыбнаго промысла необходимо замѣтить, что въ настоящее время все чаще и чаще слышатся жалобы на оскудѣніе рыбы. Причину этого печальнаго явленія крестьяне видятъ въ появленіи пароходовъ, которые «пугаютъ рыбу». Такое же значеніе придается и ракамъ, появившимся въ Ницѣ въ огромномъ количествѣ. На раковъ въ Гагарахъ смотрятъ, какъ на антихристовъ, явившихся передъ концомъ полного исчезновенія рыбы. Я съ умысломъ употребилъ слово «антихристы»: населеніе Гагаръ въ появленіи раковъ, которыхъ раньше не было, видитъ подтвержденіе своихъ слишкомъ распространенныхъ убѣжденій объ антихристѣ: «правда вѣдь въ писаніи сказано: послѣднія времена живемъ—все хуже да хуже».

Самою цѣнною рыбою считается нельма, которую добываютъ только большими неводами въ Ницѣ; за нельмою слѣдуетъ налимъ, язъ, щука, чебакъ, окуль, ершь, мезкозобъ. Въ озерахъ ловятъ еще карасей.

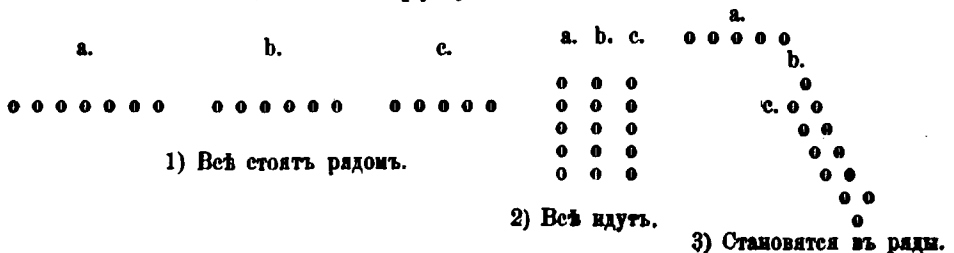
¹⁾ Шшуромъ называется дождевой червякъ. Ф. 8.

III.

Троицынъ день.

Троица представляетъ изъ себя годовою праздникомъ. О Троицѣ въ Гагарахъ бываетъ ярмарка. Прежде другихъ торгашей, за недѣлю до праздника, наѣзжаютъ холстеники—такъ называютъ купцовъ, которые холсты набираютъ. Во всей гагарской волости, послѣ того, какъ мужики разъѣдутся по полямъ, бабы принимаются ткать холсты на продажу и для себя. Для продажи идутъ холсты грубые, изъ толстыхъ нитокъ и красная цѣна имъ 5 коп. за аршинъ. Но ткать ихъ считается выгоднымъ вслѣдствіе того, что это единственное занятіе, которое даетъ женщинамъ возможность, не выходя изъ дому, заработать копейку. Къ Троицѣ варятъ пиво въ Гагарахъ и въ праздникъ, послѣ обѣдни, въ каждомъ домѣ собираются гости. Первое угощеніе, которое хозяева предлагаютъ гостямъ, заключается въ пиво. Пиво подносятъ въ стаканахъ на подносѣ поочередно, то одинъ, то другой изъ хозяйской семьи. Послѣ угощенія пивомъ въ такомъ же родѣ подносятъ гостямъ въ рюмкахъ вино. Наконецъ собираютъ на столъ и садятъ за него гостей. Послѣ стола, а также и во время стола, продолжается угощеніе пивомъ и виномъ. За столъ садятся одни гости: садиться хозяевамъ вмѣстѣ съ гостями считается предосудительнымъ. Послѣ стола подвыпншіе гости обыкновенно начинаютъ пѣть пѣсни. Пляска или танцы бываютъ чрезвычайно рѣдко. Еще рѣже можно слышать какую-либо музыку въ подобныхъ собраніяхъ. Самымъ употребительнымъ инструментомъ въ Гагарахъ является оgramонія ¹⁾, затѣмъ бандура и балалайка. На тѣхъ изъ молодыхъ ребятъ, которые имѣютъ оgramонію или бандуру, въ Гагарахъ смотрятъ какъ на людей, изъ которыхъ путнаго ничего выйти не можетъ. (См. ниже).

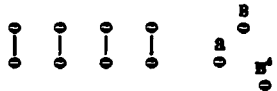
Вечеромъ въ Троицынъ день молодые люди обонхъ половъ собираются на «полянку»—такъ называется праздничное сборище, происходящее на берегу рѣки Ницѣ. На полянѣ, дѣвцы и молодцы взявшись за руки и составивши нѣсколько рядовъ, ходятъ одинъ рядъ за другимъ, распѣвая пѣсни. Это называется ходить въ кругу.

¹⁾ Въ которой читателю не трудно узнать гармонику или гармонию. Ф. З.

Вся игра состоитъ въ томъ, что пройдя нѣкоторое разстояніе, первый рядъ (а) становится на-сторону (черт. 3), рядомъ съ нимъ становится другой рядъ, затѣмъ третій. Когда всѣ ряды установятся въ описанномъ порядкѣ (черт. 1), тогда начинается движеніе снова: первый рядъ опять идетъ впередъ, за нимъ второй, третій (черт. 2). Далѣе, когда всѣ ряды придутъ въ движеніе, первый рядъ опять становится на сторону (черт. 3) и т. д.

На полянкѣ же играютъ караулomъ. Играющіе дѣлятся на пары и становятся одна пара за другой. Одинъ или одна изъ играющихъ становится на караулъ. Игра состоитъ въ томъ, что пары поочередно выбѣгаютъ впередъ, а стоящій на караулъ во время бѣга старается поймать ихъ. Если ему это удастся, то онъ вмѣстѣ съ пойманнымъ игрокомъ составляетъ пару, а оставшіяся становятся на караулъ.

а—стоящій на караулѣ; в и в' бѣгущая пара.

На полянкѣ же играютъ воротцами. Двое изъ играющихъ, ставши на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, образуютъ собою два столба. Затѣмъ, поднявши вверхъ по одной рукѣ, они держатъ въ нихъ платокъ, замѣняющій перекладину на воротахъ.

Въ эти воротца пробѣгаетъ одна пара за другой.

Каждая пара, выбѣжавшая изъ воротецъ первую, становится также, образуя новыя воротца и т. д.

Одну изъ самыхъ необходимыхъ принадлежностей полянки составляетъ борьба. Обыкновенно борцы изъ верхняго конца борются поочередно съ борцами изъ нижняго конца. Но въ большіе, годовые, праздники, обыкновенно оба «конца» соединяются для совместной борьбы съ пришедшими изъ другихъ селъ и деревень борцами. Борьбу ведутъ только двое, остальные же въ качествѣ любопытныхъ окружаютъ мѣсто борьбы толстымъ живымъ кольцомъ.

Борьбу всегда открываютъ маленькіе борцы.

Каждый борецъ, выходя въ кругъ, долженъ быть повязанъ черезъ одно плечо и вокругъ себя опояской.

Цѣль борьбы заключается въ томъ, чтобы уронить противника на землю 3 раза. Кто успѣетъ это сдѣлать раньше другого, тотъ считается побѣдителемъ. Въ случаѣ, если одинъ борецъ падетъ 3 раза, то другой выходитъ на выручку.

Практика строго установила извѣстные приемы борьбы. Самый легкій ударъ съ носка дѣлается въ началѣ борьбы и заключается въ томъ, что борецъ старается уронить другого, ударивши его боковой частью ступни по ногамъ. Слѣдующій приемъ называется съ пятки: одинъ изъ борцовъ пяту правой или лѣвой ноги (смотря по тому, какой онъ лучше владѣеть) закидываетъ за пяту другого борца. Есть еще приемъ брать своего противника съ крюку. Для этого ногу закидываютъ за ногу противника съ внутренней ея стороны. Затѣмъ послѣдній приемъ носитъ названіе съ холки и состоитъ въ томъ, что одинъ борецъ старается подвернуть подъ животъ противника свою спину и такимъ образомъ, перебросивши черезъ себя, уронить на землю. Каждый хорошій борецъ обыкновенно роняетъ противника посредствомъ какого либо одного изъ описанныхъ приемовъ борьбы. Во время борьбы опускаются руками отъ опояски строго воспрещается. Отъ маленькихъ борьба постепенно переходитъ къ большимъ. Въ концѣ концовъ остается самый искусный борецъ, котораго никто не могъ побѣдить, и онъ, какъ говорятъ, уноситъ кругъ. Унести кругъ—это значитъ одержать такую побѣду, которая служить предметомъ гордости не только для самого борца, но и для всего «конца» или деревни, къ которымъ онъ принадлежитъ. Поздно вечеромъ передъ утромъ кончается борьба, а вмѣстѣ съ нею и «полянка».

На завтра Троицына дня, какъ думаютъ въ Гагарахъ, бываетъ земля именинница. Плевать въ этотъ день на землю считается за грѣхъ.

IV.

Межѣнное время и страда.

Жаркое время въ іюнѣ мѣсяцѣ носитъ названіе межѣни. На межѣнное время въ Гагарахъ смотрятъ какъ на время трудное, въ теченіи котораго жить слѣдуетъ со всевозможной опаскою. Въ это время, выпуская домашній скотъ на поскотину, гагарскіе мужики, дабы избавить его отъ вліянія нечистой силы, приобрѣтающей въ это время особенное значеніе, дѣлаютъ на немъ смолою кресты. Чтобы подобнымъ же образомъ предохранить и людей, на кресты имъ лѣпятъ воскъ. Въ такое время отецъ всегда намъ совѣтовалъ ходить съ молитвою. Самою важною въ этомъ случаѣ молитвою считается: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его». Нѣкоторыя строго опредѣленные мѣста въ лѣсу и въ рѣкѣ во все это время и въ особенности въ полдень, совѣтуютъ рѣшительно избѣгать, такъ какъ тутъ временами дѣкуется, т. е. обнаруживается присутствіе нечистой силы. При упоминаніи

о нечистой силѣ у насъ имѣеть обыкновеніе или сфиглинуться или перекреститься и сказать: «не слушай святаго хоромина, не въ намъ будь сказано». Межень обыкновенно совпадаетъ съ Петровымъ постомъ, въ теченіе котораго заботливыя хозяйки копятъ творогъ для такъ называемаго кислаго молока, сметану и масло. Чѣмъ больше Петровки, тѣмъ выгоднѣе для хозяекъ, потому что въ промежуткѣ¹⁾ ни сметаны, ни масла напоятъ не удастся. Меженное масло считается самымъ лучшимъ и доброкачественнымъ.

Въ межень пахота хотя и кончается, но крестьянину нельзя оставаться безъ дѣла. Въ Петровки, пока еще не настала страда, мужики успѣваютъ навозъ на поля вывезти, полозья загнуть, дубу надрать, лутшки посянать, и пр. и пр.

Срубленные въ мартѣ облесѣ для полозьевъ теперь правятъ и гнутъ. «Полозья гнутъ съ терпѣньемъ и не вдругъ». Резовые облесѣ, выправивши топороми, кладутъ въ печь парить, а потомъ уже начинаютъ гнуть. Почти въ каждомъ дворѣ имѣется колода, на которой гнутъ полозья; затѣмъ бѣло, вокругъ котораго загибается полозъ. Въ углубленіе, сдѣланное въ передней части бѣла, вкладывается курица, приспособленная для загибанія головы полоза. На курицу надѣвается желѣзное жолцо.

Вершина полоза постепенно пригибается къ трубицѣ и весь полозъ загибается вокругъ бала. Загнутые полозья ставятъ въ особо приготовленный около дома пристѣнокъ, гдѣ они и остаются до снѣгу, пока не просохнутъ. Зимой изъ этихъ полозьевъ и другаго матеріала дѣлаютъ сани.

Въ числѣ прочихъ матеріаловъ, необходимыхъ для изготовленія саней, слѣдуетъ упомянуть о хряслинахъ и дугахъ. Хряслины, приготовляемыя въ меженное время, представляютъ изъ себя не толстые стволы березы безъ коры длиною около 2 сажень. Дуги загибаются также изъ тонкихъ березовыхъ стволовъ, съ которыхъ снята кора.

Вслѣдствіе развитія кожаннаго дѣла въ Тюмени существуетъ большой спросъ на дубъ. Такъ называютъ у насъ засушенную кору, содранную съ кустарниковаго тальника и пр. Эта кора особеннымъ образомъ свертывается и связывается въ пучки. Для того, чтобы составить возъ, требуется около сотни пучковъ. Цѣна хорошаго воза не бываетъ больше 3 рублей. Въ меженное время въ Тюмень свозится дубъ въ огромномъ количествѣ. Дубъ дерутъ даже въ тѣхъ деревняхъ, которыя отстоятъ отъ Тюмени на 100 верстъ и болѣе. Къ числу занятій меженнаго времени относится также обдираніе лутшекъ и приготовленіе мочала. Лутшками называются срубленные стволы липы.

¹⁾ Такъ называется время между постами или говѣнями. Ф. З.

Въ слѣдъ за меженью наступаетъ страда. Около Петрова дня и косить нужно приготовляться и пары на другой рядъ орать. Около Прокосьва дня (8 юля) ужъ всё «зачинають» косить, грести, т. е. собирать сѣно въ валы, потомъ копнѣть, т. е. строить копны, а изъ копень—зароды. Большіе зароды отецъ у насъ называлъ еще аммѣтами. Не успѣли еще поставить сѣно какъ хлѣбъ поспѣлъ. Цѣлые дни бьется народъ за работой, какъ рыба объ ледъ: съ суна на сувъ, а все недосугъ. На поляхъ появляются кучи и суслонны. Кучи дѣлають стоячія и лежачія. Лежачія кучи или четырнадцатерички (по 14 сноповъ) ставятъ на поляхъ въ хорошіи урожай. Если же хлѣбъ родился рѣдкіи и сноповъ на полѣ немного, то ставятъ восьмерички—кучи по 8 сноповъ каждая. Суслонны дѣлають больше изъ ржаныхъ сноповъ, когда хотять ихъ скорѣи просушить. Для этого ставятъ три снопа вверхъ колосьями, а четвертымъ снопомъ закрывають, надѣвая его на первые снопы такъ, какъ надѣвають бумагу на сахарную голову. Но вотъ и жатва кончается. Дожинають послѣднее поле. Самые послѣдніе колосы этого поля не жнутъ, а перевязываютъ ихъ травой и оставляють въ такомъ видѣ Миколѣ на бородку, дабы святой Угодникъ и на будущии годъ не оставилъ послать урожая...

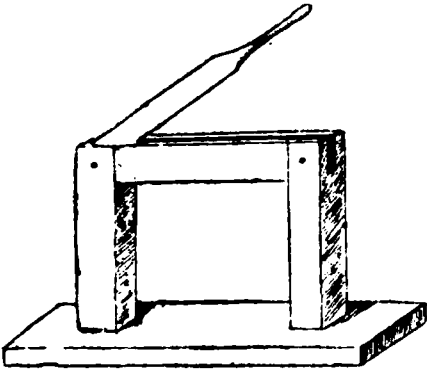
Послѣ жатва начинается клѣдливо, кладуть хлѣбъ въ гумна и остожья. Съ тѣхъ полей, которыя находятся недалеко отъ гумень, хлѣбъ свозится въ гумна; на дальнихъ же пашняхъ около полей строятъ остожья ⁴⁾ и въ нихъ оставляють хлѣбъ до зимы.

Въ половинѣ Сентября страда обыкновенно кончается, отворяють ворота въ поле и пускають скоть. Весной до уборки хлѣба ворота заперты, и скоть ходить въ поскотинѣ.

V.

Съ прекращеніемъ страда начинаютъ новыя заботы и работы у гагарскихъ крестьянъ. Ребята почти поголовно становятся пастухами, гоняють коровъ въ поле пасты, а мужики около дома управляются. Бабы въ огородахъ картовки да морковь копають, капусту рѣжутъ да солятъ. Убрались только съ огородомъ, надо съ вуделей управлаться: лень да коноплѣ мялкою мать, трепаломъ трепать да щетью чесать. Вычесали—прясть, а весной ткать да продавать. На слѣдующей страницѣ помѣщены чертежи тѣхъ снарядовъ, при помощи которыхъ лень превращается въ нитки и холстъ.

⁴⁾ Остожье—загородъ, въ которую складывается хлѣбъ или сѣно. Ф. 3.

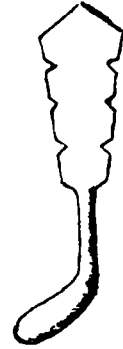
1) Мялка.

2) Трешало.

3) Щеть.

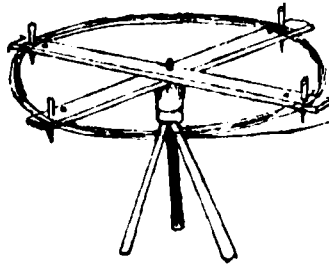
4) Прляца.

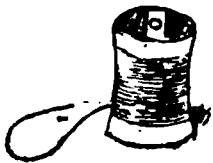
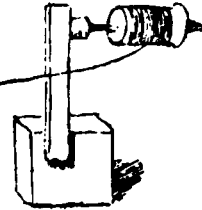
5) Веретено.

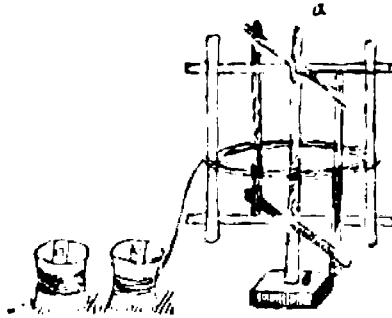
6) Мотовило.

7) Воросм.

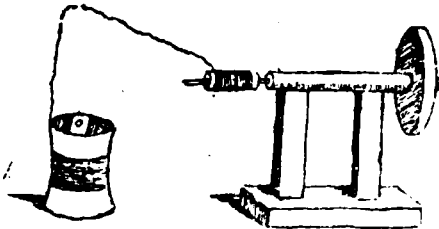
8) Тюрпль.

9) Самосновы.

Челнокъ.

10) Скально.

Цѣпки.

Вырванный съ корнемъ ленъ сначала разстилають на скошенномъ лугу, и когда онъ достаточно «улежѣтъ», т. е. когда стволы его сгниють и сдѣлаются хрупкими, тогда ленъ поступаетъ подъ мялку. Здѣсь отъ него отлетаетъ ненужная костика. Еще больше выдѣляется костики, когда ленъ треплють трепаломъ. Изъ-подъ трепала кромѣ костики изъ льна отдѣляются клочки, которые собираются и составляютъ низкій сортъ кудели, называемый и згрѣбями. Подъ щетью ленъ окончательно очищается, причемъ получаются два высше сорта кудели: пачеси и ленъ. Пачеси представляютъ изъ себя клочки кудели, отдѣляющейся при чесаніи щетью. Точно такой же переработкѣ подвергаются конопля и посковъ¹⁾. Послѣ этого куделя поступаетъ на прялицу, а съ прялицы въ видѣ нитокъ на веретено или веретно. Веретено съ напряденными нитками называется простнемъ (простень). Съ простней нитки для вытягиванія поступаютъ на мотовило, гдѣ каждая 3 нитки перевязываются и носятъ названіе чѣсменки; 10 чѣсменокъ составляютъ пасмо. Изъ неопредѣленнаго числа пасмъ составляется мотъ. Мотъ поступаетъ на вордсы, съ которыхъ сматывается на тюрпкъ (черт. 7). При помощи самосновонъ пряжа съ тюрпковъ сматывается и приводится въ такой видъ, что ее легко можно навить на красна и ткать. Пряжа натянутая на красна называется основой; другая часть пряжи остается на тюрпкахъ и называется уткомъ. Утокъ съ тюрника наматывается на дѣвку, которая вставляется уже въ челнокъ (черт. 10). Основа въ краснахъ продѣвается въ двѣ ниченки и одно бердо. Бердомъ дѣйствуютъ для того, чтобы придать холсту ту или другую прочность. Ниченки же, помѣщающіяся какъ разъ за бердомъ, имѣютъ цѣлю раздѣлять основу на двѣ части: верхнюю и нижнюю. Каждая ниченка соединена съ особою подножкой. При нажиманіи подножки къ низу она тянетъ соотвѣтствующую ниченку вмѣстѣ съ продѣтою въ нее половиною основы такъ же къ низу, а другая часть основы приподнимается къ верху. Въ образовавшееся въ основѣ отверстіе и проскакиваетъ челнокъ, оставляя нитку, которая прихлопывается бердомъ.

Въ концѣ сентября, пока еще не выпалъ снѣгъ, взрослые ребята и мужики рубятъ кражи, а иногда, въ случаѣ надобности, отправляются въ матеру или материкъ—бревна рубить для постройки домовъ.

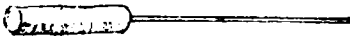
Осенью же, пока земля не промерзла, отецъ у насъ ходилъ оцепна ставить для того, чтобы зимой по снѣгу зайцевъ ловить. Устройство оцеповъ

¹⁾ Посковью называютъ тѣ стебли конопли, на которыхъ находятся сорожки съ цвѣточною пылью. Посковь рвутъ раньше конопли. По этому поводу въ Гагарахъ сложилась поговорка: „Дай Весноди конопля и посковна“... Въ переносномъ смыслѣ „всѣхъ удобствъ“. Ф. З.

сгѣдующее. Предварительно отыскивается въ лѣсу зайчья дорожка или тропа. Гдѣ нибудь въ тѣномъ мѣстѣ около этой тропы ставится въ землю коль приближительно трехъ аршинъ высотой съ виллообразною верхушкою. На этотъ коль кладется очепа, который представляетъ изъ себя нетолстый стволъ березы или осины. Въ землю, около самой тропы, вбивается маленькій колышекъ, на который надѣвается сдѣланный изъ мочала подпетельникъ. Пока этимъ и ограничивается устройство очепы.

Въ послѣдствіи, когда выпадаетъ снѣгъ, зайцы обыкновенно не бросаютъ лѣтней тропы, а продолжаютъ по ней бѣгать. Тогда къ очепу привязываютъ петлю и настораживаютъ на тропу. По общепринятому мнѣнію зайцевъ ловить можетъ не всякій, а только тотъ, кто знаетъ «словинку», т. е. особый наговоръ. А словинку знаютъ не многіе, поэтому и зайцевъ ловятъ лишь нѣкоторые крестьяне.

Какъ только наступили длинные осенніе вечера, мать напярала изъ льна тонкихъ и ровныхъ нитокъ, изъ которыхъ отецъ сталъ петли скать. Петли скуть съ большими предосторожностями, умывая каждый разъ руки. Сосканные петли трутъ чагой. Чагой называется губка, которая вырастаетъ на берегахъ и другихъ деревьяхъ. Лучшею чагою для петель находятъ чагу дерева, которое за свои свѣтлые блестящіе листья именуется свѣтлолистникомъ. Эта губка, какъ и все относящееся къ петлямъ, также сохраняется въ особенной чистотѣ.

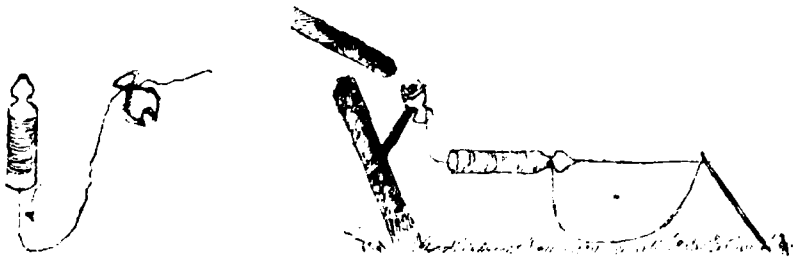
Жыгало.

Цѣвка.

Сторожекъ.

Къ петлямъ необходимо имѣть еще цѣвки и сторожки. Цѣвки больше всего дѣлаются изъ калины, сторожки изъ черемухи. Для цѣвокъ выбираютъ калиновые палочки, толщиною въ палецъ, разрѣзаютъ ихъ на кусочки въ два вершка каждый, и сердцевины ихъ проталкиваютъ особо

приготовленнымъ желѣзнымъ прутомъ или жигаломъ. Сердцевина не всегда легко выталкивается—тогда жигало раскаляютъ въ огнѣ и выжигаютъ имъ цѣвки. Сторожекъ представляетъ изъ себя коротенькій кусочекъ черемухи съ зарубкою на одномъ концѣ.

На самый конецъ петли привязываютъ цѣвку, а другой конецъ продеваютъ въ петлю и привязываютъ къ нему сторожекъ.

Къ ловлѣ зайцевъ приступаютъ навѣ къ какому нибудь священнодѣйствію. Передъ отправленіемъ въ поле всѣ петли окуриваются. Для этой цѣли служатъ растеніе багульникъ (дикій розмаринъ). При выходѣ изъ дома читаютъ молитву или словнику и стараются изъ деревни выйти незамѣченными. Даже разглашеніе о томъ, что сегодня у насъ отецъ ушелъ петли ставить, подвергалось строгому запрещенію. Отецъ съ своей стороны принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы добычу изъ петель таскать незамѣченной. Для этого онъ, когда «добывалъ» зайцевъ, складывалъ ихъ гдѣ нибудь въ лѣсу и привозилъ потомъ на лошади, незамѣтно для постороннихъ. Сохрани Богъ, если зайца изъ петли украдутъ—послѣ этого хоть ловлю бросай: и попадать зайцы не будутъ, и вороны будутъ клевать попавшихъ, и пр., и пр.

Рядъ поставленныхъ въ лѣсу петель составляетъ пѣтухъ, который принадлежитъ, по обычаю, тому, кто его развѣ занялъ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Дома шкура съ зайцевъ снимается и сушится на палкахъ.

Пала съ распоркой по срединѣ.

VI.

Тотчасъ послѣ страды дѣвницы открываютъ вечерки. Обыкновенно какая нибудь одинокая старуха, забитая до крайности нуждою, соглашается пустить къ себѣ на зиму вечерку. Тогда и уговариваются въ цѣнѣ. Всѣхъ вечерокъ въ Гагарахъ устраивается до 5. На одной изъ нихъ, напримѣръ, каждая дѣвица платитъ по 25 коп. за зиму и, кромѣ того, каждый правдникъ она должна принести хозяйкѣ калачъ и туюсокъ пива; на другой вечеркѣ платитъ по 10 коп. да по вѣсу дровъ съ обычными пивомъ и

калачами на праздникѣ. Вся слобода Гагары раздѣляется на два конца — верхній и нижній, изъ которыхъ каждый чувствуетъ себя, какъ нѣчто самостоятельное цѣлое и различаетъ «своихъ» и «кончанскихъ», т. е. живущихъ въ другомъ концѣ. Жители одного «конца» относятся къ жителямъ другого почти враждебно. По крайней мѣрѣ такое утвержденіе справедливо относительно молодежи, которая появленіе своихъ товарищей по дѣтамъ изъ другого конца привѣтствуетъ особо сложеною для этого поговоркою: «кончанской хламъ привалился къ намъ». Ухаживать за дѣвницей изъ другого конца по меньшей мѣрѣ рисковано, такъ какъ кончанскіе ребята того и гляди поколотятъ смѣльчака. Этотъ антагонизмъ весьма отражается на посѣтителяхъ вечерокъ. Каждая вечерка имѣетъ посѣтителей изъ своего конца. Въ будни на вечерки дѣвницы ходятъ съ работой, чаще всего съ прялицей или шитьемъ. Приходятъ иногда и ребята посидѣть, но игръ въ это время совсѣмъ не бываетъ. За работою часто поютъ проголосныя пѣсни.

Проголосными называютъ тѣ пѣсни, которыя поются протяжно. Другое дѣло о праздникѣ. Тогда совсѣмъ не берутъ прялицъ да швеекъ или если и берутъ такъ развѣ для славы. Придутъ молодцы и скажутъ: «ну ко дѣвасы красны — пѣсенку намъ» — не отказывать станешь. Въ этихъ случаяхъ поютъ ужъ не проголосныя пѣсни, а особыя, которыя поются скоро и неизбежно оканчиваются приглашеніемъ поцѣловаться. Вотъ одна изъ такихъ пѣсенъ ¹⁾.

Косить дѣвки лебеду, лебеду
Телятинкамъ на ѣду, на ѣду.
Телятинки не ѣдятъ травку.
Разженатый не солуй ²⁾ дѣвку,
Хоть того хуже холостой, холостой,
Разженатой подъ полатами постой,
Посолуй-ко меня, парень молодой.

Во время пѣнія подобныхъ пѣсенъ молодцы ходятъ по комнатамъ взадъ и впередъ, взявшись за руки и, по окончаніи пѣсни, приглашаютъ дѣвницъ цѣловаться. Плясать въ Гагарахъ умѣютъ, но плохо, и пляшутъ на вечеркахъ рѣдко; почти всѣ увеселительныя занятія на вечеркахъ исчерпываются вышеприведеннымъ. Въ большіе праздники, какъ въ Миколу и въ Рождество на вечерку собираются съ исключительной цѣлью поиграть. Наканунѣ Нового

¹⁾ Другія подобныя пѣсни см. ниже.

²⁾ Не солуй — не цѣлуй.

года обыкновенно собираются на вечерку ворожить. Какойнибудь молодецъ изъ грамотныхъ приноситъ Оракула или «Царя Соломона» для ворожбы; или же льютъ въ воду воскъ, олово, ходятъ слушать на сѣнникъ, на церковную паперть, ставятъ на гумнахъ въ снѣгъ носилки и утромъ смотрятъ— въ которую сторону упала носилка, въ той сторонѣ живеть и женихъ.

Кромѣ вечерокъ, ворожба на новый годъ прѣходитъ и въ домахъ, гдѣ по царю Соломону ворожатъ старики и старухи.

На святкахъ вечерки обыкновенно бывають биткомъ набиты. То и дѣло приходять нарядчики (т. е. рижные, замаскированные), поютъ пѣсни, цѣлуются—дымъ коромысломъ. Около новаго года водятъ коня. Коня водятъ съ большимъ торжествомъ и за нимъ съ вечерки на вечерку всегда ходитъ большая толпа любопытныхъ. «Конь» изговоряется такъ: дѣлають чучело конской головы и привязываютъ къ ней множество колокольчиковъ и бубенчиковъ, украшаютъ разноцвѣтными лентами, а вмѣсто туловища прикрѣпляютъ къ головѣ бѣлую простыню. Одинъ изъ нарядчиковъ на свою голову надѣваетъ голову коня и, завернувшись простынею, представляетъ коня; другой нарядчикъ водить коня. Съ конемъ ходятъ еще и другіе нарядчики, кромѣ жоака. Безъ коня ни одиъ святки не проходятъ, такъ какъ конь составляетъ верхъ маскараднаго искусства гагарской молодежи: безъ него и святки не святки.

Большой популярностью у насъ пользуется также медвѣдь. Одинъ нарядчикъ надѣваетъ шубу навыворотъ и представляетъ собою медвѣдя, другой—его жоака.

Помимо описаннаго, нарядчики причиняють много хлопотъ и дѣвицамъ и хозяйкѣ вечерки. Напримѣръ, толпа нарядчиковъ, почему либо не благоволящая къ извѣстной вечеркѣ, издумаетъ погѣлиться (поздѣваться) надъ нею: набереть въ мѣшки снѣгу и придетъ на вечерку «мукой торговать», среди комнаты высылетъ мѣшковъ пять снѣгу и уйдетъ, а вслѣдъ за этой толпой прибѣжитъ другая «съ рыбой», т. е. со всякой дрянью въ мѣшкахъ и, подобно первой, оставитъ ее на полу.

Безъ торговли мукой или рыбой ужъ тоже ни одна вечерка на святкахъ не обойдется.

Святки прошли. Наступаетъ своимъ чередомъ Крещенье.

Наканувъ этого дня насъ съ братомъ заставили ставить мѣломъ кресты на верхнихъ косякахъ у всѣхъ оконъ и дверей въ домѣ, въ сѣняхъ, въ хлѣвахъ и пр.

О Крещеньи въ Гагарахъ гостинный праздникъ. Какъ отойдетъ обѣдня, цѣлый день гости да гости—съ ногъ просто собьешься.

Послѣ обѣдни въ Крещенье ходять на Ердань и старики замѣчаютъ, что если стояло облачное небо, то хлѣбъ на-весну родится, а ясное—ждать неурожайнаго года.

Говорять еще, чтобы смыть съ себя грѣхъ, сдѣланные на святкахъ, слѣдуетъ въ Крещенье окунуться въ Ердани.

Зимою хоть и много работы, но все же не столько, какъ лѣтомъ. А ребятамъ и всю зиму почти что нечего дѣлать. Наше дѣло только коровъ да коной сгонять на водопой къ колодцу или на ручей. Зимою мы съ братомъ въ школу ходили. Училище у насъ, въ Гагарахъ, существуетъ недавно, и грамота распространяется туго. До 1870 года училища совсѣмъ не существовало и населеніе было поголовно безграмотное. Около 1873 года впервые учреждено сельское училище, и присланъ особый учитель. Ранѣе же обученію дѣтей посвящаль часть своихъ досуговъ сельскій священникъ.

Въ зимнее время отецъ со старшими братьями днями ѣздили по сѣно да по дрова, а вечеромъ санничали. Выдѣлка саней производится въ слѣдующемъ порядкѣ. Сначала высушенные полозья вынимаютъ изъ пристѣвика и правятъ тошоромъ, придавая имъ таковой видъ, въ которомъ они могутъ идти на подѣлку. Далѣе полозья рѣжутъ. Для этого существуетъ два вида рѣзокъ: широкая и мелкая, которыми и приводятъ рядъ симметрично расположенныхъ бороздокъ на наружной сторонѣ выправленныхъ половець.

Послѣ чего долотомъ въ верхней части половець дѣлають пять углубленій для копыльцевъ.

Каждый копыль (а) соединяется съ копыломъ, лежащимъ противъ него на другомъ половець, посредствомъ вяза.

Послѣ того, какъ два половеца вязями соединены между собою, на верхнюю часть копыльцевъ набивають нащѣпы (сd) и соединяють съ ними головку саней посредствомъ вязевъ. Слѣдующею работою является завѣшиваніе хряселъ. Для этого двѣ отдѣльныя хряслины прикрѣпляютъ концами къ головкамъ саней Другіе же концы хряслинъ набивають на дугу въ задней части саней. Еще ближе къ концамъ хряслины набивають на перечень. Послѣ этого сани почти готовы. Остается только вставить лубокъ поверхъ вязевъ между нащѣпами, впутать хрясла веревками и осмолить.

Въ зимніе сумерки вся семья обыкновенно сумерничаетъ, т. е. забирается на печи да на полати отдыхать. Вотъ въ эти-то сумерничанья мы, ребята, и слушали сказки да загадки отъ взрослыхъ. Во время этихъ же сумерекъ мы знакомились съ сусѣдками да букарицами. Согласно рассказамъ, сусѣдка я представлялъ себѣ жителемъ подполья. Старшіе рассказывали даже, что бабушка видѣла въ подпольѣ сусѣдка, и хотя я

сусѣдка сильно боялся и въ подполье одинъ иногда, даже днемъ не ходилъ, но, по рассказамъ, это былъ старикъ добродушный, который худо едѣлать никому не желаетъ. Бываетъ иногда, что сусѣдко по ночамъ давить людей. Но и это не всегда кончается дурно. Обыкновенно тотъ, кого онъ давить всегда спрашиваетъ: «къ худу или къ добру», и сусѣдко всегда отвѣчаетъ: худо или добро, слѣдуетъ ждать. Сосѣдко любитъ хозяйничать надъ скотомъ. Какую лошадь полюбить—та и конь кономъ ходитъ; какую возненавидѣть—ту замучить и со свѣту сживетъ. Больше всего на нелюбимой лошади сусѣдко воду возить. Говорятъ, что въ прежніе годы какой-то хозяинъ замѣтилъ, что сусѣдко ужъ сильно лошадь измучилъ, взялъ да на водовозномъ чану и едѣлалъ дыру. Сусѣдко пріѣхалъ на прорубь, черпалъ-черпалъ—начерпать не могъ, и примерзъ ко льду. Тутъ его утромъ и взяли.

Но вообще говоря зимой у насъ домашней, лѣсной, водяной нечистой силѣ такого значенія не придаютъ, какъ лѣтомъ.

Проходить зима съ своими длинными ночами, снова наступаетъ февраль, а вмѣстѣ съ нимъ и масляница. На масляницѣ у насъ, какъ и вездѣ, блины ѣдятъ, съ катушекъ катаются, на коняхъ гуляютъ, а въ прощеньи день (такъ называется послѣдній день масляницы, потому что въ этотъ день у насъ принято чтобы всѣ и каждый просили другъ у друга прощенія) строить и ломаютъ города ¹⁾.

За масляницей подходитъ батюшко Василій Капитальникъ, дроворубъ, пахота да страда подвигаются въ своемъ неизмѣнномъ порядкѣ изъ года въ годъ.

Ф. Зобнинъ.

¹⁾ Объ устройствѣ масляничнаго города будетъ сказано особо.

Русь и Асы въ Китаѣ, на Балканскомъ полуостровѣ въ Румыніи и въ Угорщинѣ.

Въ XIII—XIV. в.

(Замѣтки Преосв. Палладія, докт. Бретшнейдера, архим. Руварца и редактора).

Русское поселеніе въ Китаѣ въ первой половинѣ XIV вѣка.

(Преосв. Палладія).

«Я только что получилъ тѣ книжки Духовной Бесѣды, въ которыхъ помѣщены краткія извѣстія изъ Пекинской миссіи о начаткахъ православія среди нашихъ языческихъ сосѣдей. Конечно, вы правы: нельзя не порадоваться доброму началу, обещающему несомнѣнный успѣхъ въ будущемъ. Китайцы вообще менѣе предубѣждены противъ русскихъ, чѣмъ противъ другихъ націй. Нелишне также замѣтить, что между двумя сосѣдними народами существуетъ связь не только географическая, но также историческая; русскій духъ издавна виталъ въ Поднебесной Имперіи. По этому предмету, почти совершенно неизвѣстному до сихъ поръ, я предложу вамъ извлеченіе изъ китайской исторіи.

По свидѣтельству этой исторіи ¹⁾, имя русскихъ появилось въ Китаѣ въ тяжкую для насъ эпоху монгольскаго владычества. Россія и русскіе известны въ китайскихъ памятникахъ монгольскаго періода, подъ именемъ Олосы, Алосы, Улосы, иногда Улусу. На рукописной картѣ XIV в., хранящейся въ бібліотекѣ Пекинской Академіи, Алосы, какъ государство, поставлены въ сѣверозападной оконечности Монгольской Имперіи, послѣ Алань-Асы (Аланы-Азы) и Киньча (Кинчакъ). Олосы, какъ и нынѣ Китайцы называютъ русскихъ, очевидно есть китайское переложеніе слова Урусъ; Монголы могли заимствовать его въ покоренныхъ ими магомтанскихъ странахъ, гдѣ, какъ извѣстно, Русь носила названіе Урусъ, тѣмъ болѣе,

¹⁾ Юань ши, или исторія дома чингисханаидовъ въ Китаѣ (34, п. 24, 27, 35, 12, 15, 23, 36, 2, 8, 138, 19 (стар. изданіе).

что въ монгольскомъ языкѣ нѣтъ словъ, начинающихся съ буквы Р. Въ ту пору появленіе Русскихъ въ Пекинѣ было слѣдствіемъ обычая монгольскихъ хановъ набирать въ покоренныхъ ими владѣніяхъ дружины и включать ихъ въ свою пекинскую гвардію. Такимъ образомъ составились въ Пекинѣ полки: Кинчавскій, Асу (изъ Асовъ) и Русскій. Каждый полкъ имѣлъ отдѣльное управленіе и особыя записи. Множественно замѣчу, что многіе Асы, служившіе въ рядахъ Пекинской гвардіи сохранили христіанскія имена: Нѣгулай (Николай), Ёлія (Илія), Коурги (Георгій), Димидиръ (Димитрій). Это обстоятельство подтверждаетъ сказаніе объ обращеніи Асовъ въ христіанство. О Русскомъ полкѣ въ Пекинской гвардіи упоминается въ исторіи впервые подъ 1330 г., когда взомель на ханскій престолъ Тутѣмуръ, извѣстный больше подъ посмертнымъ названіемъ Джаяду. Онъ первый устроилъ Русскій полкъ или поставилъ особаго темника 3-й степени надъ Русскимъ отрядомъ, который почтилъ наименованіемъ Сѣань-Джу-улосыхувэй-цинъ-цзюнь, т. е. охраннаго полка изъ Русскихъ, прославляющаго (въ смыслѣ доказывающа «всему свѣту») вѣрнопопданность. Монголы заняли отъ Китайцевъ обычай давать войскамъ пышныя и знаменательныя титулы. Русскій полкъ подчиненъ былъ главному завѣдыванію высшаго военнаго совѣта въ Пекинѣ. Тогда-же для него устроенъ былъ лагерь или поселеніе на сѣверѣ отъ столицы; правительство откупило для него у крестьянъ участки земли, въ 130 больш. кит. десятинъ. Русскимъ военнопоселенцамъ даны были земледѣльческія орудія, для водвѣдыванія земли, и, кромѣ того, постановлено было, чтобы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они будутъ стоять лагеремъ (кочевать), въ горахъ, лѣсахъ, при рѣкахъ и озерахъ, они занимались охотой и всю добычу: птицъ, звѣрей и рыбу доставляли ко двору, причемъ сказано, что кто изъ нихъ не будетъ охотиться, тотъ подвергается суду. Гдѣ было мѣсто поселенія Русскихъ—по неопредѣленнымъ выраженіямъ—на сѣверѣ отъ столицы, трудно опредѣлить; можно только предполагать изъ дарованія имъ пахатной земли, что оно находится между ВеликойСтѣной и Пекинской равниной. Изъ этихъ поселеній они вѣроятно отправлялись на охоту и облавы.

Въ слѣдующемъ 1331 г. отмѣнено темничество русскаго полка и учреждено командирство съ пожалованіемъ серебряной печати. По тогдашнему военному устройству, эта перемѣна въ управленіи присоединяла русскій отрядъ къ ближайшимъ ханскимъ. Въ то же время приписано было къ полку 600 новыхъ солдатъ (неизвѣстно откуда явившихся), которые отправлены были по домамъ (?), съ тѣмъ чтобы, въ 1-му числу 7 луны (т. е. по минованію лѣтнихъ жаровъ) они вернулись въ лагерь. Къ тому же времени относится распоряженіе о выдачѣ земледѣльческихъ орудій и хлѣба вновь поступившимъ на пограничную стражу (?) солдатамъ изъ Асу и Русскихъ.

Подъ 1332 г. три раза упоминается о доставленіи Русскихъ въ Пекинъ. Въ 1 лунѣ этого года князь Джанчи представилъ 170 человекъ Русскихъ; его отдарили за то 72 динами (фунтами) серебра и 5,000 динаровъ ассигнаціями. Тогда 1,000 Русскихъ снабжены были платьемъ и хлѣбомъ. Въ 7 лунѣ Яньтѣмуръ препроводилъ въ Пекинъ 2,500 Русскихъ. Въ 8 лунѣ князь Аргіянли доставилъ 30 человекъ съ 103 подростками. Какіе князья, откуда и какъ Русскихъ доставили въ Пекинъ, по китайской исторіи не возможно добраться. Вѣроятно это сказаніе можетъ поясниться исторіей Золотой Орды. Наконецъ въ 1334 г. знаменитый временщикъ Баянъ назначенъ былъ командиромъ гвардіи, состоявшей изъ Монголовъ, Кыпчаковъ и Русскихъ. Это есть послѣднее указаніе о Русскихъ въ Пекинѣ, въ исторіи дома Юань.

Изъ всѣхъ этихъ отрывочныхъ свѣдѣній нельзя составить отчетливаго понятія о положеніи и судьбѣ Русской дружины въ ханской службѣ, о числѣ Русскихъ, затерявшихся на отдаленномъ востокѣ. Тѣмъ не менѣ замѣчательнъ фактъ, что Русскія православныя колоніи еще въ первой половинѣ XIV в. пребывали въ Китаѣ, а быть можетъ и въ Маньчжуріи (вмѣстѣ съ Азами), въ странахъ, гдѣ, чрезъ нѣсколько столѣтій послѣ того суждено было снова повѣять русскому духу, но уже съ иными правами и съ надеждой на плодотворную будущность ¹⁾.

(Изъ журн. *Духовная Бесѣда* 1863, т. XVIII, № 27, стр. 368.—370).

Русь и Асы на военной службѣ въ Китаѣ.

(Д-ра Бретшнейдера).

Къ этой замѣткѣ Палладія прибавляемъ замѣчанія и извлеченія Д. Чл. нашего Общества доктора Бретшнейдера о Русскихъ и Аланахъ или Асахъ въ Китаѣ XIV в. Въ замѣчательномъ трудѣ своемъ («Notices of the Mediaeval Geography and History of Central and Western Asia drawn from Chinese and Mongol writings, and compared with the observations of western authors

¹⁾ Въ 1368 или въ 34 г. отъ послѣдняго указа о Русскихъ въ Пекинѣ Монголы были изгнаны изъ Китая. Надобно думать, что и русскій полкъ раздѣлялъ судьбу павшей династїи и по удаленіи изъ Китая поселился гдѣ нибудь на окраинѣ Монгольской стени, или въ Маньчжуріи.—Въ одномъ изъ примѣчаній къ переводу своему—«Старинное Монгольское сказаніе о Чингисъ-ханѣ» (Труды членовъ Росс. дух. миссіи въ Пекинѣ. СПб. 1866. Т. IV. с. 247) просс. Палладій говоритъ: «А л о с ы» и «А с у» (Русскіе и Алане) чаще другихъ упоминаются въ исторіи; о нихъ будетъ рѣчь въ статьѣ «Новые слѣды христіанства въ Китаѣ.»—Не знаю, была ли эта статья напечатана или сохранилась въ бумагахъ Пр. Палладія?

in the Middle ages, accompanied with four maps». London. 1876. IV+233 in 8°) г. Бретшнейдеръ говоритъ нѣсколько подробнѣе объ этихъ важныхъ свидѣтельствахъ Юан-ши о Русскихъ въ Китаѣ. Замѣтивъ, что мы, Русскіе, съ XIII в. слышемъ у Монголовъ подъ именемъ Орос; а у Китайцевъ—А-ло-се, упомянувъ о древнѣйшихъ упоминаніяхъ Руси у Византійцевъ и Арабовъ, и въ кратцѣ обозрѣвъ вассальныя отношенія Руси къ Монголамъ въ теченіи слишкомъ 200 лѣтъ, г. Бретшнейдеръ между прочимъ замѣчаетъ: «Сверхъ тяжелой дани Русскіе были еще обязаны Монголамъ иною повинностью. Мы увидимъ, что во время Кубилая отрядъ русскихъ солдатъ находился даже въ Китаѣ».

«Юан-ши приводитъ интересное свидѣтельство о томъ, что въ началѣ 14-го столѣтія находилось Русское поселеніе близъ Пекина. Мы читаемъ въ его лѣтописяхъ подъ 1330, глава XXXIV, что императоръ Вен-цунъ (Wen-tzung)—Гоб-Гимур—1329—1332, правнукъ Кубилая) образовалъ полкъ изъ У-ло-се или Русскихъ (U-lo-se or «Russians»). Этотъ полкъ, состоявшій подъ начальствомъ темника wan-hu (начальника десяти тысячъ третьей степени), назывался Сюан-хунъ У-ло-се ка-ху-вей цинкюи «вѣчно вѣрная русская лейбъ-гвардія» и находился подъ непосредственнымъ надзоромъ военнаго совѣта. Далѣе въ той же главѣ (у Юан-ши) сказано, что сто тридцать Да-дудиновъ земли, на сѣверъ отъ Та-ту (Пекинъ) были куплены у крестьянъ и подѣлены этимъ Русскимъ для устройства лагеря и образованія военной колоніи. Далѣе мы читаемъ въ той же главѣ: «Они (т. е. Русскіе) были снабжены земледѣльческими орудіями и обязаны доставлять къ императорскому столу всякаго рода дичь, рыбу и проч., находящуюся въ лѣсахъ, рѣкахъ и озерахъ страны, гдѣ находился ихъ лагерь». Русскій полкъ снова упоминается въ главѣ XXXV.

Въ главѣ XXXVI у Юан-ши есть тройное упоминаніе о русскихъ плѣнникахъ, присланныхъ къ Китайскому императору.

Въ 1332 г. князь Джанг-ги представилъ сто семьдесятъ русскихъ плѣнниковъ и получилъ денежную награду На той же страницѣ находимъ, что одежда и хлѣбъ были отпущены тысячѣ русскихъ.

Въ томъ же году князь Іен-те-муръ представилъ императору тысячу пятьсотъ русскихъ плѣнниковъ, а другой князь А-рд-же-ши-ли представилъ тридцать человекъ.

Наконецъ въ жизнеописаніи Бояна (Bo-уеп) глава CXXXVIII, говорится про него, что онъ былъ назначенъ въ 1334 г. начальникомъ лейбъ-гвардіи, состоявшей изъ Монголовъ, Кинча (Kin-ch'a) (Кинчаковъ, т. е. Половцевъ) и Русскихъ.

Вотъ все, что я могъ найти у Юан-ши относительно Русскихъ. Кажется ни одинъ изъ Русскихъ на службѣ у Монгольскихъ императоровъ въ Китаѣ не игралъ видной роли. По крайней мѣрѣ въ біографіяхъ Юан-ши Русскіе не имѣютъ своихъ представителей, тогда какъ многіе замѣчательные государственные люди и полководцы Монгольско-Китайской Имперіи были изъ Кичаковъ (Половцовъ), Каукаліс, Алановъ и другихъ народностей, подвластныхъ Монголамъ». (Notices, pp. 180—181).

«А-лан А-се = Аланы или Асы». (Notices, pp. 184—189).

Это имя придается народу, извѣстному у Карпини какъ «Alani sive Assi» или «Alani sive Aas» Рубруквиса.

Аланы, народъ, жившій на сѣверъ отъ Кавказа, были извѣстны Римскимъ и греческимъ писателямъ съ начала нашей эры. Въ 1-мъ в. по Р. Х. упоминаютъ о нихъ Светоній, Луканъ и Плиній. Во 2-мъ вѣкѣ говоритъ о нихъ Греческій писатель Лукіанъ. Амміанъ Марцеллинъ (4 в.) сообщаетъ подробное свидѣтельство объ Аланахъ. Вологесъ, царь Паряевъ, просилъ императора Виталиана (69—79) о помощи противъ Алановъ. Арріанъ, правитель Каппадокіи (2 в.), воевалъ съ Аланами. Въ 5-мъ в. Аланы вмѣстѣ съ Свевами и Вандалами нападали на Галлію.

Во 2-й половинѣ 6-го в. Земархъ Киликіянинъ, посланный императоромъ Юстиномъ въ Туркямъ, на обратномъ пути посѣтилъ вождя Алановъ (Jules Cathay p. CLXVI). Константинъ Багрянородный (въ полов. X в.) говоритъ, что страна Аланъ лежитъ вокругъ (т. е. на сѣверѣ) Кавказскихъ горъ (Klaproth, Asia Polyglotta, p. 85). Клапротъ (въ своемъ Mag. Asiat. tom. I, pp. 258—302) приводитъ извѣстія Масуди о Кавказѣ (943 г.) и о странахъ черноморскихъ и каспійскихъ. Масуди называетъ Аланъ—Ланами и столицу ихъ Маас'омъ. Онъ говоритъ, что они прежде были язычниками, во времена же халифовъ Аббасидовъ приняли христіанство; въ 320 г. годжры (въ нач. 10-го в.) они бросили эту вѣру и прогнали епископовъ, присланныхъ къ нимъ императоромъ изъ Константинополя. Масуди же говоритъ, что въ среднѣ страны Аланъ между Кавказскими горами есть крѣпость и мостъ черезъ широкую рѣку. Крѣпость называется замкомъ Аланскихъ воротъ. Онъ былъ построенъ въ старое время царемъ персидскимъ для предупрежденія нападеній Аланскихъ ¹⁾).

Въ Русскихъ лѣтописяхъ Аланы вообще извѣстны подъ именемъ Ясовъ. Въ 936 г. Святославъ взялъ ханскій городъ Бѣлую Вѣжу на Дону и воевалъ съ Ясами и Касогами.

¹⁾ Клапротъ полагаетъ, что Аланскія ворота были въ Даріанѣ на р. Терекѣ, недалеко отъ горы Казбека, гдѣ теперь проходитъ большая дорога изъ Тифлиса во внутреннюю Россію.

Ясы упоминаются въ русскихъ лѣтописяхъ XIII стол., какъ народъ прикавказскій, около р. Терека (Карамзинъ, IV, стр. 119, 355).

Проходя черезъ Кавказскій хребетъ въ 1223 г., Монголы нашли Аланъ на сѣв. склонѣ этого хребта. Пятнадцать лѣтъ спустя Аланы стали подданными Батия, послѣ сильнаго впрочемъ сопротивленія Монголамъ. Мусульманскіе историки, говоря о походахъ противъ этого народа, называютъ ихъ безразлично Аланами или Асами (D'Ohsson, томъ II, pp. 619, 620).

Карпини и Рубруквисъ, какъ мы видѣли, также отождествляютъ Алановъ съ Асами. Первый упоминаетъ объ ихъ поселеніяхъ на югъ отъ Команіи (р. 748). Рубруквисъ говоритъ (р. 246): «In hac solebant pascere Commani, qui dicuntur Capthat; a Teutonicis vero dicuntur Valani, et provincia Valania. Ab Isidoro vero dicitur, a flumine Tanay (Don) usque paludes Meotidis et Danubium, Alania». На стр. 252 читаемъ: «Habebamus autem ad meridiem montes maximos, in quibus habitant, in lateribus versus solitudinem illam, Cherkis et Alani, sive Aas, qui sunt christiani et adhuc pugnant contra Tartaros». На стр. 243 Рубруквисъ говоритъ: «In vigilia Pentecostes venerunt ad nos quidam Alani, qui ibi dicuntur Aas, christiani secundum ritum Graecorum, et habentes litteras graecas et sacerdotes graecos. Tamen non sunt schismatici sicut Graeci, sed sine acceptione persone venerantur omnem christianum».

Марко Поло (vol. II, р. 421 изд. Юла) упоминаетъ Аланію между подвластными Монголамъ странами, а въ другомъ мѣстѣ (vol II, р. 140) посвящаетъ цѣлую главу разсказу о рѣзнѣ извѣстныхъ Аланъ-христіанъ, составлявшихъ особый отрядъ въ арміи Кубилая. Рѣзня эта произошла въ Чингинджу (Шанъ-шу-фу въ Къянгеу).

Мариньолли (въ полов. XIV в.) пишетъ объ Аланахъ (Jule's Cathay р. 373): «Они въ настоящее время самый великій и благородный народъ на свѣтѣ, самые красивые и храбрые люди. Благодаря ихъ помощи Татары овладѣли востокомъ и безъ нихъ никогда бы не одержали ни одной важной побѣды. У Чингисхана, перваго царя татарскаго, состояло на службѣ семьдесятъ два аланскихъ князя, когда этотъ бичъ Божій отправился карать міръ».

Клапротъ (Asia polyglotta, р. 82) отождествляетъ Алановъ или Асовъ съ Осетами, народомъ еще находимымъ на Кавказѣ на сѣверъ отъ Грузин. Онъ говоритъ, что они извѣстны Грузинамъ подъ именемъ Осовъ. Вивьенъ де С. Мартенъ возражаетъ противъ такого отождествленія, хотя онъ считаетъ Алановъ и Асовъ первоначальными членами одного великаго племени Асовъ, которые различными путями и во времена значительно отдаленныя появились изъ средней Азіи въ страны прикавказскія. По словамъ этого ученаго Грузины различаютъ

Аланетовъ отъ Осетовъ и помѣщаютъ первыхъ внутри Абхазіи (Julе р. 317).

Полковникъ Юль говоритъ (ib р. 316): «Аланы извѣстны Китайцамъ подъ этимъ именемъ еще въ первыхъ годахъ нашей эры и даже нѣсколько раньше, и помѣщаются ими близъ Арала. По этимъ первоначальнымъ ихъ жилищамъ можно заключить объ ихъ сродствѣ, если не тождествѣ съ знаменитыми Массагетами».

Это положеніе Юла относительно ранняго знакомства Китайцевъ съ Аланами, вѣроятно основанное на мнѣніи Дегиня (томъ II, стр. 279), требуетъ нѣкотораго поясненія и исправленія. Я позволю себѣ указать, на какихъ данныхъ основано это отождествленіе Дегиня. Въ исторіи древнѣйшихъ хановъ (до Р. Хр. 202—по Р. Хр. 25), глава СХVI, царство Генчай (Yen-t'sai) упоминается въ 2000 ли на сѣверо-западъ отъ Къан-кю К'анг-кю (Самаркандъ;—см. выше, 141). Далѣе говорится, что Генчай расположенъ на большомъ озерѣ (собственно болотѣ) съ плоскими берегами; называется оно Сѣвернымъ моремъ. Въ исторіи позднѣйшихъ хановъ (21—221 г., по Р. Х.) гл. СХVIII Генчай снова упоминается, причемъ замѣчено, что названіе страны измѣнилось на А-лан-ья А-лап-уа (Dognigne'вскіе Алане). Въ исторіи Уей (Wei—886—558) упоминается царство Суце—Su-t'е на сѣверо-западъ отъ К'ан-кю—К'анг-кю, расположенное на большомъ озерѣ; нѣкогда царство это называлось Генчай, Yen-t'sai и Уен-на-ша Wen-na-sha. Я не рѣшаюсь утверждать, что такіа неопредѣленные извѣстія объ Генчай и сходство именъ А-лап-уа съ Аланія достаточны для отождествленія этихъ именъ. Во всякомъ случаѣ нельзя считать за достовѣрное, что Алане были извѣстны Китайцамъ еще до христіанской эры.

Мы узнаемъ изъ Юан-ши (Yüan-shi), что въ Монгольскій періодъ Аланы были не только извѣстны въ Китаѣ, но представили не мало способныхъ людей Монголо-Китайской Имперіи. Многіе изъ нихъ занимали высокія должности или отличились, какъ доблестные полководцы. Въ жизнеописаніяхъ у Юан-ши прославлены болѣе двадцати заслуженныхъ Аланъ, иные изъ нихъ царской крови, и сверхъ того приводятся еще имена многихъ другихъ.

Они обыкновенно прозываются А-су, А-су, а иногда А-sze. Имя Аланъ—Алап встрѣчается только однажды, см. въ Си-пей-ши, гдѣ это имя обыкновенно сочетается съ А-се (А-sze), также какъ и на картѣ. Въ первый разъ Юан-ши упоминаетъ А-су, А-су подъ 1223 г.

Вотъ списокъ Аланъ, имена коихъ приводятся въ біографіяхъ у Юан-ши.

Гл. СХХХII. Hang-hu-sze (это имя пишется также Ang-ho-sze). Когда войско императора Оготая достигло страны А-су, правитель ея, по

имени Ханг-ху-зе покорился немедленно; затѣмъ императоръ пожаловалъ ему въ достоинство ба-ду-р'а (ba-du-r—bahadur), и золотую дощечку, утвердивъ его правителемъ его княжства. Также данъ былъ приказъ объ образованіи полка изъ тысячи человекъ народа А-су (для лейбъ-гвардіи хана). Ханг-ху-зе по возвращеніи домой былъ убитъ въ одномъ мятежѣ, и вдова его Уай-ма-зе (Wai-ma-sze) стала во главѣ правленія. Она собрала силы, усмирила возстаніе и передала власть сыну своему Ан-фа-п'у (An-fa-p'u).

Старшій сынъ этого Ханг-ху-зе Атяши (A-t'a-ch'i), жизнь котораго описана у Юан-ши въ гл. СХХХV, былъ храбрый полководецъ въ правленіе Мангу и Кубилая и отличился въ Китаѣ въ войнѣ съ Сунгомъ. У него былъ сынъ, по имени Ботаръ (Bo-ta-r), отецъ О-ло-се (O-lo-sze), имѣвшаго въ свою очередь двухъ Дудана и Фудинга (Du-dan, Fu-ding). Всѣ они были офицерами монгольской арміи.

Въ главѣ СХХХII (у Юан-ши) находится біографія Юваши—Yü-wa-shi, другого Алана, отличившагося въ качествѣ полководца въ правленіе Кубилая. Онъ былъ отправленъ противъ возмущившихся князей на сѣверо-западѣ (Кайду и пр.) и пронесъ монгольское оружіе до страны И-би-р Ши-би-р (Сибирь). Отецъ Юваши по имени Геліе ба-ду-р (Илія багадуръ—тоже кажется князь) покорился въ одно время съ Ханг-ху-се. Другіе потомки Юваши точно также упоминаются.

Въ гл. СХХIII есть біографія А-су (или Алана) Nie-gu-la (Николая). Про него сказано, что онъ покорился въ одно время съ Ильею Асу (Ye-li-ya A-su)—вѣроятно тутъ разумѣется предъидущій Илья,—и съ другими, всего ихъ было 38 чел. Николай (Niegula) находился при императорѣ Мангу, когда тотъ воевалъ въ Китаѣ съ Сунгомъ. Его сынъ А-тя-ши (A-t'a-chi (это имя встрѣчается второй разъ, какъ имя Алана) отличился при осадѣ Сянъ-Лянь-фу и въ походѣ противъ возмущившагося князя Но-іена (No-uen). Въ царствованіе императора Іен-цунга (1312—1321) онъ еще дѣйствовалъ. Его сынъ Кіао-Хуа занималъ высокую должность при дворѣ.

Въ той же главѣ находится біографія А-су князя Арселана (A-g-sze-lan). Тутъ сказано, что когда городъ его былъ взятъ ханомъ Мангу, Арселанъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Асандженомъ (A-san-djen) явился въ лагерь къ побѣдителю и изъявилъ ему свою покорность. Монголь выдалъ Арселану грамоту на управленіе народомъ Асу, но половину войска Арселанова забралъ къ себѣ въ гвардію, а остальную половину оставилъ при немъ для защиты его владѣній. Асандженъ былъ взятъ ханомъ Мангу, но былъ скорѣе убитъ въ сраженіи съ возмущившимися войсками Шеркьо (?). Мангу тѣло его приказалъ бальзамировать и отправить на родину. Услыхавъ о смерти своего

сына, Арселанъ сказалъ: «Старшій сынъ мой рано погибъ, не успѣвъ сослужить службу императору. Вотъ второй мой сынъ Нѣгулай (Nie-gu-lai), предлагаю его вашему величеству». Этотъ Нѣгулай былъ храбрымъ воинъ и принималъ участіе въ походѣ Вулянгодая (Wu-liang-ho-dai) въ Халаджангъ (Ha-la-djang — Караджангъ Решида, — Юннанъ). Послѣ него остался сынъ Хурдуда (Hu-r-du-da), по повелѣнію Кубилая сопровождалъ Булу ноена, (Bu-lu no-uen) ходившаго въ какую-то страну Хармаму (Ha-r-sha-mou?). У Хурдуды былъ сынъ Худутѣмуръ (Hu-du-t'ie-shu-r). Всѣ они служили въ гвардіи императорской.

Въ главѣ СXXXII мы встрѣчаемся съ именами трехъ Аланъ, покорившихся Мангу, когда онъ напалъ на ихъ страну, а именно Бадуръ (Ba-du-r) и его братьевъ Уцорбухана (U-tzo-r-bu-han) и Матаршу (Ma-t'a-r-sha). Этотъ послѣдній находился въ авангардѣ Монгольскаго войска, когда былъ взятъ приступомъ городъ Майкосо (Mai-k'o-sze)¹⁾.

Въ СXXXV гл. есть біографія Кюрджи—K'oung-r-gi (Георгій) природнаго Аса или Алана (A-su), служившаго въ Монгольскомъ войскѣ въ правленіе Кубилая. Его отецъ Фуделайсе (Fu-de-lai-sze) служилъ въ гвардіи императора Мангу. Сынъ Кюрджи назывался — Димитрій Di-mi-di-r.

Въ той же главѣ помѣщены біографіи двухъ другихъ Аланъ Шила бадуръ (Shi-la ba-du-r) и

Изъ именъ нѣкоторыхъ Аланъ, упоминаемыхъ у Юанши можно заключать, что они были христіане. (Notic., стр. 184—189).

Замѣтна архим. Руварца объ Ясахъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ придунайскихъ земляхъ.

Въ дополненіе къ этимъ двумъ замѣткамъ Преосв. Палладія и д-ра Бретшнейдера объ Ясахъ въ Китаѣ приводимъ въ русскомъ переводѣ и вышеуказанную замѣтку отличнаго сербскаго изслѣдователя архим. Руварца.

¹⁾ Г. Бретшнейдеръ въ другомъ мѣстѣ своей книги (Notices of the med. geogr., стр. 83—4) говоритъ объ этомъ городѣ. Приводя слова Решида о дѣйствіяхъ Монголовъ на Кавказѣ въ 1238—1239 г., онъ замѣчаетъ что упоминаемый тутъ городъ Mangass или Mikoss—тожесть съ городомъ Асскимъ или Аланскимъ Mio-k'ie-sze, упоминаемымъ подъ тѣмъ же именемъ и при описаніи тѣхъ же дѣйствій Монголовъ у Китайскаго историка Юанши. Этотъ городъ встрѣчается у него нѣсколько разъ, и также подъ именемъ Mai-k'o-sze. По мнѣнію г. Бретшнейдера, Mio-k'ie-sze или Mai-k'o-sze Юанши=Miogio—Монгольскихъ лѣтописей=Mikess Решида. Но мѣстоположеніе этого города г. Бретшнейдеръ опредѣлить затрудняется и ссылается лишь на указанія В. В. Григорьева (Зап.-Вост. Отд. Арх. Общ. I, 64) на городъ Мокши (Mokhsi или Mokhsii) во владѣніяхъ хановъ Золотой Орды. Это быть можетъ и есть Mio-k'ie-sze китайскихъ авторовъ. Но Григорьевъ прибавилъ, что существованіе этого города (Мокши) извѣстно лишь по нѣсколькимъ выбитымъ въ немъ древнимъ монетамъ.

Статья эта немногимъ у насъ извѣстна, а между тѣмъ очень важная. Она озаглавлена у почтеннаго автора «Господство Яшко».

«Въ краткой исторіи болгарскаго народа, написанной по К. Иречку Др. Миланомъ Савичемъ и изданной въ 1879 г. въ Новомъ Садѣ, говорится, что болгарскій царь Михайль (1330 г.) заключилъ противъ сербскаго короля Стефана Уроша III союзъ съ греческимъ царемъ Андронивомъ III, съ румынскимъ воеводой Иванкомъ Басарабомъ, съ черными Татарами и съ господаремъ Яшки (sic). У Иречка въ нѣм. изд. стр. 293 сказано *gospodstvo Iassko*, а ниже въ пунктѣ 19 «*Einleitung zu Dušans Gesetzen*» (*Iasi slav. Alapan*). Но это замѣчанье легко могло быть просмотрѣно, и г. компилятору это господство яшко показалось слишкомъ отвлеченнымъ, и онъ предпочелъ замѣнить его болѣе конкретнымъ выраженіемъ: «господарь Яшки», и такимъ образомъ волею неволею приблизился къ бывшему архіепископу Черниговскому Филарету, который въ трудѣ своемъ «Святые Южныхъ Славянъ» (стр. 201 прим. 14) «господство Яшко» замѣнилъ «господарь Яковъ».

Не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ въ объясненіе указаннаго мѣста въ предисловіи Душана къ его Законнику. Это мѣсто гласитъ такъ: «А позавидевъ злоненавистникъ діаволь нашему благому житію и здонравіемъ въздвиге на насъ—говоритъ царь Стефанъ—з (7) царевъ въ лѣтѣ 6837, мѣсеца Іуніа 19 день, рекоу же (1) и цара гръчаскаго, (2) Михайла и (3) брата его Белоура и (4) Александра цара Българомъ и (5) Басарабъ Иванька, таста (6) Александра цара соумеръ живущтихъ чръныхъ Татаръ и (7) господство яшко (См. Законикъ Стефана Душана изд. Стојан Новаковић, стр. XXIII).

Въ хрисовулѣ 1330 г., пожалованномъ монастырю Дечанскому Стефаномъ Урошемъ III сказано: «Храмоу сему живдемоу и снмоу хрисовоулоу записиваемому—вънезапу побѣди се царь бльгарьскыи Михайль Шишъманикъ съ иными сильными 4-ми цари съ иноплемьными іезыки и многими погании». (*Mikl. Mon. Serb.* 100).

Въ такъ называемой Копривницкой Лѣтописи (Шафар. 53. срв. *Arkiv III*, 12) читаемъ: «Въ лѣто 6838—(1330) изиде начельникъ скиенскыи глаголемыи Михайль царь, съ силою многою, и съ нимъ окръстныи езыци, глаголю же Татари, Басараби с прочими и т. д.

Григорій Цамвлакъ говоритъ вообще: «блгарьскыи царь Михайль—на сръпское подвизаше се начелство—и много оуби того воинство суще, множайше же отъ различныхъ езикъ присвькупль, еще же и о ономъ поль рѣкы Доунава живущиыхъ Готѣъ (Гласникъ XI, 71), а архіепископъ или вообще авторъ

изнеописанія краля Дечанскаго (Жив. краляева изд. Даничий с. 179) говорить еще общѣе: и «сѣбра (Мих. царь) тьми тьмами всьакыихъ езиевъ».

Въ предисловіи Душана сказано, что семь царей поднялось противъ сербскаго краля. Слово царь употреблено здѣсь въ томъ же смыслѣ, какъ въ народной пѣснѣ: «цареви се отимлу о царство», гдѣ разумѣются: царь Урошь, краля Вунашинъ, деспотъ Угленъ и воевода Гойко.

О первыхъ четырехъ—1) царѣ греческомъ (Андроникъ III), 2) царѣ болгарскомъ Михаилѣ, 3) братѣ его Белаурѣ и 4) племянникѣ его Александрѣ, въ послѣдствіи царѣ болгарскомъ—говорить тутъ нечего.

Пятымъ стоитъ Иванко Басараба. К. Иречекъ полагаетъ, что этотъ союзникъ Михайловъ въ войнѣ противъ Сербовъ 1330 г. есть тотъ самый валашскій воевода Басараба, чѣмъ въ томъ же году въ ноябрѣ мѣсяцѣ окружилъ въ тѣсномъ ущельѣ короля венгерскаго Карла Роберта и разбилъ почти все его войско. Въ венгерскихъ хроникахъ (въ Туроцевой гл. 97. Chron. Budense p. 246; Chron. Posoniense: «A. D. 1330 feria sexta ante festum beati Martini (9 Nor) in terra Bazarad Karolus rex fraudulentus est devictus») называется онъ «Bazarad Waywoda Blachorum», а въ карловыхъ грамотахъ, «Bazarab Vlacus (влахъ) in terra Transalpina» (Fejer VIII v. 3 p. 265 VIII vol. 4 p. 58), а въ первой грамотѣ говорится еще: in terra transalpina per Bezarab filium Thocomery (т. е. Басарабъ сынъ Тихомировъ); но личное его имя не извѣстно ни изъ хроникъ, ни изъ грамотъ венгерскихъ. Энгель, Феслеръ, Клейнъ, Салай, Хормузава и другіе румынскіе писатели называютъ Басарабу разбившаго Карла Роберта Михайломъ, но Хиждеу въ Histoire critique des Roumains trad. Fr. Dame. Bucarest 1878 I p. примѣчаетъ 101 (5): «Любопытно, что во всѣхъ румынскихъ учебникахъ исторіи отечественной эта побѣда (1330) приписывается «Михаилу Басарабу», лицу совершенно фантастическому. До 1418 г. въ Валахіи не было ни одного государя съ этимъ именемъ. Самъ Хиждеу утверждаетъ, а раньше его и Р. Реслеръ въ Roman, Stud. (296, 197), что побѣдитель 1330 г. былъ валашскій воевода Александръ Басараба. Если же оно такъ, то упоминаемый у Душана Иванко Басараба не былъ валашскимъ воеводой, а если былъ, то неправильно названъ «Иванко». Но положенію, что валашскій воевода, побѣдившій въ 1330 г. Карла Роберта, назывался Александромъ, служить основаніемъ предположенію, что въ первый разъ упоминаемый въ венгерской хроникѣ подъ 1342 г. и въ грамотахъ Александръ Басараба былъ уже въ 1330 г. воеводою валашскимъ».

Фотинъ и Когальничану (ихъ приводитъ Реслеръ стр. 292 и 295) говорятъ, что разбившій Карла воевода назывался Юнгъ (Иванъ) Басараба I. Это по-

ложене находить подтвержденіе въ нашемъ предисловіи (къ Зак. Душана), ибо Иванко Басараба тоже, что и Иванъ Басараба.

Вышеупомянутый строго критичный румынскій историкъ Хиждеу не соглашается съ тѣмъ, что Иванко Басараба нашей записи былъ валашскимъ воеводою раньше Александра Басарабы и полагаетъ, что этотъ Иванко есть Janus Meister de Doboka, отецъ Ладислава де Довока,—этого послѣдняго валашскій воевода Ладиславъ, сынъ и наслѣдникъ воеводы Александра, въ одной грамотѣ называетъ своимъ сродникомъ (Fejer IX). Но Хиждеу поступаетъ такъ потому, что онъ слишкомъ твердо увѣрилъ себя, будто Александръ Басараба былъ уже въ 1330 г. волошскимъ воеводою.

Объ Иванкѣ Басараба сказано далѣе въ записи, что «онъ тестъ Александра царя и что этотъ Александръ былъ царемъ пограничныхъ Татаръ», а вовсе не сказано, что этотъ Иванко былъ тестемъ Александру, позднѣйшему царю болгарскому, какъ разумѣлъ это мѣсто К. Иречекъ (Desch. d. Bulg. p. 290. 321 и русск. пер. с. 383). На это уже Хиждеу возражалъ Иречку.

И такъ 6-мъ союзникомъ Михаила въ войнѣ противъ Сербовъ былъ Александръ, зять Иванка Басарабы, воеводы волошскаго и царь пограничныхъ черныхъ Татаръ. Татары тогда еще господствовали въ Молдавіи, она ужъ позже получила особаго волошскаго воеводу. Что же касается самаго имени этого царя татарскаго, т. е. имени христіанскаго, то напомнимъ, что венгерскій король Людовикъ въ грамотѣ 1368 г. говоритъ о торговцахъ и остраивъ *domini Demetrii principis Tartarorum* (Fejer, IX, 4 vol. p. 129).

7. Господство Яшко. Въ русскихъ лѣтописяхъ упоминаются Ясы, а что Ясы тоже что Аланы, объ этомъ говоритъ уже Минорита Joannes de Plano Carpini, бывшій между ними въ 1246 г. (см. Fejer IV, vol. I, p. 42): «*Alani sive Assi*». И въ жизнеописаніи нашего архіепископа Даниїла II ¹⁾ упоминаются Яои или езикъ яшьски въ товариществѣ съ Татарами и Турками (см. Животи Архіепископа стр. 341 и 259). И какъ езикъ яшьски около 1313 г. помогалъ кралю Милутину противъ его непрітелей, такъ точно въ 1330 г. могъ сражаться за царя болгарскаго противъ краля сербскаго. Но гдѣ же это господство яшко или гдѣ проживали эти Яси упоминаемые въ сербскихъ лѣтописяхъ? Полагаю, что они проживали возлѣ Татаръ въ одной части Молдавіи, и городъ Яши (Яессы) получилъ отъ этихъ

¹⁾ Занималъ арх. кнезодру съ 1323 по 1337 г.

Ясовъ свое названіе ¹⁾.—Извѣстно, что прежде Татаръ въ нынѣшней Румыніи господствовали Куманы (Половцы), коихъ побѣдили Татары, и отъ коихъ одна часть бѣжала въ Венгрію, гдѣ ихъ потомки и теперь называются Палоци, т. е. Половцы, какъ Куманы назывались у Русскихъ. Бить можетъ, что тогда же съ Половцами или Куманами пришла и толпа Ясовъ изъ Молдавіи въ Венгрію, и что отъ нихъ происходятъ тѣ, которые называются въ грамотахъ и законахъ венгерскихъ Jassones или Jazyges и почти всегда упоминаются заодно съ Куманами ²⁾.

(Замѣтки Редактора о Руси и Ясахъ будутъ помѣщены въ 3 кн. Жив. Стар.).

¹⁾ Въ Журн. М-ва Нар. Пр. Док. 1878 г. И. Ф. Брунъ пишетъ на стр. 237: «Господство яшко»: къ нему безспорно принадлежалъ городъ Ясы, который и теперь по молдавски называется Яши. Въ этихъ же мѣстахъ должны были находиться кочевья Татаръ, называемыхъ «Черными»,—по той же причинѣ, по которой смежная съ Угровлахіей Молдавія, которую позже называли Кара-Богданъ, была тогда уже извѣстна грекамъ подъ названіемъ Мавролахія, и по которой и городъ Бѣлый (Аккерманъ) у нихъ провратился въ Черный (Мавроастронъ).

²⁾ Hunfaliy (Ethnographie von Ungarn. Budapest p. 244) и другіе венгерскіе писатели (раньше его) думаютъ объ этомъ иначе, а именно: der magyarische Name der Jazygier ist jassok dieses Wort lautet im Singular «iasz» und ist gleichbedeutend mit ijasz Bogen oder Pfeilschütze(отъ ij=стрѣла).

ОТДѢЛЪ II.

Новая «повѣсть» объ Ильѣ Муромцѣ.

Познѣшнимъ лѣтомъ нами былъ случайно найденъ въ одной деревнѣ близъ Архангельска (деревня Верхн. Валдушки) небольшой писанный сборникъ, составленный, какъ видно изъ надписи его владѣльца и, судя по почерку составителя, — въ 1748 году. Надпись сдѣлана въ срединѣ сборника и гласитъ слѣдующее: «сн тетрадь Кегостровской волости Якова Алексѣева сына ево Матвея Котлова 1748 года мѣсяца іюля 15 числа». (Кегостровъ — деревня въ 4—5 верстахъ отъ Архангельска).

Сборникъ этотъ, представляющій изъ себя тетрадку въ восьмую долю листа, безграмотно написанную, читается легко благодаря разборчивому почерку, хотя многія слова и буквы стерлись. Содержитъ онъ слѣдующее: повѣсть о сильномъ могучемъ богатырѣ Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ, молитву Архангелу Михаилу, слово святого отца нашего Моисея, слово святого отца нашего Евагрія, чудо святого Христова мученика и страстотернца Георгія (какъ избави дочь цареву отъ лютаго змія), слово святого Аркадія архіепископа, повѣсть объ Акирѣ премудромъ и сынѣ его Анаданѣ, поученіе Іоанна Златоуста, церковныя пѣсноиѣнія въ день Рождества Христова и другіе праздники.

«Повѣсть о сильнѣмъ могучемъ Богатыри Ільи Муромце і о соловье Разбойнике» представляетъ изъ себя, въ сущности, былинну съ совершенно разложившимся стихомъ, значительно испорченную, и какъ всѣ подобныя ей «повѣсти», носитъ на себѣ яркіе слѣды книжнаго вліянія. Такія «повѣсти», «сказанія» и «гисторіи» писались въ большомъ количествѣ въ 18-омъ и еще въ 17-омъ вѣкѣ полуграмотными писцами для полуграмотныхъ читателей и продавались въ Москвѣ вмѣстѣ съ дубочными картинками. Отсутствіе стихотворнаго размѣра въ такихъ повѣстяхъ, записанныхъ, вѣроятно, со словъ былинныхъ сказателей, объясняется тѣмъ, что эти послѣдніе (какъ свидѣтельствуетъ Гильфердингъ) совершенно не могутъ передавать былинны «пословесно» безъ напѣва — особенно въ мѣстахъ «переходныхъ», — и впадаетъ въ прозаическую рѣчь; да и записыватели ихъ, понятно, интересовались лишь содержаніемъ былинъ.

Значительная порча дошедшихъ до насъ текстовъ, конечно, объясняется также и тѣмъ, что всѣ эти «повѣсти» находимъ мы въ коніяхъ, а не въ подлинныхъ записяхъ съ устъ сказателей, а онѣ при перепискѣ должны были много погерпѣть.

Всего дошло до насъ семь такихъ текстовъ (не считая нашего), которые и описаны Л. Н. Майковимъ въ его «Матеріалахъ и изслѣдованіяхъ по старинной русской литературѣ», откуда мы заимствуемъ въ оныхъ свѣдѣнія.

1) «Повѣсть о Ильѣ Муромце и о Соловьѣ Разбойникѣ» — въ сборникахъ Ф. И. Буслаява (первой четверти XVIII в.).

2) «Сказаніе о Ілье Муромце и о Соловьѣ Разбойникѣ»—въ сборникѣ Н. С. Тихонравова, № 222 (втор. четв. XVIII в.).

3) «Повѣсть о силѣхъ могущемъ богатыре о Ілье Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ»—въ сборникѣ Публ. Библ. (писанномъ во втор. полов. XVIII в.).

4) «Гисторія о Ілье Муромце и о Соловьѣ разбойникѣ»—въ рукописи И. Е. Забѣлина, № 71 (писан. во втор. полов. XVIII в.).

5) «Повѣсть о славномъ могущемъ богатыре о Ільѣ Муромце и о Соловьѣ Разбойникѣ»—въ сборникѣ Москов. Публ. Музея изъ коллекціи Ундольскаго № 663 (XVIII-го вѣка).

6) «Сказаніе объ Ільѣ Муромцѣ, Соловьѣ Разбойникѣ и Идолицѣ»—въ рукописи, принадлежащей И. Е. Забѣлину, № 82 (писан. въ срединѣ XVIII-го вѣка).

7) «Исторія о славномъ и о храбромъ богатыре Ілье Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ»—въ рукописи Е. В. Барсова (XVIII-го вѣка).

Сравнивая ихъ, Л. Н. Майковъ приходитъ къ тому заключенію, что первые 4 текста, очень сходные между собою и по изложенію и по подробностямъ, представляютъ собою 4 списка одной редакціи одного памятника (къ нимъ подходитъ и отрывочный пятый), два-же другихъ, т. е. шестой Забѣлинскій (№ 82) и Барсовскій,—2 списка другой редакціи памятника. Затѣмъ, сличивъ первые 4 текста, онъ дѣлаетъ удачную попытку возстановить, на основаніи ихъ, первоначальную редакцію памятника, т. е. «возстановить «Повѣсть» въ томъ видѣ, въ какомъ она была впервые положена на бумагу въ XVII-омъ вѣкѣ».

Сличая текстъ найденной нами рукописи съ возстановленнымъ текстомъ Л. Н. Майкова и, съ другой стороны, съ Забѣлинскимъ (№ 82), мы видимъ, что нашъ текстъ, оглядаясь отъ всѣхъ прочихъ и по самому изложенію, представляетъ сравнительно съ ними значительныя особенности. Возстановленный Л. Н. Майковымъ текстъ (говоря о немъ мы шѣмъ въ виду собственно тѣ четыре или пять текстовъ, на основаніи которыхъ онъ возстановленъ) представляетъ схему нѣсколько иную, чѣмъ нашъ: онъ начинается прямо съ отъѣзда Ільи изъ дому и съ заповѣди, которую налагаетъ на себя Ілья, и затѣмъ уже прямо рассказываетъ эпизодъ подъ городомъ Себежомъ,—нашъ же говоритъ сначала о родителяхъ Ільи и объ исцѣленіи его странниками («старичками»). Начало Забѣлинскаго текста (№ 82) утрачено,—онъ начинается тѣмъ, что воевода черниговскій ведетъ Ілью на ирѣ; кромѣ того текстъ этотъ содержитъ въ себѣ рассказъ объ Идолицѣ, чего нѣтъ во всѣхъ остальныхъ.

Переходя къ частностямъ, мы видимъ слѣдующее:

1) Въ возстановленномъ Л. Н. Майковымъ текстѣ (и во всѣхъ 4-хъ) Ілья Муромецъ самъ налагаетъ на себя заповѣдь не кровавить рукъ, тогда такъ въ нашемъ заповѣдѣ эту налагаютъ на него его родители.

2) Въ возстановл.—у царевичей, осаждающихъ Себежъ градъ (у насъ вездѣ Себѣжъ) силы «по сту и по тысячѣ»; въ Забѣлинскомъ (№ 71) «силы съ пими триста тысячъ», по нашему же—«со всякимъ царевичемъ силы по тридцати тысячъ».

3) Въ возстановл.—эти царевичи похваляются «градъ защитомъ взять, а самага царя Себежскаго въ полонъ взять», въ нашемъ—«градъ защитомъ взять а жители градскихъ подмечь.....»

4) Въ возстановл.—силу вражью (у насъ «татарскую») Ілья избиваетъ саблей, въ нашемъ—палицей булатной (у насъ «напущается на рать силу великую сколько бьетъ, а вдвое конемъ топчетъ, куда онъ не поедетъ—улицы, куда не поворотится—слободы»; такіа выраженія постоянно видимъ въ былинахъ).

5) Въ возстановл.—не находимъ мы никакого тутъ упоминанія о морѣ (только въ Забѣлинскомъ № 71 побѣда надъ царевичами происходитъ у морской пристани), въ нашемъ такое упоминаніе есть, хотя черта эта, по замѣчанію Л. Н. Майкова, вѣроятно, «не принадлежитъ коренному сказанію».

6) въ возстановл.—царь Себежскій обѣщаетъ дать Ільѣ полъ-царства если послѣдній останется у него на службѣ, и въ Забѣлинскомъ (№ 82) заветъ на ирѣ Ілью вое-

вода черниговскій, а въ нашемъ зовуть Илью кушать хлѣбъ-соль жители городскіе «отъ мала до велика».

7) Въ восстановл.—Соловей сидитъ на девяти дубахъ (въ Вуслаевск. на двѣнадцати; въ Забѣлинскомъ (№ 82) тоже на двѣнадцати), въ нашемъ—на двухъ.

8) Въ восстановл.—изъ 4-хъ текстовъ, только въ Вуслаевскомъ—(ничего не сказано) и въ Забѣлинскомъ (№ 82)—Илья лопаль Соловью въ правый глазъ, въ нашемъ—въ лѣвый.

9) Въ восстановл.—(во всѣхъ 4-хъ) и въ Забѣлинскомъ (№ 82) сказано: Соловей упалъ съ девяти дубовъ, «что овсяный снопокъ» (это Л. Н. Майковъ считаетъ коренной чертой сказанія), въ нашемъ—этого нѣтъ.

10) Бой съ Соловьемъ разбойникомъ описывается въ нашемъ текстѣ совершенно не такъ, какъ во всѣхъ другихъ. У насъ Соловей садится на коня. Къ сожалѣнію, мѣсто это въ нашемъ текстѣ спутано и нѣсколько словъ стерлось.

11) Въ восстановл.—Владимиръ на слова Ильи: «поѣхалъ изъ Муромъ отслушавъ заутреню воскресную (здѣсь Пасхальную)» выражаетъ недоверіе, говоря, что у него «гонцы гоняють по два мѣсяца, а скоро на скоро въ одинъ мѣсяць съ Кіева въ Муромъ градъ»; въ нашемъ—онъ говоритъ: «гонцы гоняють по шти дней».

Кромѣ всего этого, въ нашемъ текстѣ обращаетъ на себя вниманіе то, что Илья здѣсь живетъ въ славномъ градѣ Муромѣ, въ большомъ селѣ Карачаевѣ, *въ селѣ Каптяевѣ* (последнее названіе встрѣчается три раза), чего не находимъ мы ни въ былинкахъ, ни въ «повѣстьяхъ». Наконецъ, интересную особенность нашей «новѣсти» представляетъ исцѣленіе Ильи странниками (у насъ «старичками») именно *наканунъ праздника Ильи Пророка*. Это последнее обстоятельство, хотя и не можетъ служить рѣшительнымъ аргументомъ въ пользу предположенія Ор. Миллера о переходѣ имени Ильи Пророка на нашего богатыря, но, кажется, не лишено нѣкотораго значенія для рѣшенія этого вопроса.

Вотъ существенныя отличія нашего текста отъ всѣхъ остальныхъ. Эти отличія, вмѣстѣ съ значительнымъ несожествомъ самаго изложенія «повѣсти», даютъ, кажется, право предположить, что наша «повѣсть» ведетъ свое начало, во всякомъ случаѣ, не отъ тѣхъ двухъ первоначальныхъ редакцій этого памятника, отъ которыхъ происходятъ семь до сихъ поръ извѣстныхъ «повѣстей объ Ильѣ Муромцѣ». Отсутствие же слѣдовъ мѣстнаго говора и случаи аканья (акаракамъ) говорятъ, повидимому, за то что это—копія, снятая съ оригинала не мѣстнаго происхожденія ¹⁾.

Студентъ Спб. Ун. *Михаилъ Протопоповъ.*

Повѣсть о сильнѣмъ могучемъ Богатырѣ Ильѣ Муромцѣ і о Соловѣѣ Разбойникѣ.

Во славномъ было во градѣ Муромѣ, во болшемъ селе Карачаеве было село Каптяево, въ томъ селѣ Каптяеве былъ-жилъ крестьянинъ именовъ Иванъ (со) своею женою велика (у) Бога (въ) милости по убогимъ и странымъ приематель. Имже уроди(лся) сынъ, ему же бысть Іліа (имя) младыхъ лѣтъ да до 30-ти лѣтъ 3-хъ всихъ днехъ о чемъ отецъ и мати его велики были печальны. Но случися наканонѣ праздника Іліи Пророка отецъ Іліинъ и мати были у всенощи в болшемъ селѣ Карачаевѣ, а у Іліи были нѣкоторые два старичка под окошкомъ. Яко бы по молитвѣ родителей его они даровали ему ноги но нѣ токмо і силу великую богатырскую Іліа почувъ въсебѣ. Но какъ отецъ

¹⁾ Извѣстныя до сего времени повѣсти объ Ильѣ М. переизданы въ сборн.: «Русскія былины стар. и нов. записи, подъ ред. Н. С. Тихонравова и В. О. Миллера. М. 1894».

и мати его пришли ото в есиощи, а Илья и встрѣтилъ и они о томъ, благодаренную () пришли Господу Богу и великому Пр(о)року Илиі. Наугрѣ воста пошла во святои литургіи недели того великаго веселія сотворили ширъ великъ просранимъ (и) убогимъ Илиі... время сыскалъ в конуцѣ . . . свица бурца . . . латы и коие цалицу булатную . . . до-ешигъ себѣ противъ отца своего і матери благословенія ѡхать Князь Владимиру поклонитса і он(и) сплачемъ дали благословеніе, хотя ѡхать со заклинаніемъ его оружіемъ, что ому ѡхать дорогою из наженъ востру саблю невнимнать. Ис колчана Илья Муромец(дъ) колѣны стрелы на лукъ нена(кла)дываетъ. Илья Муромецъ поехавъ въ Киевъ градъ слуша заугрению воскресную, но какъ онъ будетъ под себѣжемъ градомъ . . . ажно стоитъ подъ нимъ три царевича заморскіи, со сваямъ царевичемъ си(лы) по трицати тысящъ, а похваляются они градъ защитомъ взять, а жители градскіихъ под мечъ зговоритъ ѡдучи Илья Муромецъ: охъ по грехомъ мнѣ учинилось, что отецъ мой и мати моя заклели мое оружіе. однако, сотворивъ себѣ знаменіе клятвенное, вынимаетъ свою палицу булатную, напускаетъ на рать силу великую, сколько бѣсть, а вдвое конемъ тощегъ, куда онъ не поедеть—улицы, куда не поворотится—слободы, и побилъ всю силу татарскую, і три царевича насилу нашли за море на корабляхъ то небольшими людьми. Но какъ Илья Муромецъ ѡхаль скрозъ себѣж(ь) градъ, во градскихъ воротахъ всгречали сѣтѣбомъ и солюю весь народъ отъ мала и до велика и бьютъ челомъ ему и поклоняются и просятъ милости к себѣ во градъ хлѣба и соли кушати. Но Илья Муромецъ хлѣба и соли ихъ не кушаетъ только, спрашиваетъ у нихъ дороги прямо дороги ко граду Киеву, и отвѣщаютъ ему себѣжскіе жители: ты гон еси, добрый молодецъ, приная княмъ была дорога ко граду Киеву на дѣса на Брын(скіе), на грязи черные, на дороги, на Смородину, на мосты калиновы, толко та у насъ дорога запусѣла ровно 30 лѣтъ отъ Соловья разбойника, отево разбойнича соловьиного посвѣга: никакои богатырь не можеть устоятъ. Богатырское сердце неумичиво, и поворачиваетъ своимъ добрымъ колемъ прямо на грязи черные, на рѣку Смородину, на мосты калиновы, и какъ онъ будетъ противъ сторожи Соловья разбойника, ажно соловен насто-рожи былъ сидѣтъ на двухъ дубахъ, засвисталъ онъ своимъ разбойничимъ соловьинымъ посвѣстомъ, якобы земл(я) поколѣбалася, и от того посвисту под Ильею конь пошарашился. Илья Муромецъ биетъ своего коня по толстымъ акаракамъ а самъ говоритъ таково слово: что ты, вольчья шерсть, шарашился, ветъ меня сильнее (иѣтъ), (и вы)нимаетъ свои крен-коп лукъ, а ис колчана вынимаетъ колѣну стрѣлу, стреляетъ Соловья разбойника и похаль въ ево лѣвомъ гласъ. От того удару соловен сваллся со двухъ дубахъ величкихъ. Тогда Илья Муромецъ наскака(въ) хотѣлъ ево злон смерти предать. Но соловья разбойникъ вскочи(въ) ведопустилъ ево до себѣ, рече: Богатырская есть то слава, что мѣня хотѣлъ бѣтъ оружія убитъ, но даи мнѣ справитса, и сяду на свои доброй конь, и скоро Соловен разбойникъ убралъ взбруду (?) латную и селъ на свои доброй конь и такъ розежалъ Илья Муромецъ от великаго разьезду толко Соловья уронилъ вышибъ его исдалѣче вопъ наземлѣ зачто Соловен разбойникъ Илью Муромца . . . Молви Соловен разбойникъ: дѣточки мои малые соловьяны, не дразните сего добраго молодца, а бейте челомъ хлѣбомъ и солюю. Но Илья Муромецъ хлѣба и соли ихъ не кушаетъ, а поворачиваетъ своимъ добрымъ конемъ прямо на большу (къ) Киеву дорогу и скачетъ онъ з горы на гору .ол.. і поду.мь вонъ вымѣтываетъ, а у рѣкъ перевозу не спрашивалъ; но какъ приехалъ въ Киевъ градъ вьс(д)ж(т)ъ прямо на княженъскоп дворъ и привязалъ своего добраго коня, пошелъ въ палаты княжескіе, молился чѣснымъ святымъ иконамъ, кланялся на двѣ на четыре сторо-ропы, а особливо великому князь Владимиру, что зговоритъ Владимиръ князь: ты он еси, доброй дородио(и) молодецъ, да скажи ты мнѣ, какъ тебя зовуть по имени по отечеству, коего града уроженецъ. Ответъ держитъ Илья Муромецъ: я, государь, уроженецъ града Му-рома из большаго села Карачаров(а), а родися в седцѣ Каптевъ, по имени меня зовуть Ильшою по отечеству Ивановъ сынъ прозваніемъ Муромецъ. Зговоритъ князь Владимиръ ты он еси, Илья Муромецъ сынъ ивановецъ, скажи ты, давноль ты изъ Мурома. Ответъ дер-житъ Илья Муромецъ сынъ ивановецъ: государь, поехалъ, изъ Мурома отслушавъ заутреню воскресную. Разсѣблася великі(и) Владимиръ князь: что ты Илья врешь, у насъ гонцы говяють по шти днѣи. Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ; да еще были на меня двѣ за-

дершки великія: первая избавилъ от осады Себѣже градъ; вторую имѣлъ, бои с Соловьемъ разбойникомъ, котораго побѣд.. силен.. Тогда князь Владимиръ вышелъ и съ сильными могучими богатыри смотреть Соловья разбойника, и рече: ты он еси Соловей разбойникъ, засвищи ты своимъ разбойничимъ соловьинымъ посвистомъ. Ответъ держитъ Соловей разбойникъ: твоя Государь воля, я несмею государя моего Ильи Муромца, и тогда Илія велѣлъ засвиста(ть). Но от его посвисту князи і бояре попадали, только насиду устоялъ самъ Владимиръ, и зато его князь Владимиръ пожаловалъ выше своихъ богатырей киевскихъ. Конецъ сему повѣствовани(ю).

Аминь.

Примѣчаніе: Текстъ воспроизведенъ съ рукописи дословно.

Пунктиромъ обозначены слова и буквы, стертые въ рукописи. Въ скобкахъ помѣнены слова и буквы, восстановленные нами.

Веснянки, Петривки и Купальныя пѣсни.

Записанныя мною въ с. Пискахъ (Волинск. губ., Житомирск. у.) пѣсни распадаются на три группы—веснянки, петривки и купальныя. Первые поются, начиная обыкновенно съ Пасхи до Петрова поста, а вторыя въ Петровъ постъ. По содержанію, онѣ чрезвычайно похожи. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ главнымъ образомъ воспѣвается обыкновенно любовь, красота той или другой дѣвушки, того или другого парня, дѣлаются намеки на интимныя отношенія, на свадьбы и т. д. Однимъ словомъ, всё злобы дня, интересующія деревенскую молодежь, выкладываются какъ въ веснянкахъ, такъ и въ петривкахъ. Хочетъ, наприкладъ, какой нибудь Тарасъ жениться на какой нибудь Наталкѣ. Объ этомъ уже извѣстно дѣвчатамъ и хлопцамъ всего села. Оба они уже воспѣваются въ веснянкѣ:

«Въ садочку прометяно, Барвиночкомъ улетяно, Тамъ Тарасъ съ торгомъ стоявъ, А зъ якимъ торгомъ—зъ бындочками.	За нимъ дѣвчата купочками: Всімъ дѣвчатамъ запродае, Своїй Наталці дарма дае. Веры, Наталко, цін дары, Щобъ мы но Петри стали въ пари...».
--	--

Также громогласно выводятся въ пѣсни и разнаго рода интимныя отношенія:

Ой на городи буркунъ родыть,
А до Настуни Денесь ходыть.

Какъ веснянки, такъ и петривки являются для дѣвчатъ средствомъ посмѣяться надъ «хлопцями», особенно изъ другого села, посмѣяться и надъ своими подругами. Вообще нужно замѣтить, что сатирическій духъ замѣтенъ въ большей части этого рода пѣсней. Многія изъ нихъ являются какъ бы насмѣшкой надъ тѣмъ или другимъ фактомъ, той или другой личностью. У Чубинскаго записана одна пѣсня, показывающая ясно, что веснянки именно преслѣдуютъ такого рода задачи. Въ пѣснѣ этой (т. III, стр. 173, № 119) разсказывается, какъ одинъ парень приставалъ къ дѣвушкамъ:

— Не козырьсь, парубоньку. И не копыль губу, Коли любишь такъ, якъ кажешъ, То веди до шлюбу.	Насушывся парубонько, Тай потягъ до дому... — Ой, не кажы, дѣвчионько, Тя про се никому.
— Ой, радъ бы я шлюбъ узяти, Та не вельть мати.	— Скажу Івзі, скажу Стесі, Ще скажу й Одарці
— Якъ не вельть, то й не ходы На нашъ край гуляты.	Скажу Гальці титаривні, Скажу й паламарці;

Ой, скажу всімъ, щобъ про тебе
Веснянки співали,
Щобъ призива та прикладки
Тобі прикладали.

Такимъ-же характеромъ отличаются и купальныя пѣсни, приуроченныя ко дню празднованія Ивана Купала.

Послѣ 29-го іюня всё названныя пѣсни, веснянки, петривки, купальныя, замѣняются пѣснями, неприуроченными къ какому нибудь опредѣленному времени, преимущественно заунывными «весильными» (свадебными), въ которыхъ воспѣваются тѣже Тарасъ съ Наталкой и другіе хлопцы и дѣвчата, вступающіе въ бракъ.

I.

В е с н я н к и.

1.

Сяла зиронька, сяла,
Съ кишъ ты, Настуню, стояла?
Съ тобою, Петруню, съ тобою
Пидъ зеленою вербою, надъ холодною
водою.

Де Петрунѣ коя пасъ—
Ѣму барвинокъ по поясъ;
А де Настуня стояла—
Шовкова трава завьяла.
Чого, дивчата, сьдиды?
Чомъ вы барвинку не рвете?
Рвалы барвинокъ за грошы
Въ насъ кавалеры хороши:
Нашъ Петрунѣ краще всихъ,
Любытъ Настуню лучше всихъ.

2.

На нашу улыцю, на нашу
Прыносъте нишона на кашу:
Будымо кашу варыты—
Тай будымъ хлопцивъ женыты.
Солона каша, солона
Завдаймо хлопцявъ сорома.

3.

Перейды мисяцю (bis)
Та на нашу улыцю. (bis)
На наши улыци (bis)
Та все хлопци молодци (bis)
Нема найкрашого (bis)
Понидъ Петра нашого (bis)
Хтось у лиси гукае (bis)
Петро кони шукае (bis)
Твои кони въ шкоди (bis)
У Мосія на городи (bis)
Вижи кони займешъ (bis)
Щей Настуню доглянешъ (bis)
Щобъ Настуня любыла (bis)

Щобъ теща хвалыла (bis)
Симъ паръ чобить стоптавъ (bis)
Черезъ тещынъ дворъ ходмвъ (bis)

4.

Плыве човенъ, тай воды повенъ—
Десь хвляя прыбыла...
Смутна наша дивка Наталка—
Десь матуса была...
— «Мене маты зроду не была;
Сами слѣзы льютыца—
Отъ Тараса сватцвъ нима
Отъ Опанаса шлютыца».
Покотыся, ясныи мисяцю,
Помежь зироньками,
Подымься, молодой Опанасе,
Чы је краща, чы је лишиа
По дивку Наталку.

5.

На городи лынына,
Маты до дому кыкала:
— «Ходить, хлопци, до дому
Давайте конямъ оброку.
Идить, молодци, до хаты:
Пора вамъ свынямъ мишаты
А вы, дивчата, не дбайте—
До билого дня гуляйте!»¹⁾

6.

Посію я горошокъ, горошокъ,
Посію я два стручки, два стручки,
Та посію я чотыры, чотыры,
Та бодай червы сточылы.
Горобеечку снатку, снатку,
А чы бувъ—жежь ты въ садку, въ
садку,
Та чы бачывъ ты, якъ макъ сіють?
Ой, такъ такъ сіють макъ,
Щей морквыцю и постырнакъ,

¹⁾ Ср. у Чубинскаго, т. III, стр. 162, № 80.

7.

Ой за городомъ дымъ, та дымъ,
Тамъ соловей гнзодо звывъ.
Тамъ Тараско коня пасъ—
Ему виноградъ по поясъ.
А вигъ конька попасе,
Хороше въ дудку выгравае.
Хороше въ дудку выгравае,
Соби Наталку ладжовляе.

— «За мною, Наталко, за мною—

Будышь мини молодому жонокъ.
Будышь мои матинци годыты:
Нидь гору воду восыты.
Съ горы каминьемъ котыты».
Покотывся каминець
Просто Наталци въ рукавець.
Вона думала, що то каминець,
Ажъ то Тараско молодець.

8.

На ричеци, та на дощеци
Тамъ двичына полощеца.
Полощеца, умываеца,
Въ черевычки узуваца.
Черевычки пок упець (sic) ¹⁾ по-
купывъ,
Щобъ хороший молодець полюбывъ.
Панчшечки панн матка дала,
Щобъ хороша молоденька була.

9.

Кля млына—калына,
Тамъ двичына ходыла,
Дивкамъ танецъ водыла.
Що выведе—той стане—
На всихъ дивокъ сноглане,
Чы вси дивки въ таночку?
Уси дивки тонко йдутъ,
Тилько нема пднон—
Фрасыны молодок.

10.

Кля млына—калына
Тамъ двичына ходыла.
Нежемъ зиле копала,
Щей матинки пытала:

— «Ой, чымъего, мамо, счарувать?»

— «Чаруй, донку, ны любай (sic),
Щобъ съ тобою ны стоявъ,
Зъ ручки перстень ны здіймавъ».

11.

На городи, нидь вербою
Стоявъ Тарась и зъ лирою.
До его Настуна прыходыла
Торбу окрушывъ приносила,
Беры, Тарась, ци окрушки—
Прыйды до мене у подушки.

12.

У кривого танця,
Та не выведу кинця.
Якъ стану я весты,
Якъ виночокъ плесты?
Ой, винче, мій винче,
Хрещастый барвинче,
Я-жъ тебе мыла, выла,
Ще вчора зъ вечера
Повисыла у садочку
На терновимъ шнурочку.
Тамъ моя ненька йшла,
Тай виночокъ найшла.
Виночокъ найшла,
Тай нелюбови дала.
Та колы бъ була знала,
То була бъ розирвала.
Та нидь ниженьки стоптала
Чорными чобиточкамы
Золотыми ладжовочкамы.

13.

На городи клынъ, клынъ
Въ кучерп вьеца.
А хто ниде за Ювхима,
То той нажывеца.
На ему сорочка
Съ тонкаго клыночка.
А хто ёму вышывавъ?
Мойсіёва дочка.
На ін виночокъ,
Винокъ дротявенькій.
А хто ін купувавъ?
Ювхимъ молоденькій.

¹⁾ Очевидно вм. «пань-отець».

14.

Писковскій ставъ
Скоморскій ¹⁾ ставъ
До купонки злывся.
Тамъ Юхмиъ я съ Петромъ
За Настуню бввся.
— «Ой, вы быйтеся, вы сваритеся:
Я васъ обохъ люблю;
Петрови хусточку дала,
Юхмиова буду».

15.

И на цимъ кутку
И на тямъ кутку
Ворона завысла.
«Уже твоя, дивко Насте,
Вечера та скисла»
«Ой, ныхай кисне,
Таки мушу исты
Та колы бѣ мини зѣ Юхмиомъ
На посади систы ²⁾».

16.

Зайчыку, та сиресенькій,
Зайчыку, та билесенькій.
Дала мини маты сыто решето,
Щобъ мое зилле хороше росло.
Защипочки дротяненьки,
А воритця залізненьки.
Никуды, зайчыку, а ни выскочыты,
А ни выстрыбнуты.
Оно зайчыкъ скокомъ бокомъ
Передъ мовимъ чорнымъ окомъ.
Зайчыку, обернися,
Зѣ двчыною обіймися...

17.

Змаринило дыта, змаринило.
У чужого батька сыдило,
Чужи матинци годило:
Сѣ пидъ горы воду носыло,
А сѣ горы каминь котыло.
Покотывся каминецъ
Дивци Настуни въ рукавцѣ.
Вона думала—каминецъ;
А то, Иванъ молодець.
— «А ты, Иванъ, вы будь панъ
Взьмы Настуню пидъ жунагъ».
«А я жулана не маю
Пидъ сиру свыту сховаю.
Хочъ не пидъ свыту—
Пидъ кожухъ
Вьбму изъ Настуни
Пару й духъ».

18.

Ой хожу я, хожу кляя городечка:
Жоно моя, та жонусенько } (при-
Дивно, дивно, мое серденько } пѣвъ).
Куплю свой жони сорочыну въ торзи.
(припѣвъ).
Сорочыну зшошу, мыленькнмъ не назву.
(припѣвъ).
Ой, хожу я хожу кляя городечка.
(припѣвъ).
Куплю свой жонп спидныченьку въ
торзи.
(припѣвъ).
Спидныченьку зшошу, мыленькнмъ не
назvu.
(припѣвъ) и т. д. ³⁾.
Куплю свой жони нагаечку въ торзи.
(припѣвъ).
Нагайку зломаю, пиду погуляю.
(припѣвъ).

¹⁾ С. Скоморохи находится въ 2-хъ верстахъ отъ с. Писокъ.

²⁾ Ср. у Чубинскаго т. III, стр. 133, № 32.

³⁾ Мужъ предлагаетъ купить: каптурничку, хустыночку, каралмыкы, чоровычки, панчишочки, свытыночку, поясмну, кожущыну.

II.

П е т р и в к и.

1.

Плывала владочка пидъ ледкомъ,
Давала Настуся—ручку двоимъ:
На тебе, Опанась, руку мою,
А ты, Денысь, не дывуй:
Бери соби Настусю—тай шлюбуй.

2.

Ишли реки, тай брынны
Черезъ Мойсієви сны.
Тамъ кавалеры збиралыся,
На медъ горилку складалыся.
А нашъ Денысь наибильше склавъ
Ще й на Настуню залыцавъ:
— «Ой, ты, Настуню, сердце мое,
Сподобалося лычко твое.
Ны такъ лычко, якъ ты сама
И на папери напысана.
На папери, на лысточку,
Черни бривоньки на шнуручку¹⁾».

3.

Дывитьця люди, дывитесь:
Иде Денысь женытсья.
Самъ иде на коняци,
Везе Настуню на собаци,
Накрывъ Настуню радюгою,
Тай погавяе батюгою.
Собака гарчыть—пидъ плять бижыть,
А виць зубамы—за хвистъ держыть.

4.

Ой, на городи бораць, бораць,—
Наши Настуни жывить вабраць.
Ныхай бравне, ныхай знае,
Ныхай Деныса ны прыймае.
Ой на городи лопухъ, лопухъ,—
Наши Настуни жывить опухъ:

Ныхай пухне, ныхай знае,
Ныхай Деныса ны прыймае.

5.

Ой, на городи буркунъ родыть,
А до Настуни Денысь ходыть.
Ой, роды роды, буркунчыку
Прыйды, Денысе, голубчыку.
Ой, колы родышь—роды расно,
А колы ходышь—ходы часто.
Ой, колы родышь—ны выпайся,
Ой, колы любышь—ны цурайся.

6.

На городи шафранъ, шафранъ,—
Стоить Денысь, якъ панъ, якъ панъ.
Кляя его петрушечка—
Стоить Настуня, якъ душечка.
Шафранъ петрушку пидъдае,
Денысь Настуню пидмовляе:
— «Ой, ты, Настуню, ой ты, ой ты,
Колы до тебе въ гости прыйты?»
«Прыйды, Денысе, у вечери,
Щобъ вороженьки ны бачылы.
Прыйды, Денысе, долыною,
Буде горилка зъ калыною.
Прыйды до мене садкомъ, садкомъ,
Буде горилка зъ медкомъ, зъ медкомъ,
Прыйды, Денысе, долынамы
Буде горилка зъ малынамы».

7.

На городи салата—
Роды, Боже, дивчата.
На городи стопци—
Хватай, чорте хлопцявъ.
Стовопомъ дымъ } (припѣвъ).
Чорть изъ нымъ }

¹⁾ Ср. Чубинскій, т. III, стр. 20. 1, № 6 и стр. 220, № 37.

На городи крокись порисъ —
Забравъ чортъ хлопцявъ
Тай въ лисъ понисъ ¹⁾.
(призывъ).

8.

«Ой, на городи крокись порисъ
Чошь ты, Иване, бильшій вы рисъ?»
«Ой, буде зъ мене й такенького:
Поллюбыть Наталка й маленького».

9.

Полытивъ Иванъ на небеса,
Прычыпывъ жорна до пояса.
Де летыть, то й крупы дере,
Де спочывае, то и палае.
Де започуе, кулшъ варыть —
Свои Настунн жывить парыть.
Ныхай парыть,ыхай знае.
Ныхай Ивана ны прыймае.

10.

Пшли дивчата горды рваты —
Далеко хлопцявъ Петра ждаты.
Дивчата гордыны нарвалы,
А хлопци Петра не дождалы.
На городи кущыкъ дроку —
Щобъ ны дождалысь хлопци року.
На городи кущъ калыны —
Клыче Иванъ на родыны.
На городи кущыкъ пыжма,
Щобъ вы дождалы хлопци тыжня.
На городи кущъ шельвицъ,
Щобъ ны дождалы хлопци недвля.

11.

За городомъ квнтки вьютъця,
За Наталку хлопци бьютъця:
Тарасъ каже — «моя буде»...
Опавасъ каже — «визьмутъ люды
Таки Наталка моя буде.
Люблю Наталку панелочку
Куплю Наталци сукеночку.
А я Наталку вирно люблю,
А я Наталци сукно куплю»...
Пишовъ Тарасъ до кравнычки,
Купивъ Наталци червычки,
Червычки на пидковахъ
Гуляй, Наталко, черноброва!

Червычки съ пидковками!
Гуляй, Наталко, межъ дивками!

12.

Летилы гуси баднатца, —
Псковськи хлопци шаркатни!
Летпы гуси — силы въ проси
Псковськымъ хлопцявъ — червы въ носи!
Летпы гуси сывокрыли,
Скомороськи хлопци чернобрыви.

13.

Стукнулы воритца въ одвирца
Украдяно Наталка одъ молодця.
Молоденькій Иванъ ны чуе —
Съ кпцкымы въ решети мочуе:
Випъ думавъ молоденькій,
Що Наталчыны рученьки,
А то кнцни ланоньки...
— «Де ты, Иване, почувавъ.
Хто въ тебе Наталку въ ночи вкравъ?»
— «Ночувавъ я, дивчата, на лавци,
Вкрадяна Наталка у раницы.
Ночувавъ я, дивчата, на пичи.
Вкрадяна Наталка у ночи.
Ночувавъ я, дивчата, на току
Вкрадяна Наталка отъ боку».

14.

Ой, у лисочку, на дубочку
Поввислы хлопци гойдалочку.
Гойдалыся, выхалыся
На медъ горилку складалыся.
А нашъ Ювхимъ найбильшъ склавъ,
Щей на Настуню залыцався:
— «Ой ты, Настуню, сердце мое
Сподобалося лычко твое.

и т. д. (Ср. Петривку, № 2).

Ой, мала в'нчка мала, мала,
Де ты, Наталко, ночувала?
— «Ой, ночувала пидъ грушою
Съ тобою, Иване, зъ душою.
Ой, ночувала пидъ хатю
Съ кудлатою собакою».

16.

Въ Наталчыни голови
Мышы кубло завелы.
Тарасъ зъ radoщамы
Носыть воду прыгорщамы.

¹⁾ Чубинскій, т. III, стр. 182, № 130.

III.

К у п а л ь н ы я.

1.

На Ивана Купайлого
Ходыла видьма
На вального.
На дубъ лизла.
Кору грызла,
А зъ дуба впала
Зилле копала.
Вона Наталку
Вчарувала ¹⁾.

2.

Пора тибя, вербонько, розвутьця,
Пора тибя, Иване, женутьця.
— «Чась ны чась, ны пора.
Ще жь моя Настуя молода,
Ще жь вона на улицы ны була,
Щежь вона купайлочка вы выла.
Ныхай вона ще погуляе,
Русою косою махае.
Якъ замужъ пиде, то ны буде,
Якъ стара буде—забуде ²⁾.

3.

На Ивана Купайла
Сучка въ борщъ упала.
А хлопци ны зналы
Зубы поломалы.
Дивчата граблямы
А хлопци зубамы ³⁾.

4.

Покладу я кладку
Черезъ моравку.
Вербове купайло,
Вербове,
Часть вашъ, дивчата,

До дому.
А ты тутъ, Наталко,
Зостанься,
Якъ прийде Тарась—
Звинчайся.
Якъ прынесе вичочка
Съ каддыла,
Щобъ ты ёго здорова
Зносыла,
А въ осени на весилле
Попросыла.
Якъ ны будышь вичочка
Носыты,
Той ны будышь на весилле
Просыты ⁴⁾.

5.

— «Молодая молодыце,
Выйды зъ вечора на улыцю».
— «Якъ-же миня выходыты,
Дивкамъ купайло розводыты?
Въ мене свекорко—ны батенько
Въ мене свекруха—ны матинка.
У комороньку зачыняе
Тай на улыченьку ны пускае.
Прочыню я кватырочку,
Та подывлюся на улычку:
Дивки купайло убрають,
А мене слезы обдывають».

6.

На городи лонухъ, лопухъ—
Писковськииъ хлопцяты
Жывять онухъ.
Ныхай пухне, нихай знають,
Ныхай кунайла ны ломають ⁵⁾.
Наше купайло до инсяця
Писковськии хлопци повисятыця.

Сообщилъ В. Боцляновскій.

¹⁾ Ср. Чубинскій, т. III, стр. 199, № 1.

²⁾ Ср. Сахаровъ, Сказанія русск. нар. т. I, стр. 273, № 11.—Чубинскій, т. III, стр. 194.

³⁾ Ср. Чубинскій, т. III, стр. 201, № 6.

⁴⁾ Ср. Чубинскій, т. III, стр. 209, №№ 23 и 24.

⁵⁾ Ср. Чубинскій, т. III, стр. 199, № 2.

Очеркъ литовскихъ свадебныхъ орацій¹⁾.

(Носв. Э. А. Вольтеру).

Цѣль настоящаго очерка, касающагося предмета, крайне малоизученнаго, почти неизвѣстнаго даже специалистамъ-этнографамъ, во первыхъ — сообщить этнографическій матеріалъ, который мнѣ удалось извлечь изъ орацій, во вторыхъ указать, какъ отразилась на нихъ національная жизнь. Отлагая историческій очеркъ литовско-латышскаго свадебнаго обряда до другого времени, здѣсь я ограничусь только тѣсною областью литовскихъ орацій, какъ памятника національнаго творчества. Но что такое національность въ народной литературѣ? Конечно, не та сказка, по моему мнѣнію, національна, которую народъ понимаетъ не только, какъ сказку, но именно, какъ свою сказку: это признакъ случайный, потому что очень часто (я сужу по личному опыту въ Литвѣ) на просьбу спѣть с в о ю — литовскую пѣсню, сказать с в о ю — литовскую сказку, преподносится пѣсня или сказка, очевидно заимствованная изъ Польши, Россіи или Пруссіи.

Образъ, возникшій въ сознаніи одного изъ членовъ такого уравненнаго общества, какъ крестьянская среда, легко можетъ настолько ассоціироваться съ сознаніемъ и другихъ членовъ этого общества, что тотъ же образъ мы сможемъ найти и въ пѣснѣ, и въ сказкѣ, и въ пословицѣ, и въ загадкѣ. Но и заимствования, какъ-нибудь ассимилировавшіеся со старыми образами, могутъ такъ-же ассоціироваться съ ними, какъ и образы туземные; такимъ образомъ они становятся національными. И факты, повидному, не противорѣчаютъ этому: дѣйствительно, хотя сказка о Зигфридѣ Роговомъ, заимствование которой совершилось, вѣроятно, уже давно, такъ и называется у Литовцевъ *Ragotasis Zigfryds*, и вариантовъ, кажется, не имѣетъ; хотя настолько же не національнымъ остался и приведенный ниже рассказъ о Соломонѣ, тогда какъ образъ рака, возстающаго противъ своего творца, мы находимъ въ четырехъ сказочныхъ вариантахъ²⁾, въ пословицѣ³⁾: «поднимаешься, какъ ракъ на Перкуна», и наконецъ въ пѣснѣ⁴⁾; — однако многія католическія ле-

¹⁾ „Очеркъ“, служившій первоначально рефератомъ въ засѣданіи 3 декабря 1893 г. Неофилологическаго общества, печатается здѣсь съ немногими поправками и дополненіями; нѣкоторыя поправки сдѣланы благодаря любезнымъ указаніямъ А. Н. Пыпина.

²⁾ 3 изъ нихъ записаны мною и теперь печатаются, четвертый помещенъ у Фекенштедта въ его сборникѣ жмудскихъ сказокъ и мѣровъ.

³⁾ *Tu kelys káp vezýs prysz Perkúną. Bezenberger, Altpreussische Monatschrift. Band XXII. Heft 3 u 4 s. 348.*

⁴⁾ *Lietúviškos dájnos, užrašýtos par Antaną Juškevičę* Казань 1880—82 т. I—III (цитируется: J) № 135, строфа 4: *Vežýs vezýs* т. е. ракъ, ракъ, *Tur šiknò'akis* имѣеть глаза въ задъ.

генды стали вполне національны, причемъ произошла ассимиляція: такъ, напримѣръ, легенда о розѣ пригѣнилась къ рутѣ, любимому литовскому цвѣтку; однако, пѣсня искусственная, приписываемая одному видному литовскому дѣятелю, дала множество народныхъ вариантовъ и образы ея мы могли бы найти во многихъ позднѣйшихъ пѣсняхъ. Такимъ образомъ разница въ отношеніи національности между заимствованнымъ и туземнымъ, исконнымъ почти только временная, количественная, а не качественная: народъ заимствуетъ только то, что можетъ понять, примѣнить къ себѣ, что ему нравится, что наконецъ сходно съ обычными ему понятіями и образами; все, что не стоитъ въ народной литературѣ одиноко, а вызываетъ многочисленныя переработки, подражанія и т. п., все это можетъ служить картиной народныхъ нравовъ, понятій и жизни, все это національно ¹⁾.

Литовскія ораціи національны уже и потому, что прямо изъ характера литовца, который такъ любитъ каждый важный моментъ своей жизни украсить цвѣтистымъ, красиво обточеннымъ, часто полнымъ тропіи словомъ, прямо изъ его характера—вытекаетъ многочисленность и сложность орацій, ихъ отношеніе къ четыремъ важнѣйшимъ минутамъ свадьбы. Существуетъ четыре рода орацій: 1) рѣчь, которую держитъ свать, пріѣхавши въ какой нибудь домъ для приглашенія всѣхъ его обитателей на свадьбу; 2) рѣчь, которую держитъ въ домѣ невѣсты передъ маршаломъ (sūlsedis) тотъ же свать, прося впустить въ домъ жениха и его свиту; 3) рѣчь къ невѣстѣ, которую обращаетъ онъ же, передъ отъѣздомъ къ вѣнцу, подавая ей рутовый вѣнокъ, символъ ея чистоты; 4) наконецъ декретъ о повѣщеніи свата-лжца, этого главнаго лица свадьбы, около котораго и невѣсты сосредоточиваются, собственно, весь домашній обрядъ, декретъ, которымъ оканчивается свадьба. Изъ этихъ четырехъ родовъ, три имѣютъ цѣлью позабавить слушателей, поэтому въ нихъ легко могли получить доступъ остроты, не уступающія по своей силѣ нашимъ балаганнымъ, пародіи на сказки, удивительные символы и т. п.

Третій родъ, рѣчь при подачѣ вѣнка, отличается, напротивъ, торжественностью и имѣетъ цѣлью восхвалять дѣвическую чистоту; поэтому сюда легко могли проникнуть католическія легенды о святыхъ дѣвственницахъ, какъ св. Агнеса и др. Не смотря на многочисленность вариантовъ, всякій родъ этихъ орацій имѣетъ одну основную форму, къ которой сводятся другія; чѣмъ чище сохранились мѣстные обычаи, тѣмъ ораціи обширнѣе и витѣватѣе; въ Прусской Литвѣ онѣ очень коротки.

Приглашеніе на свадьбу высказывается глашатаемъ-гостебникомъ (kvėslys) ²⁾, пріѣхавшимъ на разукрашенной лошади съ маленькимъ деревцомъ, перенатымъ лентами и унизаннымъ бубенчиками, въ рукахъ; заключая въ себѣ всевозможныя остроты по поводу того, какъ должны пріѣхать гости на свадьбу и что они будутъ тамъ дѣлать, эта рѣчь даетъ не мало и сказочнаго матеріала; выбираю для образца одну изъ самыхъ короткихъ рѣчей и затѣмъ отмѣчу варианты.

¹⁾ Рецензентъ моего доклада (см. газету «Новости» отъ 8 Дек. 1893 г.), конечно, въѣдствіе неясности моего первоначальнаго изложенія, приписываетъ мнѣ мнѣніе, котораго я, собственно говоря, не имѣлъ. Онъ говоритъ: «но мнѣнію докладчика, въ литовскихъ ораціяхъ вполнѣ отразилась литовская жизнь въ образахъ національныхъ и правдивыхъ». Здѣсь все дѣло вертится около слова: «національный», ясность котораго въ моемъ докладѣ породила и возраженія проф. А. П. Веселовскаго: «прежде, чѣмъ толковать объ отраженіи въ нихъ литовской національности, надобно... выдѣлать изъ нихъ все пришлое. Я несогласенъ съ этимъ и въ существѣ дѣла, потому что національное воее но противопоставляю пришлому, и въ частности, потому что кое-что, признаваемое проф. Веселовскимъ за пришлое, мнѣ кажется можно принять за національное и въ его смыслѣ, о чемъ ниже.— Національная литовская жизнь отразилась въ ораціяхъ постольку, поскольку она ассимилируетъ себѣ пришлый элементъ и поднимаетъ на свою поверхность исконные образы, тотъ или иной способъ пониманія и изложенія вещей.

²⁾ Такъ называется свать, на котораго возлагается обязанность созывать на свадьбу гостей.

1) «Дай вамъ Богъ счастья! Приглашаю богатыхъ и отважныхъ на этотъ вечеръ на свадьбу; молодыхъ на гулянье къ тому юному кавалеру, къ зеленому Божью деревцу: собрался онъ на чужую сторону, въ великія странствованія по горамъ высокншъ, по лѣсамъ зеленымъ, по полямъ великимъ за воды великія. Приходите, старыя бабы, съ кривыми костылями, берите съ собою по мѣшечку булокъ, а вы, старыя дѣды, по узелку табаку, хлѣба по уголку, по мѣшечку мяса, а вы, юныя дѣвицы, по букетику зеленыхъ руть, по шелковой кофточкѣ съ бѣлымъ передничкомъ, по горсточкѣ орѣховъ, для верховниковъ²⁾ (viršpinkas). По стѣнамъ не лазьте, парней не дразните, животныхъ берегите. Прошу на кровь осы, на комары колбасы, на мошья окорока. Всѣхъ огуломъ прошу: старыхъ, юныхъ, большихъ и малыхъ, но только съ большимъ запасомъ: положите въ карманы по полчетвертику золы, повѣсьте за плечи лапти, возьмите грабли трехзубыя. Кто какъ себѣ устроитъ, тотъ такъ и поспитъ. Въ этомъ ужъ верховникъ не повпнентъ. Прошу покорнѣе глину мять на свадьбѣ, т. е. вертуна плясать».

Обыкновенно, мы встрѣчаемъ другое начало съ интересными символами, другою конецъ. Вотъ вариантъ начала Svr. 14: «прежде всего воздаю славу Господу Богу. Творцу неба и земли, и этому дому, и этого дома основателю и основательницѣ и этому столу, какъ алтарю, цвѣту льна, крови ржи, колосу пшеницы», т. е. полотну, скатерти, пиву или водкѣ и бѣлому хлѣбу. Другой конецъ, обычный всѣмъ вообще ораціямъ, даетъ образчикъ народнаго остроумія: «не много говорю, по много умѣю: не ксендзомъ я роцентъ, не монашкой рожденъ, всего три класса проходилъ, на четвертомъ вышелъ: что тамъ слыхалъ, то и вамъ сказалъ», или: «я въ томъ классѣ не бывалъ, березовой розги не получалъ: по дорогѣ учился. Недалеко ускакалъ, не много узналъ. Дальше поскачемъ, больше узнаю, а какъ вернемся, я и вамъ скажу». Интересенъ тотъ идеалъ воспитанія, который рисуется этимъ видомъ орацій и который въ тѣхъ же выраженіяхъ мы находимъ во множествѣ пѣсней³⁾; вотъ онъ: Svr. 15: «Этотъ юный юноша не изъ другихъ странъ, не изъ чужой земли, изъ этихъ самыхъ людей, отцомъ, матерью рожденъ, возроженъ, обряженъ, сестрами выношенъ, въ зеленой люлькѣ выкачанъ, шелковымъ повивальникомъ повитъ, въ шелковыя пеленки запеленутъ, братьями защищенъ, славной родней похваленъ, золотымъ яблокомъ забавленъ⁴⁾, бѣлымъ хлѣбомъ выкормленъ». Въ тѣхъ же выраженіяхъ сообщается, обыкновенно, и о воспитаніи дѣвушки. Какъ богато обрисовался этотъ образъ у Литовца сравнительно съ Бѣлорусскимъ; Бѣлорусскъ не находитъ ничего сказать, какъ только: «сны кормили, поили это чедо милое, дзница любинное съ малыхъ лѣтъ до совершенныхъ: по рукамъ качали, въ сахарныя уста цѣловали» (П. В. Шейнъ. Бѣлорусскій сборникъ. т. I, ч. II. СПб. 1890. стр. 388); не то у Литовца: ему рисуется образъ горячо любимаго ребенка, на котораго не надышется вся семья, которому удѣляется все лучшее: вся роскошь, всѣ ласки родныхъ. «Дочку росли, въ гусли звонили, въ люлькѣ

1) Svatbinė Rėda Vel'ū nyčiu Lietūviu, surašyta par Antaną Juškėvičę 1870 mėtuse. Казань. 1880 (въ цитатахъ просто Svr.), с. 79.

2) Такъ называются главные служебныя лица свадьбы.

3) Lietuviškos svatbinės dąjos, užrašytos par Antaną Juškėvičę ir išspāudintos par Jóną Juškėvičę. Спб. 1888. (цитируется JSvd.) № 159, 218, 259, 266, 277, 455, 457, 500, 528, 546, 642, 894. J. 874, 877.

Сборникъ пѣсней Fortunatova и Миллера. XVII (петр. Ф. М.). Brugmann und Leskien. Litauische Volkslieder und Märcchen. 1882 (цитир. LB) № 133 (изъ сборника Лескина).

4) Карадживъ. Српске народne pjesme. У Бечу. 1875. II т, стр. 10:

Па погледа на златну коловку,
Дѣ'јој чедо седи у колевки,
Па се игра јабуком од злата.

качали, кольцоѣ забавляли», говорить одна пѣсня; описывая хлопоты матери около нянюшки дочки, другая пѣсня прибавляетъ: «румянымъ яблочкомъ забавляла, она мнѣ краснаго личика желала».

Перейдемъ къ другому виду орацій, къ той просьбѣ свата пустить жениха въ домъ невѣсты, о которой я упомянулъ раньше, какъ о второмъ видѣ орацій. Поѣзжане невѣсты всячески оказываютъ препятствіе свитѣ жениха; завязывается борьба, но женихъ оказывается сильнѣе, и пробивается къ самой двери, которая пропустивши одного только свата, захлопывается передъ остальными. Вотъ наиболѣе интересная изъ пѣвѣстныхъ мнѣ рѣчь свата (изъ рукописи Мицкевича): «прежде всего воздаю славу Господу Богу, Творцу неба и земли, и всей Пресвятой Троицѣ, и этого дома основателю и основательницѣ, отцу, матери, господину старшему и госпожѣ свахѣ и всей этой бесѣдѣ, упрошенной, а не списанной. А мы странники изъ города, идемъ въ мѣсто приглашенные, къ зеленой рутѣ, нареченной тѣмъ юнымъ юношей, зеленымъ Божиимъ деревцомъ, и отцомъ его и матерью того, кто хочетъ сорвать зеленую руту. Вотъ ужъ триста лѣтъ, какъ мы странствуемъ, если итти днемъ и ночью, безъ передышки; прошли мы лѣсъ, словно камышъ: блуждали мы въ немъ день и ночь, много неприятелей въ той пушчѣ оставили, изъ двухъ тысячъ едва восемь остались; великое число нашихъ братьевъ было, безъ малаго—все погибли. Какъ только выѣхали мы изъ своего мѣстечка, ѣхали мы, блуждали цѣлую ночь, въѣхали въ славное большое мѣстечко, въ которомъ, какъ рута зеленая, барышня живетъ; но вотъ заблудились, не можемъ отыскать, будьте добры намъ путь указать. Мы не знаемъ, можетъ быть, это и есть то самое мѣсто, куда намъ тѣмъ юнымъ юношей, зеленымъ Божиимъ деревцомъ, скакать приказано. Потому спрашиваю я васъ безъ шутокъ: вѣдь вы видите, что у насъ голова закружилась, не отъ пьянства трясутся у насъ ноги, отъ страха, что среди темной ночи нѣтъ ни знака дороги; съ горами великимъ мы сюда пришли, чуть смерти въ томъ лѣсу не нашли. Много мы вытерпѣли въ той пустынѣ, дайте же, прошу васъ покорно, намъ ночлегъ; недолго мы пробудемъ, недолго прогостимъ, всего девять мѣсяцевъ, покуда отдохнемъ. На ногахъ мы не тверды, съ ногъ валится; не браните насъ, какъ пьяныхъ; вотъ ужъ восьмой день, какъ не видѣли мы корочки хлѣба; трудно намъ такую бѣду терпѣть, еле на ногахъ можемъ стоять. Остановились мы среди пустыни, говоримъ между собою: «пришли мы къ концу пути, нѣтъ спасенья, всѣхъ смерть валитъ». Если бы началъ я вамъ все несчастія и бѣды рассказывать, никто изъ васъ не могъ бы отъ слезъ удержаться: какъ бобы, потекли бы у васъ слезы по лицу и по пяткамъ. Какъ только мы изъ дому въ путь пустились, тотчасъ въ великія пустыни углубились; по чащѣ лѣса и выскакать нельзя: дерево отъ дерева на цѣлую милю, а верхушки деревьевъ коней за ноздри хватаютъ. Потомъ поднялся великій вѣтеръ и штормъ, цѣлую ночь какъ изъ ведра дождь лилъ; вотъ давай-мы по пустынѣ бѣгать, большого дерева искать; нашли огромную разросшуюся ель, вотъ подлѣзали, все еще на половину видно. Съ полночи дождь пересталъ, другая бѣда встала: какъ стало отъ жару жечь, въ дрожь кинуло насъ всѣхъ, мы ужъ думали, что намъ и не стерпѣть. Слава Богу, начало разсвѣтать, а никто изъ нашего общества топора не имѣлъ; негдѣ достать топора: поѣхали мы черезъ лѣсъ, чащу лѣсную, высоту древесную; вершины коней ужъ за подбрюшину хватаютъ. Черезъ шесть дней выѣхали мы на волю—на просторъ, кони притомились, на дугу остановились; чудеснѣйшая трава, именно паръ взбороненный, на которомъ бороновала огромная толпа народу; насъ они выбрали, а коней нашихъ забрали; ужъ мы не знали, куда намъ и дѣваться; пошли мы, что еще остались, пѣши около коней, слезы стали по лицу на землю катиться. Потомъ пріѣхали мы къ морю—страшно взглянуть: широта въ полъаршина, а глубина-то пѣтуху до колѣнъ; долго намъ тутъ пришлось ожидать, чтобы какъ-нибудь вышло такъ, чтобы не такъ глубоко было намъ переходить; сказали товарищи: «нечего намъ здѣсь долго ждать, примемся море переплывать!» Какъ только мы начали плыть, глядь—пятьсотъ человекъ захлебнулись; какъ начали шлепать отъ моря, пришли къ горѣ—страшно смотрѣть: величина—и не выскажешь, а вышина

и длина—безъ малаго полъ-аршина, а на той сторонѣ горы муху видно, а гора-то вся деревьями обросла такими прямыми, какъ свиная острая щетина. Говорятъ товарищи: «чего намъ у этой горы долго ждать, попробуемъ мы ее сломать!»). Какъ начали мы гору ломать—глядь, тысяча человѣкъ съ той горы обрушилась, но то были все люди, что тамъ жили, а изъ нашихъ никто не погибъ, потому что все отборные люди были: такіе воинственные, какъ Давидъ, мудрые, какъ Соломонъ, сильные, какъ Самсонъ. Разказалъ я вамъ о лѣсной величинѣ, о горной вышинѣ и крѣпости: вотъ ужъ 300 лѣтъ, какъ мы странствуемъ, а нигдѣ безлѣснаго пути не находили: клены и дубы и ясени, какъ гнилушки, мы съ корнемъ вырывали, горы покидали разваленными, а подгорья сравненными; да и въ концѣ нашего пути не мало силы мы должны были положить: встрѣтили мы великое множество бунтовщиковъ; было имъ запрещено дома ночевать, а когда мы ихъ увидѣли, они бунтовали, въ рукахъ дубины держали. Они хотѣли насъ завоевать и спокойно себѣ ночевать, но мы этого не позволили: пусть они съ нами здѣсь позабавятся. Прошу поэтому: будьте такъ добры, дайте намъ ночлегу, не гоните дальше: мы не долго будемъ, не долго прогостимъ: только девять мѣсяцевъ, пока отдохнемъ; просимъ у васъ скамью и бѣлый столъ уступить, льнянымъ цвѣтомъ покрыть, святой свѣчкой освѣтить; просимъ два пуда масла, и пива хоть двѣнадцать бочекъ, хлѣба блага пшеничнаго: просимъ, чтобы было намъ дано краснаго молока, чтобы старухи напились, лобъ наморщили, пару быковъ откормленных, гусей десятокъ выдѣть на нашъ малый полкъ; дайте нашимъ конямъ стойло, и овса и зеленаго сѣна, анамъ дайте по мягкой постели, а рядомъ каждому по барышнѣ, а, если молодыхъ не достанете, такъ хоть старыхъ не пожалѣйте, хоть съ двумя зубами, какъ клыками, только чтобы не охали, чтобы уснувши покою дали. Голову склоняю, рѣчь кончаю; карманы прорывались, слова Божьи просыпались. Не я одинъ виноватъ и портной виноватъ: чего карманы не зашилъ; далъ я сапожнику зашить: какъ онъ принялся нглой водить, такъ всѣ мои лучшія словечки и выковырялъ».

Вариантъ этой ораціи настолько любопытенъ, что я приведу нѣсколько мѣстъ изъ него: Svt. 24—25: «Отъ начала свѣта была земля безъ короли. Съѣзжалось двѣнадцать королей, думали они день и ночь, какъ нужно королевича обвѣнчать, какъ выбрать ему богобоязненную, людей стыдящуюся королеву. Дали ему войска 12 тысячъ воиновъ. Были у нихъ кони осѣданные, уздою взузданные. Куда они ѣхали, тамъ были заборы не загорожены, ворота не запорты, двери не затворены, лавки не заняты, столы убраны ячменной кровью на столѣ, пшеничнымъ колосомъ на концѣ» и далѣе: «когда мы ѣхали съ востока на западъ, день и ночь мы спотыкались, глубокія рѣки переходили, высокія горы перелѣзали и долѣзли до дерева оливы. На томъ деревѣ защebetала прекрасная пташка. Но то не пташка защebetала, а Господь на небесахъ проговорилъ такими словами слугамъ своимъ: «вотъ поѣзжайте по той лѣсной моей просьбѣ, по дорогѣ сдѣланной» и т. д.

Судя по известнымъ мнѣ вариантамъ, я думаю, что въ этомъ родѣ орацій мы находимъ одинъ въ разказѣ, народію на одну сказку, которая впоследствии расчленилась и перестала пониматься какъ одна. Молодецъ-богатырь ищетъ красавицу, на пути совершая подвиги. Передъ нами какъ будто народію на рыцарскій романъ, давно окресъпявшийся. Онъ встрѣчается и въ краткихъ эпизодахъ другихъ орацій, напр. въ рѣчи при подачѣ вѣнка (по сборнику Мицкевича): «вотъ пошелъ юный молодецъ со слугой своимъ вѣрнѣйшимъ и покорнѣйшимъ черезъ лѣсъ зеленый и увидѣлъ онъ въ томъ зеленомъ лѣсу лавандовый садикъ, въ томъ лавандовомъ садикѣ винное дерево, на томъ деревѣ золотой стуликъ, на томъ стуликѣ пташка щebetала: то самъ Господь, царь небесный, говорилъ со слугою своимъ» и т. п.

Не буду долго останавливаться на мистическомъ значеніи оливы и виннаго дерева (vûnmedis), о которомъ въ одной пѣснѣ поется: «кричать и щebetуть

1) Великаны—ломатели горъ часто встрѣчаются въ латышскихъ народныхъ сказкахъ.

пташки на вѣткахъ вишняго дерева» ¹⁾; мнѣ хочется указать, какъ по народному представленію Богъ, усердно отыскиваемый въ своемъ царствѣ юношей, принимаетъ непосредственное участіе въ его свадьбѣ. Этимъ дѣломъ мнѣ удалось записать отъ 90-лѣтняго старика сказку съ тѣми же символами: простой незнатный человекъ хочетъ жениться на царской дочери, и царь даетъ свое согласіе, если онъ принесетъ грамоту отъ самого Бога. Послѣ долгихъ приключеній юноша приходитъ въ царствіе Божіе, гдѣ старичекъ, сидящій въ свѣтлѣхъ у столпа, подалъ ему разрѣшеніе, писанное золотыми буквами, о приключеніяхъ юноши, который отправляется то къ Богу, то къ дьяволу. существуетъ и латышская сказка. См. напримѣръ «Bagatais Mārtiņš» въ Ielgavas... Rakstu krājums. III. Ielgavā. 1893. стр. 23—28.

Теперь передъ нами рѣчь, въ которую народъ вложилъ все свое уваженіе къ чистотѣ дѣвушки. Такъ какъ это чувство въ значительной степени выросло на почвѣ католицизма, то и въ ораціи этой вмѣсто сказочнаго элемента мы находимъ большую примѣсь католическихъ легендъ, апокрифическихъ сказаній, духовныхъ нѣсенъ. Прежде всего приведу одну изъ самыхъ краткихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтическихъ орацій: Svġ. 95—96 «Миръ входящій, радость здѣсь живущій! Прежде всего склоняю голову свою передъ Господомъ Богомъ, Творцомъ неба и земли, и этими любезными лицами, собраніе которыхъ я вижу здѣсь, и всего низжайше и покорнѣйше передъ тобой, дѣва юная! Нѣтъ дня счастливѣе, чѣмъ сегодняшній день. Какъ роза или лилія прекрасна ты, юная дѣва. Наши прадѣды, дѣлая вѣнки изъ золота, перловъ и дорогихъ діамантовъ, свидѣтельствовали этимъ о чистотѣ дѣвицы; если кто не имѣлъ болѣе дорогихъ прекрасныхъ вещей, долженъ былъ приносить вѣточку съ дерева; такъ и я сегодня долженъ былъ идти въ этотъ привѣтный рутовый садикъ, въ которомъ выросла рута, выросла, разрослась, чистѣйшимъ цвѣтомъ разцвѣла, райскимъ благоуханіемъ запахла; вотъ держу я изъ этой руты свитый зеленый вѣночекъ, которымъ покрываю я тебя, какъ облакомъ, на который указываю я тебѣ, какъ на солнце. Какъ прекрасенъ онъ на видъ, такъ легокъ для ношенія. Идешь черезъ меня—служу своего—этотъ юноша названный и прославленный Іонайтисомъ къ этой добродѣтельной дѣвицѣ Барбале подарки дѣвическіе: не золото, не перлы, не дорогіе діаманты, а только этотъ зеленый рутовый вѣночекъ, который она заслужила не множествомъ воиска, не крѣпостію стѣнъ, не шумомъ оружія, не отважностью воиновъ, но прекраснѣйшимъ качествомъ дѣвчества своего. Вотъ и я могу поздравить эту прекраснѣйшую дѣву такими словами: живи сто лѣтъ, въ радости считай эти жемчужные дни. Чистая дѣва, честно и благопристойно выносила ты этотъ вѣнокъ, и теперь въ церкви у алтара ты отдашь его. Ты сможешь получить у Господа поясъ небесный, но уже не вернешь жизни своей. Счастливы годы, когда я достала этотъ привѣтный рутовый вѣночекъ, что дороже золота, перловъ и важнѣе драгоцѣнныхъ діамантовъ. Прошу, чистая и прекрасная дѣва, взять его изъ довѣренныхъ рукъ моихъ въ бѣлыя руки свои, и надѣть на голову свою; когда надѣнешь, проси у Бога счастливой жизни, а послѣ жизни царствія небеснаго». Мы должны отмѣтить теперь вставные элементы этой ораціи. Прежде всего сказаніе о Соломонѣ. Въ приведенной рѣчи сказано о невозможности вернуть прошлой жизни, годовъ дѣвчества; варианты добавляюгъ, что это невозможно такъ же, какъ было невозможно предпріятіе Соломона: «такъ и царь Соломонъ, царь царей, желая узнать небесную вышину, морскую глубину, занялъ крылья у птицы грифа, но они опалились отъ солнечныхъ лучей и упалъ онъ на землю, не достигнувъ небесной вышины, морской глубины» (сборникъ Мицкевича). Тотъ же образъ находится, по видимому въ сербскихъ народныхъ сказкахъ; по крайней мѣрѣ, г. Пыпинъ (Исторія славянскихъ литературъ. Томъ I. Спб. 1879. стр. 62) упоминаетъ о южно-славянскихъ сказочныхъ преданіяхъ, которыя приписываютъ Соломону полетъ на грифахъ (ср. также А. Веселовскаго. Изъ исторіи литературнаго общенія Востока и Запада.

¹⁾ Bezzenberger. Litauische Forschungen. Göttingen. 1882. № 35, стр. 20.

Слб. 1872, стр 213, прим. 2). Къ католическимъ же апокрифамъ, можетъ быть, нужно отнести эпизодъ о коронѣ Богоматери: «такъ и Мать Пресвятая была увѣнчана короной изъ двѣнадцати звѣздъ сплетенной, лиліями украшенной» (ibid). Католическая легенда видна, можетъ быть, и въ сказаніи о времени, когда разцвѣтаетъ рута: «эта зеленая рута въ калядское утро рано выросла, въ утро Велика Дня радостно процвѣла» (ibid), съ чѣмъ нужно сравнить одну пѣсенку (Juškov. Liet. Dajņ. № 1469): «Господь Іисусъ скакаль, всѣ радостно пѣльн, а въ Великое утро лиліи процвѣла»; у католиковъ, насколько мнѣ извѣстно, подобное поется про розу. Наконецъ сравненіе чистой дѣвницы съ св. Агнессой, Маргаритой и т. д., которое я нашелъ въ рукописномъ сборникѣ Зыкуса, ведетъ свое происхожденіе отсюда же. Остается отмѣтить отношеніе ораціи къ духовной пѣснѣ; въ одномъ вариантѣ (Svг. 94) мы находимъ: «какъ радуются сердечки юныхъ дѣвъ, гуляющихъ въ саду, когда весной вырастаетъ и распускаются лиліи... но какъ скоро онѣ теряютъ свою красоту и чистоту, когда захватитъ ихъ морозъ» и т. д. Сравнимъ съ этимъ искусственную пѣсню, записанную въ Полангенѣ въ этомъ году: «Въ серединѣ лѣта цвѣтеть много растений и душистыхъ цвѣтвъ. О, что за разцвѣтъ, что за благоуханіе этихъ растений на лугу! Но приходитъ юноша съ косой, срѣзаетъ растеніе. О, что за увяданіе, что за гибель ихъ, этихъ душистыхъ цвѣтвъ. О, юныя дѣвы, если вы будете добраго нрава (—моды), никто не отниметъ у васъ ни добродѣтели, ни состоянія дѣвчества»¹⁾.

Наконецъ мы находимъ въ этой ораціи элементъ совершенно неожиданный, языческій. Я говорю о литовскомъ божкѣ Лаймѣ (Svг. 93): «Еслибы Лайма опредѣлила мнѣ указать тѣ пути и тропинки, по которымъ я могъ бы попасть въ этотъ прѣлѣтный садикъ зеленой руты и принести отсюда зеленый рутыный вѣночекъ». Лайма,—указательница пути, исконное балтійское мифическое существо: мы имѣемъ цѣлый рядъ латышскихъ пѣсней, въ которыхъ ясно выступаетъ эта роль Лаймы²⁾: въ золотомъ ручьѣ, рассказывается, въ нихъ, купаются три Лаймы, изъ которыхъ одна говоритъ сироткѣ, какъ ей пройтѣ къ могилѣ матери. Такъ слились въ одной ораціи самые разнообразныя элементы.

Къ свадебнымъ рѣчамъ причисляется народомъ, обыкновенно, декретъ о повѣшеніи свата. На этомъ оригинальномъ обрядѣ мы должны остановиться нѣсколько болѣе. Какъ я имѣлъ уже случай сказать, свать въ литовской свадьбѣ играетъ чрезвычайно большую роль: это представитель жениха, заступитель его во всѣхъ нехристианскихъ обрядахъ, намевающихъ на увозъ и покупку невесты. Только этимъ можно объяснить то ожесточеніе, съ которымъ невеста осыпаетъ его самыми обидными словами, самыми язвительными насмѣшками, почему его вѣчно преслѣдуетъ вся родня, всѣ побѣзжане невесты. Впослѣдствіи къ образу свата—жениха—покупщика и увозчика присоединились позидѣйшія черты: свать уже не является лицомъ, на котораго перенесенъ образъ языческаго жениха, несовѣстный съ образомъ жениха христіанскаго; свать становится лицомъ самостоятельнымъ, приближеннымъ къ жениху, его довереннымъ; ему приходится всячески лгать, чтобы заслужить одобреніе жениха; онъ долженъ осматривать все достоинство невесты. «Это ужъ дѣло лжеца-свата, что пришлось показать все имущество», говоритъ одна пѣсня³⁾. «Лгунъ мошенникъ-свать», говоритъ другая пѣсня (сборн. г. Довойна-Сильвестровича. № 21): «въ славное мѣсто ты меня высваталъ; говорилъ: на горѣ рожь, подъ горою пшеница. Неправда: на горѣ метелка, и подъ горой одинъ рѣпей. Говорилъ: каменный дворъ, хрустальныя окна. Какъ пришла я молодая ничего добраго не нашла. Ахъ ты лгунъ-мошенникъ, свать, дамъ я тебѣ подарочки: стволъ сосенки да березовый галстучекъ»⁴⁾.

¹⁾ Сборникъ М. Довойна-Сильвестровича, въ «Живой Старинѣ», IV вып. 1893 г., гдѣ указаны и варианты.

²⁾ Mūsū Tautas Dzēsma... Aronņ Matīsa Rīgā. 1838. №№ 215, 217.

³⁾ Рукописный сборникъ Бурбы, принадлежащій Импер. Русскому Географическому Обществу, пѣсня № 2.

⁴⁾ Ср. JsvD. 763—766, 784, 811, 813. LB. № 4 (изъ сборника Бругмана).

Тутъ ужъ невѣста собирается мстить, но ся месть является не насиліемъ, но актомъ правосудія за покражу живаго человѣка. Выпрается и наряжается особеннымъ образомъ судья, которому поручается разсмотрѣть, какъ и гдѣ казнить злодѣя. Понятное дѣло, что штры предлагаются шуточными: посадить въ сарай, и черезъ стѣну забодать ножкой гриба, или на теплой печкѣ заморозить и т. п. Народное остроуміе въ полномъ ходу при опредѣленіи времени, когда выданъ декретъ королемъ Жигитой (т. е. Сигизмундомъ?): это было тогда, когда желѣзноклювы по землѣ летали и гдѣ, не нужно, темными глазами черезъ щелку смотрѣли; когда волкъ съ козой свадьбу справляли, барсукъ поварюкъ былъ, а воробей сватомъ; сорока пиво варила и т. д., во вкусѣ столь любимыхъ литовцами несообразностей ¹⁾). Затѣмъ сообщается о рожденіи самого героя— свата. Онъ явился на свѣтъ чудеснымъ образомъ: волкъ, роя лапами яму, вышнѣ его изъ пня; онъ былъ такъ малъ, какъ снопикъ бобовъ, но онъ уже былъ лжецомъ и дикимъ воромъ (дн-кй-дўкас—въ смыслѣ праздниій, въ старорусс. значеніи) ²⁾). Мальчикъ схватилъ за хвостъ волка, который со страху пустился бѣжать, но въ одной деревнѣ мальчикъ оторвался вмѣстѣ съ волчьимъ хвостомъ, выросъ въ кустахъ у деревни и сталъ великимъ лгуномъ и воромъ. Вотъ онъ приходитъ сватомъ и начинаетъ описывать дѣвухѣ богатство жениха: у него де сыромъ мосты мощены, пруды молочные, колодцы сметанные, колья сеledзвми утыканы, заборы колбасные и т. д.; на дѣлѣ оказалось совсѣмъ иное. Поймали лгуна и казнить. Его замѣняетъ, конечно, кукла, сдѣланная изъ соломы, но кое-какія черты, сохранившіяся въ этомъ обрядѣ, указываютъ на то, какъ несладка была участь пойманнаго жениха. — На этомъ повѣшеніи свата литовская свадьба кончается.

Мнѣ остается еще коснуться вопроса о хронологіи орацій. Можно-ли ихъ считать только бадагурствомъ, или же онѣ восходятъ къ отдаленному прошлому и имѣютъ дѣйствительную почву? Если нельзя указать прямого или близкаго источника, откуда заимствованъ, напримѣръ, рассказъ о странствованіи жениха, а можно только указать соответствующія темы въ другихъ народныхъ поэзіяхъ, то здѣсь и просто одинаковыя явленія могли вызвать одинаковыя слѣдствія: описание женихова путешествія можетъ быть воспоминаніемъ, пародіей на воспоминаніе, обратившееся уже въ сказку, дѣйствительныхъ опасностей, связанныхъ съ путешествіемъ и похищеніемъ невѣсты. Еще менѣе походить на простую забаву повѣшеніе свата, потому именно, что тотъ же образъ дѣвухи, прельщенной необыкновенными богатствами жениха, мы находимъ въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ, гдѣ личность свата замѣнена то самимъ женихомъ, то, что еще болѣе важно, казаками, похитившими дѣвухку, — пѣсенъ, гдѣ тонъ уже изъ шутливаго переходитъ въ серьезный и изложеніе становится драматичнымъ; такъ какъ, кромѣ того, и другіе обряды литовской свадьбы указываютъ на похищеніе (это—препятствія, оказываемыя жениху около дома невѣсты, поиски невѣсты подъ простыней и т. п.), то я думаю, вѣроятнѣе видѣть здѣсь опять таки переживаніе дѣйствительности.

На этомъ я оканчиваю свой очеркъ. Если мнѣ пришлось указать слишкомъ мало образовъ, найти слишкомъ мало подтвержденія вышеизложенной мысли о національномъ творествѣ въ другихъ отрасляхъ народной литовской поэзіи, то при современномъ состояніи литовской этнографіи, когда громадный безпорядочно изданный матеріалъ лишень малѣйшаго освѣщенія, я не могъ сдѣлать ничего большаго. Можно только надѣяться, что недавно возникшая литовско-латышская коммиссія прольетъ нѣкоторый свѣтъ въ эту, до сихъ поръ такую темную, область.

А. Погдинъ.

1) Ср. JsvD. 31, 285, 829, 904—906, 935, 963, 999, 1097. J. 559, 968.

2) Эта сказка несомнѣнно родственна съ одною латышскою сказкою, существующею и въ русскомъ переводѣ г. Трейланда. Сборникъ матеріаловъ по этнографіи, издаваемый при Дашковскомъ этнографическомъ музее. Выпускъ II. Москва. 1887, стр. 160—161 Литовскіе варианты въ «Littanische Chrestomatie» Якоби.

О свадебныхъ обычаяхъ въ селѣ Корбанѣ, Кадниковскаго уѣзда Вологодской губерніи.

Намъ сообщили недавно нѣсколько данныхъ касательно свадебныхъ обычаевъ въ с. Корбанѣ, Кадниковскаго уѣзда. Такъ какъ нѣкоторые изъ этихъ обычаевъ довольно интересны, то мы и считаемъ не лишнимъ подѣлиться ими съ читателями.

«Я пришелъ на дѣвичникъ, сообщаетъ намъ очевидецъ, довольно поздно и много видѣть не могъ. Когда я вошелъ въ избу, въ переднемъ красномъ углу сидѣла «сговорѣнка». Последняя одѣта была въ грубую холщевую рубаху и сарафанъ, сарафанъ держался только на одной верхней пуговицѣ и проймахъ, пояса не было; на ногахъ «сговорѣнки» были надѣты лапти на босу ногу, а на головѣ кокошникъ, прикрытый сверху платкомъ, въ косѣ завита была алая лента. Рядомъ съ невѣстой сидитъ «плакуша». Плакуша начинаетъ на распѣвъ слова причета, невѣста подхватываетъ и низко всѣмъ кланяется. Въ избѣ была толпа парней и дѣвушекъ. Привожу здѣсь буквально слова причета.

Ужъ я щѣ же засидѣлася,
На ково я заглядѣлася,
Какихъ басенъ заслушалась —
У подружекъ голубушекъ,
У сестеръ бѣлыхъ лебедушекъ.
Ужъ какъ мои ти подруженьки
Веселы сидятъ.
И радощны онѣ шуточки шутятъ,
Они дворочки—дворятъ.
Ужъ какъ мнѣ горе горькобей
Шутка—дворя на умъ нейдѣтъ.
Крушинушка съ ума нейдѣтъ.
И нейдѣтъ съ ума съ разума.
На часокъ на жалешенекъ,
На одну-ту минуточку.
На дворѣ день разсвѣтается,
Матка заря знаменается
Со лучами со ясными,
Со морозами холодными.
Мнѣ пора горе горькобей
Можно знать можно вѣдати.
Не течетъ солнцѣ по лѣтнему,
Не обогрѣтъ по снѣжинному.

Такъ я ждала дожидалася
Батюшкина покликанычча,
Матушкина побужанышка.
Не покликаетъ сударь батюшко,
Не побужаетъ родимая матушка
Меня горе горькоу,
Не наряжаетъ меня тетушка
На какіе работушки;
Не посылаетъ по дровчя по березовѣ,
По водичу по клюдевую.
Тамъ она ходитъ обряжаетчя
Да и ходитъ по малехоньку
Говоритъ то потихошеньку,
Не разбудитъ що бы мнѣ
Люба племятка.
Она ходитъ обрежаетчя,
За небеса хватаетчя.
Она какъ первый разъ побудила,
Одіяльчемъ закутала,
А въ третѣй разъ побудила.
Ты ставай мое племятко
И чеспи буйну голову».

Когда причетъ окончился, началось «красованье». Невѣсту посадили на нарочно принесенную для этой цѣли ступу, покрыли одѣломъ, а сверху салфеткой и оставили въ избѣ одну. Въ избѣ никого съ невѣстой не было. Такъ сидѣла невѣста около часу, послѣ чего подружки невѣсты, столпившись у окна, загляли «баню», пропѣвъ ее, подъ окномъ онѣ ворвались въ избу и стали пѣть въ избѣ. Помѣщаемъ здѣсь слова той пѣсни.

Ужь я ходила горе горькая
 На мосты на калиновыѣ,
 Со мостовъ со калиновыхъ
 Кругъ дверей увиваючя,
 За скобью принимаючя,†
 Отворю двери на пята,
 Я на правую рученьку.
 Я вступлю молодехонька
 На кирпичиу средю,
 Со кирпичныѣ среды
 На подъ край дубови пола,
 Подъ красное окошечкѣ,
 Можно ли въ очи увѣдти,
 Свою подружку голубушкю.
 Какое дѣло перѣдила,
 Какую службу наипнула,
 Этой мы дѣло сдѣтали,
 Этуя мы службу сослужили.
 Мы сходили же, подруженька,
 Ко кузнечамъ, да ко мастерамъ,
 Мы свовали же, подруженька,
 По топору себѣ по остроу,
 Мы сходили же, подруженька,
 Во тѣса мы во темныѣ,
 Во дубровушки зеленныѣ,

Мы срубили же подруженька,
 По бреветку по сосновому,
 По другому по еловому,
 Какъ и наша тепла парутка (баня)
 По сыру пору рушена,
 Вожена на красѣ,
 Катана на бѣлыхъ коняхъ.
 Она поставлена на путѣ,
 Она поставлена на путѣ, да на доро-
 женькѣ,

На красивоемъ мѣстечкѣ,
 На крутомъ, красномъ бережкѣ;
 Какъ у нашей у паруши
 Плотнички были московскіѣ,
 Работнички петербургскіѣ.
 Щю у нашей паруши
 Трои дверецки стевольчатыѣ,
 Три окошечка косечатыѣ...
 На первомъ на окошечкѣ
 Лежитъ брусъ мыла изъ Костромы,
 На другомъ то на окошечкѣ
 Стоитъ бѣлилѣ ту бѣлилничя.
 И мазилѣ ту мазильничя,
 На третьемъ на окошечкѣ
 Лежитъ дивичья красота.

Прочтѣвъ эту пѣсню, дѣвушки повели невѣсту по общепринятому обычаю въ баню, тѣмъ и закончился дѣвшиникъ.

На слѣдующій день холостые ребята, товарищи жиниха, «пропивали» жениха, т. е. устроили безобразную повальную попойку. Перепившись повели пьянаго жениха къ невѣстиной избѣ. Невѣсту вывели подруги ея изъ избы, послѣ чего послѣдняя бросилась бѣжать въ поле. Женихъ долженъ былъ изловить невѣсту. Когда жениху удалось поймать невѣсту, и жениха и невѣсту отвели въ невѣстину избу и оставили ихъ на нѣсколько минутъ однихъ въ двоимъ въ избѣ. Черезъ нѣсколько минутъ женихъ вышелъ къ молодежи, стоявшей въ сѣняхъ и объявилъ присутствующимъ, что завтра у него будетъ свадьба и что онъ проситъ всѣхъ къ себѣ «на пиръ на свадьбу».

Послѣ этого присутствовавшіе разошлись, остались только подруги невѣсты.

Къ несчастью, очевидецъ не сообщаетъ намъ конца свадебнаго ритуала. Тѣмъ не менѣе и въ сообщенныхъ нами обычаяхъ нельзя не видѣть остатковъ глубокой старины. Напр. ловля женихомъ невѣсты не есть ли это остатокъ прежняго «умыканія» невѣсты?...

Приведенныя выше свѣдѣнія сообщены намъ бывшимъ нашимъ воспитанникомъ, нынѣ сельскимъ жителемъ Василиемъ Михайловичемъ Битоцкимъ; сообщены въ апрѣлѣ мѣсяцѣ текущаго года. Изъ сообщеній г. Битоцкаго видно, что мѣстность, гдѣ находится с. Корбанка, отличается множествомъ старинныхъ своеобразныхъ обычаевъ среди мѣстнаго населенія.

А. Баловъ.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библиографія.

Свѣдѣнія о литовскихъ рукописяхъ.

Нѣсколько лѣтъ занимааясь собираніемъ библиографическихъ матеріаловъ для географіи, этнографіи и статистики Литвы, я не упустилъ изъ виду печатный библиографическій матеріалъ по литовскомъ языкѣ, который составилъ въ моемъ сборникѣ библиографическихъ матеріаловъ VI отдѣлъ, именно «литературу литовскаго языка». Сколько мнѣ было доступно, я во все это время собиралъ библиографическія свѣдѣнія и о рукописяхъ по изученію литовскаго языка и письменности. Но эти свѣдѣнія не были внесены въ сборникъ библиографическихъ матеріаловъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ словарей, какъ то Юшкевича, Межиниса и др. потому что не имѣлось точныхъ свѣдѣній о самихъ рукописяхъ. Въ послѣднее время мнѣ удалось немногими пополнить этотъ матеріалъ, благодаря любезности гг. Довойно-Сильвестровича, П. Краучунаса и др., сообщившихъ нѣкоторыя свѣдѣнія о рукописяхъ, именно о рукописяхъ Побрежи и Ивинскаго. Но тѣмъ не менѣе, предлагаемыя библиографическія свѣдѣнія о литовскихъ рукописяхъ, можетъ быть покажутся сомнительными и далеко не полными, такъ какъ они составлены не по самымъ рукописямъ, а извлечены изъ разныхъ сочиненій, сообщающихъ свѣдѣнія о литовцахъ, ихъ жизни, языкѣ и письменности.

Фойгтъ, историкъ Пруссіи (Voigt, Geschichte d. Preussen, I, p. 258), рассказываетъ въ своей исторіи, что папскій легатъ Вильгельмъ графъ Савойскій, епископъ Моденскій, жилъ въ Пруссіи около 1223 года и, изучивъ литовскій языкъ, перевелъ на литовскій языкъ грамматику Доната, и что эта рукопись въ ватиканской библиотекѣ могла быть хранима. Объ этой рукописи говоритъ Тунманъ (Thunmann. Untersuchungen. p. 217 и 241). (Krause Litt. p. 134. Jaroszewicz. Obraz Lit. I, p. 225).

Мацѣвскій въ своемъ трудѣ „Литовскіе Евреи“ на стр. 40 упомянулъ, что великій князь литовскій Витовтъ далъ литовскимъ евреямъ въ Лудкѣ въ 1388 г. привиллегію, которую можно найти въ сборникѣ Дзялынскаго (Zbiór praw litewskich. Pozn. 1841). Эта грамота была писана по русски, но евреи, именно троцкіе, перевели ее на литовскій языкъ. разумѣется потому, чтобы литовцамъ было понятно, какія права далъ князь евреямъ. Такъ какъ въ указанномъ сборникѣ нѣтъ литовскаго текста, то надо полагать, что литовскій переводъ этой грамоты остался въ рукописи въ какомъ либо архивѣ.

Болѣе точныя свѣдѣнія имѣемъ о слѣдующихъ рукописяхъ.

Августинъ Ямундъ, пасторъ въ Рагнитѣ, переводилъ на литовскій языкъ Новый Заветъ, но смерть, послѣдовавшая въ 1576 году, не позволила окончить этотъ переводъ. (Rhesa, Gesch. Lit. Bib. p. 7.—Dzienn. Wil. 1824 I p. 382).

Бреткунасъ Юаннъ пасторъ въ Кенигсбергѣ съ 1587 по 1602 гг. началъ переводить Новый Заветъ въ 1579 г., живя въ Лабявѣ и окончилъ въ 1580 г., а въ 1585 г. сталъ переводить Ветхій Заветъ и въ 1590 г. кончилъ переводъ, и такимъ образомъ вся библія была переведена на литовскій языкъ подъ такимъ заглавіемъ: «Biblia tatai esti wisas szwentas gaszas lietuwiszkai pergulditas per. Jona Bretkuna 1590 m.». Эта рукопись состоитъ изъ 8 томовъ: 5 томовъ ветхаго завета въ листъ и 3 тома новаго завета 4°. Эти рукописи приобрѣтены для библіотеки маркграфа Прусскаго въ 1599 году 14 февраля въ Кенигсбергѣ. (Rhesa. Gesch. Lit. Bib. p. 7).

Иванъ Яхновичъ (іезуитъ) написалъ литовскую грамматику около 1660 года. По мнѣнію г. Краузе, эта рукопись въ библіотекѣ Ягеллонскаго университета въ Краковѣ. Яхновичъ род. 1589 г., умеръ въ 1668 г. въ Вильнѣ. (Краузе Litt. p. 135, Rhesa Prutena p. 74).

Преторіусъ Фридрихъ (пасторъ) въ Жиляхъ съ 1646 по 1695 г. составилъ словарь литовско-нѣмецкій, написалъ катехизисъ на литовскомъ языкѣ въ вопросахъ и отвѣтахъ. Всѣ рукописи Преторіуса потеряны послѣ его смерти. (Краузе p. 137).

Перкусъ Яковъ пасторъ въ Вальтеркемахъ съ 1640 по 1707 года составилъ литовскій словарь, который послѣ его смерти потерянь. (Краузе p. 137).

Гуртекусъ или Гуртелиусъ (Hurtelius Johann 1660), сотрудникъ Клейна при исправленіи духовныхъ пѣсень, составилъ, литовскій словарь, который послѣ смерти Гуртелиуса тоже потерянь. (Leppner, p. 115; Ostermayer Lieder Gesch. p. 153; Mitt. L. L. S. I p. 269).

Шульценъ Теофиль (Schultzen Theophil) пасторъ въ Катенавѣ съ 1662 по 1673 г. написалъ словарь «Deutsch-litauisches Wörterbuch». Шульценъ получилъ порученіе написать литовско-нѣмецкій словарь и учебникъ литовскаго языка, а при участіи Мюллера архипастора въ Ивстербургѣ этотъ заказъ, отчасти былъ исполненъ, но смерть Шульцена помѣшала исполнить окончательно эти заказы. Рукопись словаря вѣроятно въ тайномъ архивѣ въ Кенигсбергѣ, и, какъ полагаетъ профессоръ Нессельманъ, въ числѣ трехъ анонимныхъ словарей, хранящихся въ архивѣ.

Бродовскій Яковъ. Lexicon.-Lithuanico-Germanicum et Germanico-Lithuanicum ч. я. w. Jacobo Brodowski Praeceptore Trempensi 1713—1744. f. Литовско-нѣмецкая часть этого словаря обработана по словарю (Наак) Гака, 461 стр; нѣмецко-литовская часть обработана съ большимъ прилежаніемъ, но въ сожалѣнію не полная, начинается словомъ «Abtilgen» стр. 39 и заканчивается словомъ «Scharwerk» стр. 1050. Рукопись въ тайномъ архивѣ въ Кенигсбергѣ. № 127 и 128. (Nesselmann. Wörterbuch, предвсловіе).

Словарь: Deutsch-Litauisches Wörterbuch in zwei Quartanten. 4°. 1226 и 1184.

Кромѣ этого, существуютъ еще три анонимныхъ нѣмецко-литовскихъ словаря, одинъ старый и два новыхъ. Каждый изъ этихъ словарей составляетъ толстый кварталъ. Старый словарь, какъ полагаетъ Нессельманъ, долженъ быть Шульцена или Преторіуса. Рукописи въ тайномъ архивѣ въ Кенигсбергѣ. (Nesselmann. Wörterb., пред.).

Лизіусъ Генрихъ. Lysius Henrich D-g. Der kleine Katechismus D. M. Lutheri, Deutsch und Litanisch 1719. Рукопись въ библіотекѣ Литовскаго Литературнаго Общества Этотъ катехизисъ былъ напечатанъ въ Кенигсбергѣ въ 1719 г.

Шмельфельдигъ пасторъ въ Прокулѣ перевелъ на литовскій языкъ соч. И. Арнта: «J. Oranto szeszios knygos apie tikra krikščezionuma ir t. t. Шестъ книгъ объ истинномъ христіанствѣ и пр. Гдѣ находится рукопись, неизвѣстно.

Кунцманъ Auszug aus Herrn Pfarrer Kunzmann geschriebnem Lexikon zur Completirung desjenigen von. Ruhigs. Рукопись передана наследниками пастора

Рудольфа Якоби литовскому литературному обществу въ Тильзитѣ. (Mitt. Lit. L. G. p. 351).

Гофгейнцъ (Hoffheintz) суперинтендентъ въ Тильзитѣ нашелъ въ архивѣ Тильзитскаго пастората слѣдующія старыя рукописи:

1) *Kelios lietuwiszkos Giesmes iszwerstos no C. G. Mielke*. Нѣсколько литовскихъ пѣсень, переведенныхъ на литовскій языкъ Х. Г. Мелькомъ. 57 пѣсень (1770—1790). г.

2) *Maldn kuogos ant kasdieniszko wartojimo lietuwiszkose szuilese*. Молитвенныя книги для ежедневнаго употребленія въ литовскихъ школахъ.

3) *Prastos giesmes*. Простыя пѣсни или неудачный переводъ пѣсень съ нѣмецкаго на литовскій языкъ, пасторомъ Х. М. Петшъ (Pötsch) 183 пѣсни. Эти рукописи найдены въ 1883 г. Mitt. it. lit. G. I, p. 263.

Мельке *Litauisches Gesangbuch Manuskripte zu dem Mielckischen litauischen Gesangbuch*. Рукопись въ библиотекѣ Лит. Литер. Общ. въ Тильзитѣ. (Katalog L. L. G.).

Litauische Bibel. Briefe den Wiederabdruck der litauischen Bibel betreffend. Рукопись въ библ. лит. литер. общ. (Katalog.).

Sammlung lithauischer Wörter und Redensarten, die in den Wörterbüchernicht alle befindlich sind. 4 Bände. Рукопись пожертвована пасторомъ Беттихеромъ литовскому литер. общ. въ Тильзитѣ. (Mitt. Lit. Lit. G. I p. 350).

Буткевичъ *Tarmrieda lenkiskai lietuwiszka, paraszyta par kun. A. Butkewicze baziloni* Правила разговора польско-литовскія написалъ кс. А. Буткевичъ базилианецъ. Незвѣстно гдѣ рукопись; объ этой рукописи говоритъ Ивинскій въ календарѣ на 1860 г., стр. 66.

Virgilins. Artojiste (Georgica) перевелъ на литовскій языкъ кс. Ксаверій М. Вогушъ около 1808 г. (Bib. pol. I, p. 29. Karłowicz. Rękopisma. № 2).

Пашкевичъ Діонисій составилъ словарь «*Słownik litewsko-polsko-lacinski*» 2 тома 4^о отъ А до Р; слѣдовательно словарь не полный, однако рукопись эта была завѣщана какъ полный словарь Каиетану Незабитовскому въ 1830 году (Magz. powsz. 1837, p. 229). Г. Карловичъ говоритъ, что г. Чудло видѣлъ этотъ словарь у адвоката Юргевича въ Ковнѣ и предлагалъ за рукопись 18 руб.. (см. Jez. lit.) Пашкевичъ перевелъ на литовскій языкъ Энеиду Виргилія, а рукопись приобретена отъ родственниковъ Пашкевича г. Кряучунасъ въ 1883 году. Кромѣ того, осталось въ рукописи нѣсколько стихотвореній, переведенныхъ съ польскаго языка и оригинальныхъ. Эти рукописи нынѣ у г. Матулониса. Вѣроятно г. Матолонисъ, разсмотрѣвъ упомянутыя рукописи и письма Незабитовскаго къ Пашкевичу, сообщить о нихъ что либо новое. Пашкевичъ происходилъ изъ дворянъ, родился въ 1760 г. убитъ въ 1832 году, въ своемъ имѣніи Бордзяхъ Ковенской губ. Россіенскаго уѣзда Гирдшинскаго прихода. злоумышленниками въ его дубѣ Ваублпсѣ, полагавшими что у Пашкевича найдутъ много денегъ, которыхъ на самомъ дѣлѣ не оказалось.

Суткевичъ доминиканецъ составилъ словарь «*Słownik litewski*». Словарь литовскаго языка, составленъ по стариннымъ литовскимъ изданіямъ. Рукопись принадлежитъ Имп. Академіи Наукъ и подготовлена къ печати Э. А. Вольгеромъ.

Станевичъ Сямонъ кс. занимался составленіемъ словаря «*Słownik Żmudzko-polski*» отъ А до К. Былъ ли этотъ словарь полонъ, нынѣ неизвѣстно. Рукопись въ архивѣ графа Платера въ имѣніи Гедиминайци, Ковенск. губ. Россіенск. уѣзда (Auszra 1885, p. 165. Liet. Vols. 1888, p. 138).

Графъ Юрій Платеръ составлялъ грамматику литовскаго языка, но только неокончилъ. Рукопись въ архивѣ его имѣнія Гедиминайцахъ Ковенск. губ. Россіенск. уѣзда. Платеръ родился въ 1810 г., умеръ въ 1836 г. (Литовск. вѣсти. 1836, № 35, Auszra 1836, p. 165).

Гроссъ Симеонъ, монахъ бернардинецъ, живя въ кретингенскомъ монастырѣ, изучилъ жемойтскій языкъ и, полюбивъ его, написалъ грамматику жемойтскаго языка «*Kaľbosrieda ĩežuwio žematiszka*» 1835 г. Волочевскій объ этой грамматикѣ говоритъ такъ: «эта хорошая книга до сихъ поръ не напечатана и лежитъ въ типографіи г. Марциновскаго въ Вильнѣ»; это было въ 1848 г. *Wołocz. Wiskupiste II*, p. 78.

Ramokslai lietuwiszki. Литовскія проповѣди, рукопись въ библ. доминиканскаго монастыря въ Россіеняхъ, свѣд. сообщ. М. Довойна-Сильвестровичъ.

Олехновичъ Рафанль кс. и Ант. Дроздовскій собирали народныя пѣсни, о которыхъ говоритъ въ своемъ трудѣ академикъ Кенпенъ, сообщая, что Викентій Вильмикъ около 1825 г. собирався издавать эти пѣсни въ Вильнѣ; изданіе не состоялось; рукопись можетъ быть, въ Вильнѣ. (Кенпенъ *O* происхожд. лит. языка, стр. 101).

Валиновичъ Сильвестръ написалъ сатирическую поэму на литовскомъ языкѣ противъ пьянства, развившагося въ Жемойти во второмъ и третьемъ десятилѣтїяхъ нынѣшняго столѣтія. Литовское заглавіе этой рукописи неизвѣстно. На польскій языкъ эту поэму перевелъ Лаврентій Ивнскій подъ такимъ заглавіемъ: «*Kontubernia Palemonska czyli Płungiansko - teszewska*». Разборъ этой сатиры помѣщенъ въ «*Pamiętnikach P. Kamertoną III* p. 237». Валиновичъ родился въ 1790 г., умеръ въ 1831 г.

Незабитовскій Каіетанъ магистръ права по предложенію канцлера графа Румянцова составилъ словарь «*Stównik polsko-litewski*» и «*litewsko-polski*», состоящій изъ нѣсколькихъ тысячъ словъ. Рукопись въ бібліотекѣ варшавскаго университета. Часть литовско-польская не полная, оканчивается словомъ *kantupiti*. Онъ написалъ также грамматику литовскаго языка: *Grammatyka žmudko-litewska z uwzględnieniem innych narzeczy litewskich* 1837. Эта рукопись по видимому не полная, выче въ рукахъ 2 г. Матулониса. (*Mogz. powszek* 1837, p. 228 и 229. *Encykl. powsz.* XVII p. 208 и XIX p. 448).

Пабрежа Амвросіѣ Юріѣ монахъ бернардинецъ род. въ 1771 г. умеръ въ 1849 г. Побрежа, долго живя въ Кретингенскомъ монастырѣ, написалъ нѣсколько сочиненій на литовскомъ языкѣ:

1) *Ramokslai dwasiszki ľabai poľiteczni*. Духовныя проповѣди очень полезныя 4° 356 стр.

2) *Ramokslaj apei septinius sakramentus*. Проповѣди о семи таинствахъ 8° 546 стр.

3) *Ramokslas arba erts apraszims wisokių baisių griekų neįžįstątas*. Наука или пространное описаніе ужасовъ грѣха разврата. 4° 140 стр.

4) *Ramokslay wayringosy materjosy at roznii wytu ir wajriusy ľaykusy sakiti*. Разныя проповѣди на разные случаи. 4° 860 стр.

5) *Ramokslai ir katekizmaj*. Проповѣди и катехизисъ. 4° 156 стр.

6) *Kozonej at nekuriu nedieles dynų ir szwiętių*. Проповѣди на нѣкоторые воскресныя дни и праздники. 4° 358 стр.

7) *Kninga torenti sawiey kozonis at nekuriu nedielesdynu ir at ľabay daug szwiętių, teypogi wayringusi atsyeimusi, kaipo prinabasztyku ir t. t.* Книга, содержащая проповѣди на воскресные и другіе праздники и при умершихъ. 4° 622 стр.

8) *Nomenklator Botanicus seu comparatio veteris botanicae ad nomina botanicae systematicae* f. 36 стр.

9) *Skutki lekarskie niektorych roslin i sposob używania tychże w rozmaitych chorobach, wyjęte z dzieła Symona Syreniusa Doktora akad. Krakowskiej* 4° 123 стр.

10) *Žodyns Biilų augminiczyņu lotin-žemajtinyų*. Словарь латино-жемойтскій названій растеній 4° 128 стр. Рукопись у г. П. Крячюнаса.

11) *Sryje balsenyunių biilų žemajtių-ľotynyunių*. Списокъ разговорныхъ рѣченій жемойтско-латинскихъ. 4° стр. 258.

12) Tayslo augimiu arba botanika. Опись растений или ботаника. f. 316 стр.

13) Weykalas augimiu.—Irankis weysynas augimiu sogadiwuju. Rodikle augimiu wodujejti. Botanika. Сочинение о полезных растениях. — Руководство къ разведенію полезнѣхъ растений. — Указатель вредныхъ растений. Волончевскій говоритъ, что эти послѣднія сочиненія оканчиваетъ Побрежа (Wołonczewski II, p. 71—75). Вѣроятно, объ этомъ именно ботаническомъ сочиненіи сообщаетъ мнѣ г. П. Кряучуна съ слѣдующее: Видѣлъ, говоритъ онъ, своими глазами на рождество (въ 1892) въ Ковнѣ у кс. профессора Мацюевича ботанику на литовскомъ языкѣ; это гигантскій трудъ кс. Побрежи, въ прочномъ переплетѣ; толстая книга въ листовоколо 1000 страницъ, исписанныхъ мелкимъ почеркомъ, съ пространнымъ вступленіемъ и съ 4-мя именословами или номенклаторами и указателямъ въ концѣ. Рукописи Пабрежи духовнаго содержанія вѣроятно въ библіотекѣ Крегнингенскаго монастыря; рукописи научнаго содержанія вѣроятно тоже тамъ, за исключеніемъ № 10 и 13. Первый у г. Кряучуна, второй у кс. Мацюевича въ Ковнѣ.

Dainos mit Noten und deutscher Uebersetzung aus Peter von Bohlen Nachlass. Рукопись въ библіотекѣ Лит. Литерат. Общ. въ Тильзитѣ (ф. 17).

Hoffheinz. Giesmiu Balsai lit. Choralmelodien. Рукопись въ библ. Лит. Литер. Общ. въ Тильзитѣ. (п. 5).

Budrius H. Dainos oder littauische Volkslieder mit ihren Melodien aus dem Munde ihrer Sanger geschopft. von H. Budrius Procentor in Pilluponen.—N. Preuss. Prov. Blatt. 1848, V, p. 59.

Загупскій Rasztai lietuwiszki tikros rankos, iszguldimai ir sekiojimai parasze W. Ažukalnis. 1835—1856. 4°. Литовскія сочиненія, переводы и подражанія. Рукопись начинается стихотвореніемъ на польскомъ языкѣ «Głos z Litwy, zatęmъ Prakałba». Предисловіе, дальше «Giesmes maldingos» духовныя пѣсни. Rasztai tikros rankos ir sekiojimai. Сочиненія и подражанія. Рукопись у г. М. Матулевиса. (Ausza 1884 стр. 20, Liet. Bals. 1885, стр. 155).

С. Балтрамайтисъ.

(Продолженіе будетъ).

Русскія былины старой и новой записи. Подъ редакціей акад. Н. С. Тихоураова и проф. В. О. Миллера. Москва. 1894. (VIII + 88 + 304). Цѣна 2 р. 50 к.

Сборникъ изданъ Этнографическимъ отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографія, который первоначально имѣлъ въ виду «собрать въ одной книгѣ все былины, явившіяся въ печати послѣ 2-го изданія сборника пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго и разсѣянныя по разнымъ столичнымъ и провинціальнымъ изданіямъ», но затѣмъ, когда покойный Тихоураовъ предложилъ Отдѣлу свои услуги по переизданію былинь 17 и 18 вв., а пѣсколько собирателей доставили въ него свои еще не напечатанныя записи,—изданіе значительно разрослось. Въ настоящемъ своемъ видѣ оно заключаетъ 6 былинь старой записи, къ которымъ присоединена статья Н. С. Тихоураова: «Пять былинь по рукописямъ XVIII вѣка», и 70 былинь новой, въ томъ числѣ 34, появляющіяся въ первый разъ.

Что касается былинъ первой части, то большинство ихъ уже изслѣдовано А. Н. Веселовскимъ, Л. Н. Майковымъ и др.; новымъ является только «отрывокъ изъ неизвѣстной былинны», содержащей, повидимому, бой Алеши Поповича съ Тугариномъ Змѣевичемъ и вводившей новое лицо—чашника фразина Матвѣя Петровича. Въ былинахъ этой части Ильи Муромецъ—знатный богатырь, совершенно лишенный чертъ, окрестянивающихъ или облагораживающихъ его образъ. Соловей Разбойникъ не разъ называется въ одной былинѣ (ч. I, 10—11 стр.) Соловьемъ Будимировичемъ; что это по случайно и не индивидуально, подтверждаетъ соединеніе Ильи Муромца и Соловья Будимировича въ письмѣ XVI в. (ср. А. Н. Веселовскій. Южно-русскія былинны. СПб. 1881. II. Илья Муромецъ и Соловей Будимировичъ въ письмѣ XVI вѣка). Именно, письмо Кмыты говоритъ: «bo přijdet czaa, koli budiet padobie Ilii Murawlenina i Solowia Budimirowicza»... Эта равноправность Соловья Разбойника и Ильи Муромца, указанная и отмѣченная въ современныхъ переживанияхъ, объяснена В. О. Миллеромъ (Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса. М. 1892, стр. 86—107). Былина о Цетовѣ, до сихъ поръ чрезвычайно популярная, по свидѣтельству Гильфердинга, въ Олонецкой губ., кажется, уже вполне сложилась въ XVIII вѣву. Тоже можно сказать о былинахъ, посвященныхъ Ставрѣ.

Наконецъ, въ видѣ нерѣшительнаго предположенія, я укажу на слѣдующее объясненіе одного мѣста былинны объ Ильѣ. Извѣстно, что собственные имена подлинника нерѣдко только осмысляются, аккомодируются, а несомнѣно погибаютъ въ заимствованіи. Какъ на новѣйшій примѣръ, кажется, можно указать на солдата Дениса, борющагося хитростью со смертью въ одной бѣлорусской сказкѣ у П. В. Шейна. (Матеріалы... Томъ II. СПб. 1893. стр. 413). Сюжетъ сказки старый и общеизвѣстный [ср. И. Ждановъ. Къ литературной исторіи русскаго былевого поэзіи. Кіевъ. 1881. стр. 108—111 и далѣе], но имя Денисъ напоминаетъ какъ будто имя Дигонисъ, легенда о которомъ, по предположенію, дала начало пѣснѣ объ Аннѣ Воинѣ. Исходя изъ вышеуказанной мысли и наблюдая связь врага Ильи—Калина (= Калюна, по мнѣнію В. О. Миллера) и Смородины (напр. ч. II, стр. 31: злой Калинъ царь, сынъ Смородевичъ), я думаю, что сопоставленія (ч. I, стр. 2 и 5): на мостъ калиновъ, на рѣку Смородину; отвѣтъ Ильи: «ѣду я на мосты колпновы»—«только та у насъ дорога залегла ровно тридцать лѣтъ отъ Соловья» имѣетъ основаніе въ какомъ нибудь уже забытомъ сопоставленіи царя Калина съ Соловьемъ Разбойникомъ.

Переходя ко второй части, я коснусь нѣсколько былинъ новой записи, въ число которыхъ входитъ весьма цѣнное собраніе Сибирскаго этнографа С. И.

Гуляева. Въ настоящее время уже трудно, кажется, ждать записи какого-нибудь новаго эпизода, появленія какого-нибудь богатыря: дѣло сводится только къ новой группировкѣ уже извѣстныхъ мотивовъ, къ мелочному различію въ подробностяхъ. Въ этомъ отношеніи новыя былины можно раздѣлить на три группы:

1) Былины сѣверной полосы Россіи, пересказывающія старыя сюжеты почти безъ всякихъ вариантовъ: таковы №№ 33, 35, 38, 46, гдѣ Чюрило Пленковичъ названъ Поповъ Молодецъ, м. б. вмѣсто купавъ молодецъ, а мужъ Каторины—Обемяль; № 50, гдѣ упомянуты заставы Дюка; № 59, гдѣ Ставръ названъ Астоверстомъ Гординовичемъ; № 60, гдѣ похождения молодца въ Литвѣ приписаны Василю Буслаевичу; № 64, гдѣ Фаворъ-гора въ приключеніи Василя Буслаевича названа Фараонъ-гора и оба похождения героя соединены въ одну былинну; № 63, 66 и 69. Болѣе интереса представляютъ слѣдующія былины: № 11, гдѣ упоминается сидѣніе Ильи Муромца въ темницѣ, раздраженіе Самсона богатыря противъ Владиміра, стрѣла, пушенная Ильей въ грудь Самсона вслѣдствіе раздраженія на его бездѣятельность; № 61, гдѣ полиція требуетъ головы Василя Буслаевича; рѣка, куда загнана его дружина, названа Пучаемъ, пиръ въ началѣ былины происходитъ у Вакулы Окульева и оба похождения героя спаяны въ одну былинну.

2) Былины Московскія съ изложеніемъ спутаннымъ и конспективнымъ, интересныя для исторіи былиннаго творчества. Это—№ 3, гдѣ дубъ станичникъ разбиваетъ не Илья, а Добрыня; № 23, гдѣ Добрыня встрѣчается съ Маришкой, уже будучи женатымъ на Настасѣ, и весь эпизодъ крайне перепутанъ; № 64 съ чрезвычайно сжатымъ изложеніемъ шутокъ Василя Буслаевича. Сюда же нужно отнести Нижегородскую былинну, № 65, о борьбѣ Сурого съ царемъ Курганомъ Смородовичемъ, т. е. Ильи съ Калиномъ.

3) Сибирскія былины, лучшая часть которыхъ записана отъ старика Тупицына и носитъ характеръ его индивидуальности. Это—№ 1, гдѣ Илья Муромецъ называетъ себя по поѣздкѣ Юришъ-Маришъ-Шинмаретинъ, по потѣхѣ Ворисъ-Королевичъ младъ, вмѣсто Смородины Днѣпръ и т. д.; № 9, гдѣ характеру Ильи приданъ въ высшей степени благочестивый оттѣнокъ; № 21, гдѣ упоминается пошхмленіе отца Добрыни, Никиты Романовича,—Добрыня призываетъ съ неба дождь, чтобы крылья змѣя размякли; № 37 съ царемъ Батуромъ Ватвѣсовымъ; № 41, (Михаилъ Казяритинъ) гдѣ рассказывается сперва то же, что обыкновенно о Дюкѣ Степановичѣ, а затѣмъ о королевичѣ изъ Брякова; № 42, № 56. Вообще въ былинахъ Тупицына замѣтно стремленіе къ замѣнѣ одного имени другимъ, слиянію нѣсколькихъ сюжетовъ въ одинъ подъ чужимъ именемъ; все это легко объяснить старостью пѣвца, тѣмъ, что онъ прежде зналъ множество былинъ, а теперь сохранилъ только остатки. Изъ другихъ сибирскихъ

былинъ наиболѣе интересны двѣ: № 39, съ вариантомъ къ плачу Богородицы на стѣнѣ, обязаннымъ, кажется, иконописному изображенію (ср. П. Новг. лѣт. 1208 г.: «заутра плака святаа Богородица у святаго Якова, в Неревскомъ коньцѣ»), съ вариантомъ къ бою Василія-Пьяницы, его разговору съ конемъ и пр., и № 45, гдѣ Бермята отпускаетъ Чурилу домой невредимымъ.

Къ концу книги приложенъ указатель предметовъ и другой указатель личныхъ именъ; въ послѣднемъ кое-что пропущено; напр. Евандіевъ крестъ въ № 38 (вар. Рыбн. II ч., № 11, ст. 2: изъ подъ чуднаго креста Еландіева), Болѣчища (вар. Каличище), Карачевецъ въ I, 48: 25; Муръ-градъ въ I, 1: 31. Къ концу первой части приложенъ фототипическій снимокъ съ одной страницы былинной записи XVII вѣка; мнѣ кажется, что это совершенно излишне: рукописи XVII в. такъ общедоступны, что палеографическаго значенія этотъ снимокъ имѣть не можетъ; въ форматѣ же и правописаніи нѣтъ ничего типичнаго. Къ концу книги приложены ноты къ одной былинѣ. Книга издана изящно и цѣна ея очень не высока; отсутствіе снимка позволило бы еще понизить ее.

А. Погдинъ.

Систематическій указатель статей историческаго журнала «Древняя и Новая Россія». СПБ. 1893 г.

Журналъ «Древняя и Новая Россія», выходившій въ 1875—81 гг. подъ ред. С. Н. Шубинскаго и посвященный главнымъ образомъ русской исторіи, заключалъ въ себѣ не мало цѣнныхъ статей и замѣтокъ по русской этнографіи. Здѣсь, на примѣръ, помѣщали свои статьи Гр. Потанинъ, С. Максимовъ, П. Ровинскій и др. П. Гильдебрандтъ извлекалъ немало цѣнныхъ замѣтокъ изъ провинціальныхъ изданій, помѣщая ихъ въ отдѣлѣ «Замѣтки и Новости». Кромѣ того, на страницахъ журнала воспроизведено немало рисунковъ, имѣющихъ интересъ для этнографа. Вышедшій недавно указатель къ журналу даетъ возможность пользоваться всѣмъ этимъ, до сихъ поръ почти неизвѣстнымъ, матеріаломъ.

В. Б.

ОТДѢЛЪ IV.

С М Ъ С Ъ.

Замѣтки по бѣлорусской этнографіи.

III.

Къ сдѣланному мною раньше сообщенію о крестьянскихъ играхъ Минской губ. (см. «Ж. Ст.», 1891, в. IV, 1893 г. в. II и в. III) считаю не бесполезнымъ привести въ дополненіе описаніе еще нѣкоторыхъ игръ и приѣвовъ къ танцамъ.

а) *Дѣтскія игры*. (Бродецкая вол. Игуменскаго у.)

I. Свинкиа.

Играють на улицѣ и только мальчики. Они выкапываютъ ямочку болѣе четверти аршина въ діаметрѣ и вершка два глубиною. Потомъ кладутъ камень, величиною въ обхватъ руки, на разстояніи съ сажень и болѣе отъ ямочки, и по очереди бьютъ палками въ камень, подбрасывая его съ каждымъ ударомъ, пока не закатятъ въ ямку. Это называется «загнаць свинку ў хмиў». Изъ ямки камень отбиваютъ палками же на прежнее разстояніе и снова заговяютъ. Интересъ состоитъ въ томъ, кто послѣдній ударитъ въ камень такъ, чтобы загнать его «ў хмиў», и въ томъ, кто первый выброситъ изъ ямочки. (Практикуется игра и въ Рѣчицкомъ, Мозырскомъ уу.)

2. Играть ў дуба.

Играють въ хатѣ. Одному изъ играющихъ, мальчику или дѣвочкѣ, завязываютъ глаза, берутъ его подъ руки и подводятъ къ дверямъ. Стоящій поближе къ тому, у котораго завязаны глаза, спрашиваетъ у послѣдняго: „Што ета?“—Кто либо изъ толпы отвѣчаетъ: «Дуць!»—«Што на дуби?»—«Улей!»—«Што ў томъ ульи?»—«Медъ»—«Каму яго ѣсьци?»—«Пану!»—«А мнѣ?»—отвѣчается тотъ, у котораго завязаны глаза.—«На тры!»—отвѣчаютъ хорошо всѣ играющіе.—«А каша дзѣ?» спрашиваетъ играющій съ завязанными глазами.—«На палицы!»—отвѣчаютъ ему.—«Я выѣмъ!»—«А мы кіемъ!»—и всѣ начинаютъ слегка бить того, у кого завязаны глаза, потомъ разбѣгаются и прячутся по угламъ. Играющій долженъ съ повязкой на глазахъ кого нибудь поймать или найти и передать повязку.

3. Гумъ.

Играють на дворѣ. На землѣ очерчиваютъ кругъ, въ который помѣщаютъ дѣвочку, называющуюся «Маткой». Остальные, мальчики и дѣвочки, находятся внѣ круга.

Играющіе выбираютъ наиболѣе ловкаго изъ своей среды и посылаютъ его въ кругъ къ «Маткѣ.» «Матка» приказываетъ ему когонибудь изъ играющихъ поймать и привести въ кругъ, но отдаетъ свое приказаніе такъ, чтобы никто не слышалъ. Она вытаскиваетъ затѣмъ мальчика изъ круга съ крикомъ; «гуужъ! гуужъ!» Всѣ разбѣгаются въ разсыпную, стараясь не быть пойманными, бѣжать и стать на чертѣ круга, гдѣ взять уже нельзя. Если тотъ, кто былъ въ кругѣ, поймастъ того, на кого указала матка, то приводитъ послѣдняго къ ней и оставляетъ вмѣсто себя, а самъ опять уходитъ въ толпу. Пойманный обязанъ въ свою очередь кого либо поймать, по указанію «матки», и т. д.

4. Кѳршанъ.

Играютъ на улицѣ, Дѣвочки и мальчики составляютъ цѣпь, становясь въ кружокъ. Одинъ изъ играющихъ садится въ кругъ на землѣ и копаетъ ямочку; остальные спрашиваютъ: «Каршачокъ, каршачокъ, што ты робишь?»—«Ямачку кашаю».—«Нашто табѣ ямачка?»—«Каменьчыки складаць».—«Нашто табѣ каменьчыки?»—«Вашымъ дзѣткамъ зубки выбиваць».—«Зашто-прошто?»—«А што манѣ капусту парвали и накапали!»—«А треба було табѣ, каршачокъ, вялики гародъ гарадзицы!». «А чуръ ў балота жапъ ѣсьдзі!»—причемъ коршунъ вырывается изъ цѣпи и пускается бѣжать; остальные гоняются, пока не поймаютъ. (ср. запись изъ Шинскаго у., «Ж. Ст.» 1891 г., в. IV, р. 204, п. 1).

5. Макъ.

Эта игра весьма близка къ вечерничной игрѣ «Калодачки», опис. въ «Ж. Ст.», 1893 г., в. II, р. 287, и составляетъ очевидно, варьянтъ ея. Играютъ дѣти обоаго пола, въ хатѣ. Играющіе избираютъ когонибудь «хаджаннамъ», ставятъ его посреди избы, а сами образуютъ кругъ, держась за платье или за поясъ другъ друга. Дѣти кружатся и поютъ почти тотъ же припѣвъ, что и въ игрѣ «калодачки»:

А на гарѣ макъ,	Залатая маковачка?
А ў далинѣ такъ!	Станьже ты такъ,
Бѣдная мая галовачка!	Якъ той бѣлый макъ!

Когда пропоютъ первый разъ, «хаджаннъ» отвѣчаетъ: «Я ищѣ навинны ни драу!» За вторымъ разомъ: «Я ищѣ тольки навину падрау!». За третьимъ: «Ищѣ навина ни упрѣза!»—Наконецъ, «хозяиннъ» заявляетъ: «А ужѣ макъ пара цапаць!» Всѣ начинаютъ щипать «хозяинна», стараясь не выпустить его изъ цѣпи, и щипать до тѣхъ поръ, пока онъ не прорветъ цѣпь.

Привожу далѣе нѣсколько плясовыхъ дѣтскихъ пѣсенокъ. Каждая пляска называется именемъ пѣсни, но пляшутъ однообразно при каждой: шлепаются руками, располагаются въ кружокъ, кружатся, притопывая ногами, и поютъ.

6. Цырунъ.

Скакаў цырунъ па сьцяні,
Зламаў ношку: «Охъ — ця мнѣ»!
Цырунѣха скача,
Дай па нозцы плача.

Ни манхъ, ни сванхъ,
Ни сусѣда майго!
Я таму вярэбью
Кіямъ ношку парэбью!
Вярэбейка скача,
Дай па нозцы плача!

7. Вярэбей.

Вярэбей, вярэбей!
Ни влюй манхъ каняпель,

8. Мядзвѣдзикъ.

Сядзиць мядзвѣдзикъ на калоден,
Дай ў дудачку й грае.

Забіў о... абъ ламаку,
А калоду лас!

2.

9. Утачки-Лебъѣдачки.

Утачка сѣра,
Лебъѣдачка бѣла!
Запляцйся, плецѣнушка,
запляцйся!
Шаўкавая травушка, явіся,
явіся!

10. Галубець.

Ой хто выскача, галуба,
Той будзя малайца!
Шоў мужыкъ багаты,
Найшеў чэрапъ царбаты,
А ў багатага мужыка
Шырокая барада!..
Ишла баба па грыбы,
А дзѣтъ па апенки!
Дзѣдавы ў лѣси пасыпѣли,
А бабыны сьмрэнкы!

Къ напечатаннымъ раньше при-
пѣвкамъ („Ж. Ст.“, 1893 г., II) при-
бавлю еще нѣсколько записей. Особенность
ниже помѣщаемыхъ припѣвокъ заклю-
чается главныхъ образомъ въ томъ, что
онѣ приурочиваются почти исключительно
къ мѣстнымъ играмъ, центромъ кото-
рыхъ является время жатвы; вслѣдствіе
этого онѣ во многихъ отношеніяхъ при-
мыкають къ пѣснямъ жатвеннымъ. За-
пись №№ 1—6, 42, 43 сдѣлана въ
Дубицкой волости Рѣчицкаго уѣзда;
№№ 6, 7 записаны въ Бродецкой во-
лости, Игуменскаго уѣзда, а №№ 8—42
въ с. Никольскѣ Ново-Серженской вол.
Минскаго уѣзда, съ 44 по 54 въ д.
Ной-пртовѣ той же вол. и уѣзда, № 54
въ с. Муховдахъ Дернавической вол.
Рѣчицкаго уѣзда.

1.

Церазь гору каццлася
Жаніхами хвалілася:
Каму адзінъ, а мнѣ два,
Чарныяне абадва.

Была жана мужа,
Къ лаўцы прывазаўшы,
А ёнъ яе пяратрасну,
Шалачку изнаўшы.

3.

Пыталася маці сына;
— Ци хараша твоя дзяўчына?
— Табѣшь, маці, на путаці,
Што намтуя, трѣба даці:
Ой, ци руць, ци палтыну
За харошую дзяўчыну.

4.

Бў ў мне варавейка,
Завзў сабѣ гнѣздичка,
Изънесъ сабѣ ячка.
Сядзиць дзень, сядзиць два,
А на трэцій — лупиць, лупиць,
А чарку гарэлкі трѣба вуницъ, вуницъ!

5. Грыць.

Плачэ, Грыцу (2),
Дай на дворэ стоя.
Дзѣўка Грыца палюбила,
Дай ў сѣни упусыццла;
Цыць, Грыцу, цыць! *)
Плачэ, Грыцу, плачэ,
Дай ў хату хочэ.
Дзѣўка Грыца палюбила,
Дай ў хату упусыццла.
Плачэ, Грыцу, плачэ,
Верэнікаў хочэ.
Дзѣўка Грыца палюбила,
Дай верэнікаў наварыла.
Плачэ, Грыцу, плачэ,
Дай на лаўку хочэ,
Дзѣўка Грыца палюбила,
Дай на лаўку пусыццла.
Плачэ, Грыцу, плачэ,
Да на чэрэво хочэ.
Дзѣўка Грыца палюбила,
Дай на чэрэво пустыла.
Плачэ, Грыцу, плачэ,
Што дзирн не бачыць.
Дзѣўка Грыца палюбила,
Да ў дзирн усадыла.

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго четырехстишія.

7.

Ой, мой милы Пракопаньку,
Прягдзь ка мнѣ на кнпаньку,
Дай ня забудь рубля ўзяць —
Адзінъ снапокъ прывазаць!

8.

Охъ, ты сынъ, ты атцѹски сынъ!
Ты ня знаешъ, какая я была —
Усяму гораду — красавица была!
Асталася ў пярэнушкѣ бясь милага,
Адной мнѣ й пасыцель халадна:
Закацилися адзѣялушки ў нагахъ,
Закруціліся слѣзаньки ў глазахъ!

8.

Ўчора, ўчора зъ вачора
Мине сьвекаръ бнў,
Самъ сабѣ гаварыў:
Ой, добра чужая дзница бнць,
Чужая дзница нѣдобнаяца,
А ўсе сьлѣскамі аблнваяца.

9.

У майго сьвакратки хлѣба надастаткн,
У моя маткн клннѣ слаткн;
Салуомку таўкуць н алаткн пякуць,
Мякннку смажаць, н алаткн мяжуць.

10.

За мне, дзяўке, за мне,
У мне добра многа:
Торба жыта запыта,
Цѣўка мука набѣта,
Адно зернышка ў квасѣ —
И тое разгулялася,
На веселья спадзавалася!

11.

Дудзя, дудзя — вяселья будзя —
Торбачка зъ мяшчкѣмъ-жаницца будзя.

12.

Пячайка пячэ,
Свивьня хвѣсть вялачэ,
Крыкъ — зыкъ —
У с... ваткн явыкъ.

13.

Ўхаў Талмонъ на кабыли вараной;
И калеса новыя, н калѣнн голыя!

14.

Ишоў Тодаръ съ Тадораю,
Нашли лапаць, зъ абораю.
Охъ! ты Тодаръ, я-Тадора,
Табѣ лапаць — мнѣ абора,
Табѣ лапаць абувацца,
Мнѣ абора — заспягацца.

15.

— Чаго баба надулася,
Чаму ў кажухъ ня убралася?
— Капъ у цнбе быў такъ духъ,
Якъ у мне есьць кажухъ!

16.

Абулася баба ў чабатэ,
Дай на вулицу вышла!
Усѣ людзн дзвнвуюца, —
Што баба вялікі зухъ,

17.

Ишла баба хвойннчкѣмъ,
Зачапнлася аплнчкѣмъ!
Баба ў крыкъ, баба ў зыкъ:
Адчалнся, мой аплнѣ!

18.

Ой, ишоў я зъ вачарынкн,
Сярадъ цѣмнай начынкн:
Садзнць жаба на нзнннн,
Вытращывушы вочн,
Я на ле: шля! шля! —
Яна й прнсьѣла,
Капъ ня ўзаў я ў рукн кн,
Янапъ мне можна зѣѣла!

19.

Скароджу бараную —
Залетамн курку рабую.
Преходзнль свннапасъ: —
— Пазычъ куркн на часъ!
— Ни пазычу, ни прадамъ,

Да славаю къ калядажь,
Каляды съвяты дзень,
Буду гуляць визь дзень!

20.

Якъ жя мнѣ на пнць,
Якъ жа мнѣ вяселуй ни быць!
Чатыри аруць, п'яць барануюць,
На мине маладую гура гаруюць!

21.

Упилася я — ни за вашы:
Мая курка знеслася,
Я за яечка упилася!

22.

Грай, музыка, кали граяшь,
Кали добру жонку маяшь!
Мая жонка — высока,
Твая слѣпа, касавока.

23.

Грай, музыка, на басу, —
Спячэ маці каўбасу —
Я Антося занясу.
Я Антося любила —
И спаднипу загубила!

24.

Грай, музыка, на параду,
А я у матки штанэ украду,
Низдзѣ дзѣву — табѣ дамт,
Капѣ ты хѳраша заграу!

25.

Гяйна, хадзѣмъ, валуомъ дайма!
Пакуль валѣ падъядуць —
Сами пагуляйма!

26.

Пашла Гандзя жыта жаць —
Забылася сярпа ўзяць,
Сѳрпѣ ўзяла — хлѣпѣ забыла,
Таки Гандзя дома была.

27.

Пашла Настуля на п'ятрушку
У чырвоную кажушку;
Янка Настули ни пазнаў,
Пярдѣ ёю шанку зьяў.

28.

Ишли дзяўкѣ лѣсамъ, лѣсамъ, —
Гаварыли зѣ чортамъ лысымъ :
Ишли хлопцы борамъ, борамъ, —
Гаварыли зѣ паномъ Богамъ.
Ишли дзяўкѣ крыжница, —
Пилв смалу дайницаю;
Ишли хлопцы мяжю, —
Пили мѣтѣ дзяжю.

29.

Табы, табы — дзѣўкамъ жабы,
Тыры, тыры — хлопцамъ сыры!

30.

На балоци ярѣшына —
Поўни дзѣвакѣ навѣшана;
Хлопцаў — п'яць, п'яць, —
Усѣ ў золадѣ — спяць, спяць!

31.

На балоци — карыта,
Поўни вады налиты:
Хлопцы ноги мыли,
Дзяўкѣ воду пили.

32.

Якъ у насѣ — такѣ й у насѣ —
На гарѣ крапнѣка,
Па три грошы — кавалерѣ,
А на грошу дзѣўка!

33.

Ой, дзяўчата, ня бажата,
Дзѣ вашѣ разумѣ дзѣўса?
— У сыбаки, каля с...
Ў каўдзѣкѣ извѣўса!

34.

Ой, на градзѣ я капусту садзила, —

Да ня даў мнѣ Буохъ,
Каго я любила;
Да даў мнѣ Буохъ,
Каго я ня знала!
Да за тня параборм,
Што парабирала!

35.

Ой Буохъ тому дай,
Хто панешку ўзяў —
А я ўзяў удаву —
Дурцы маю галаву!

36.

Ця я мужу нм жана,
Ця я ў доми нн хадзяйка?
Тры дни ў печы нн палила,
А на печы жарка!

37.

Ой, ў гародзи на градзѣ тры капыны бобу,
Да хто замужъ ўзяў, капыня выбыу году,
У гародзи на градзѣ тры капыны маку
Да нхто мине возьма, той будзѣ багаты!

38

Ой чыкъ чумачокъ, —
На прыпячку грэчка!
Мужыкъ бабу камячыў, —
Думаў, што авэчка!

39.

— Не би, не би, тата, мамы,
Не рабв насъ сиратами!
— Забыў, забыў, закатзю,
Вазьну сабѣ маладзю!
— Ахъ, ты, тата, зѣ барадою,
Прападай ты зѣ наладою!
— А на чорты мнѣ малодша,
Бали эта хароша!

40.

Жыдзя, жыдзя, чортъ ѣдая
У чырвонужъ капелюшэ—па твоя душе!
Гдзѣ сьвиньни рыли —
Тамъ жыда мыли,
Гдзѣ сьвиньни драли, —
Тамъ жыда хавали!

жив. стар. вып. 1.

41.

Вотъ и пышеницѣ канецъ—
Пашла сьвиниушка ў ташецъ,
А за ёю парася, —
Вотъ и иѣсянка ўся!

42.

Рѣдзьку саджу, рѣдзьку наливаю, —
Расьци, расьци, рѣдзька вяликая,
На зиму славаю.
Я ня буду рѣдзька ѣсьци,
Кажуць людзи — горка;
Я ня буду жанинися;
Будзе бици жонка!

43.

У саломн ляжу,
На хлопцаў гляжу,
И киваю и маргаю,
Къ сабѣ хлопцаў прызываю.

44.

Кащица, кащица зорачва зѣ неба —
Хочацца, хочацца бѣлага хлѣба!
Хоць бы я маладзенька чўорны хлѣпъ ѣла,
Абы я, маладзенька, журбы ня мѣла!
На штошь ты нине за сына брала,
Кали ты нине не любила?

45.

Ой, на дварѣ мяцѣлка мяце,
Красна дзявица па воду идзе
И бычка вядзе.
Бычочакъ ушнаяцца,
Хлопяць зѣ его замянаяцца.

46.

У агародзи дай расадушка расьце!
Парадзила мине матушка тонку—высоку
Чарнабрыву да харошу!
За мною да папѣ да дзявэ, —
Нельга й ў церкаў найци:
Яны ўсе сьмеюцца, на мине прызираюцца!

47.

— Куды мине, мили, павядзешъ

Гэтаку маладзеньку?
— На папаву санажаць, —
Траву зяляненьку:
Тамъ трава и вада —
Харошая паша
Ждзёда, хлопца, до воясни,
Ту я буду ваша!
Куды хочашъ — вядзи,
То я ни баюся;
Гарэлкі ня піла, —
Ту ня павалюся!

48.

Ой чабурь, чабурь да зь лябядою!
Вь цибе, дзяцinka, крывыя ноги!
Дайца мылицы (?) апирацца, —
Пайду сь хлопцамі замецацца!...
Ой, новы гарцакъ стаиць изъ вадюю, —
Прападай ты, стары, зь барадою!
Да новы гарцакъ за варотами, —
Прападай ты зь абалтамі!

49.

Дзяучыночка, ого-го!
Прыми мне голага:
Я кашульви ня маю
И жаницца думаю!
А я цибе-ць прыняла
И кашульку — пь дала!
А якъ ты ўцячешъ
И кашульку забярешъ?

50.

— Пусьци, пусьци, падалянка, на печь!

— Ня пуцу — ня надобная речь,
Ня пуцу — матки баюся,
Пайду у матки папытаюся!
— Пусьци, пусьци на часниачку,
Паграць жывацмочку!

51.

Ня знаяшь, матка, хто у мне быў?
Да быў у мне папоў сынъ!
Да я дўрна была — яму ганьбу дала.
Япъ за нигъ панавала:
Ень бы торбы намў, ень бы хлѣба праяў!
А япъ яму падавала, сабакамі заскавала,

52.

— Да чья гэта дзѣвачка!
— Палова!

У ягародзи маркоўку палода,
Маркоўку — пастарнакъ,
Да усадила ножачку ў буракъ!
Да пайдзёца на мельничка — дварочка,
Няхай вымя ножачку зь бурачка!

53.

на вясельи была, на палу днавала
Памаленьку скачу — бу я їсьци хачу:
Капъ я їсьци ни хацѣла,
Ту пь я вышай надляцѣла!

54.

Калинь мая цеща ня умерла, —
Яна пь мнѣ торбачку грошай протерла:
Ой, зяцю, мой зяцю, харошы,
Отъ тоби ў торбоци грошы!

М. Довнар-Запольскіч.

Отчетъ о поѣздкѣ въ Ковенскую губ. лѣтомъ 1893 года
студента IV-го курса Ист.-Филологич. Факультета С.-Петербургскаго Университета
А. Погодина.

Лѣтомъ 1893 года, по предложенію профессора Владимира Ивановича Ламанскаго я былъ посланъ С.-Петербур. Университетомъ и Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ въ Ковенскую губернію для изученія живого литовскаго языка.

Прежде всего я проѣхалъ въ Тельшевскій уѣздъ, гдѣ поселился у г. Ложнискаго,

къ которому у меня было рекомендательное письмо. Онъ всячески старался оказывать мнѣ содѣйствіе, причѣмъ особенно удачно было для меня то, что какъ разъ въ это время у него строился домъ, такъ что я имѣлъ возможность слышать отъ рабочихъ всё отбѣнки мѣстнаго говора. Говоръ этотъ, образцы котораго я представляю подъ заглавіемъ *Образцовъ жоранскаго говора*, является однимъ изъ самыхъ трудныхъ для начинающаго: не говоря уже о томъ, что въ этомъ говорѣ краткія *i* и *ii* произносятся почти какъ *й* и *йь*, отчего происходитъ смѣшеніе многихъ словъ, въ этомъ говорѣ множество словъ латышскаго происхожденія, незнакомыхъ изучавшему только письменный литовскій языкъ.

Не смотря на трудность этого говора, благоприятныя условія, въ которыхъ я находился, дали мнѣ возможность недѣля черезъ двѣ настолько освоиться съ литовскимъ языкомъ, что я рѣшился предпринять, въ сопровожденіи г. Ложинскаго, путешествіе по Тельшевскому и Россіенскому уѣздамъ, чтобы, насколько удастся, присмотрѣться къ быту жмудлиновъ и собрать по нѣскольку образцовъ всякаго говора.

Я обошелъ и объѣхалъ кругъ верстъ нъ 150, имѣлъ возможность наблюдать четыре говора и узнать обыденную жизнь и интересы крестьянъ.

Вернувшись изъ путешествія, я проѣхалъ къ городу Россіенамъ, гдѣ поселился у мѣстнаго помѣщика С. И. Довойна-Сильвестровича, которому считаю своимъ долгомъ выразить искреннюю благодарность.

Въ Довойновѣ я занимался, главнымъ образомъ, переводомъ «Свадебныхъ обрядовъ Велѣнскихъ литовцевъ» Юшкевича, памятника этнографической литературы, занимающаго, вѣрнѣе съ сочиненіями Довконга и Волончевскаго, исключительное мѣсто въ литовской письменности по богатству этнографическихъ свѣдѣній. Для этого перевода мнѣ пришлось съѣздить и въ самыя Велѣны, чтобы узнать значеніе многихъ устарѣвшихъ или мѣстно—Велѣнскихъ словъ; тамъ мнѣ посчастливилось, въ лицѣ органиста Велѣнскаго костела И. А. Куметиса, найти большаго любителя и знатока литовскаго языка. Его помощью я воспользовался въ значительной степени, о чемъ вспоминаю здѣсь съ благодарностью.

Изъ Велѣнъ я проѣхалъ въ имѣніе гр. Тышкевичей—«Ландварово», такъ какъ мнѣ хотѣлось познакомиться и съ чисто литовскимъ говоромъ, но вслѣдствіе того, что мой отпускъ простирался только на Ковенскую губ., мнѣ пришлось уѣхать изъ «Ландварово» Виленской губ., раньше, чѣмъ я предполагалъ. Вотъ, такъ сказать, общій планъ моей поездки.

I.

Матеріалы для Атласа Литовско-Жмудской диалектологіи.

Какъ извѣстно, балтійскіе языки одни изъ самыхъ богатыхъ нарѣчіями; литовско-жмудскій, кажется, еще богаче въ этомъ отношеніи, чѣмъ латышскій; поэтому составленіемъ атласа литовско-жмудской диалектологіи, хотя бы по образцу атласа Янелштейна («Die Grenzen der Letten» Spb. 1892), можно было бы принести большую пользу какъ для философіи языкознанія, такъ и для изученія пра-литовскаго языка и доисторической жизни балтійскихъ племенъ, въ смыслѣ распредѣленія ихъ отдѣльныхъ племенъ.

Мнѣ хотѣлось бы представить здѣсь хотя небольшой матеріалъ для такого атласа. Сокращеніе заглавій:

BF. A. Bezenberger. Litauische Forschungen. Göttingen. 1882.

BG. A. Bezenberger. Beiträge zur Geschichte der lit. Sprache. 1877.

Da. Литовскій катихизисъ Даукши. Spb. 1886. Е. Вольтера.

FM. Литовскія пѣсни, собранныя Фортуновымъ и Миллеромъ.

J. Литовскія пѣсни, записанныя Антономъ Юшкевичемъ.

Jsvd. Литовскія свадебныя пѣсни, зап. Ант. Юшкевичемъ.

L.B. Litauische Volkslieder und Märchen, ges. von Leskien und Brugmann (LBB—пѣсни Бругм., LBL.—Лескина).

M. Mittheilungen des lit. liter. Gesellschaft.

P.J. Polangos Juze.

WEP. Вольтеръ. Объ этнографической поѣздкѣ по Литвѣ и Жмуди.

L. Abl. Leskien. Ablaut der Wurzelsilben im Litauischen.

L. Bild. Leskien. Bildung der Nomina im Litauischen.

K. Gr. Kurschat. Grammatik der littauischen Sprache. Halle. 1877.

K.—Kolberg. Pieśni ludu litewskiego.

П. К. Памятная книжка Ковенской губ. на 1893 годъ.

1. Деревня Шилы Жоранскаго прихода Тельшевскаго уѣзда (образцы 1—10).

Границы этого говора я могъ замѣтить въ двухъ направленіяхъ: именно, на юго-востокъ отъ Шилъ она проходитъ около мѣстечка Ворнѣ, а на западѣ около мѣстечка Тверь, такъ какъ въ самихъ Тверяхъ говоръ уже совсмѣнной; пограничной линіей на западѣ служить, насколько мнѣ извѣстно, большое трудно-проходимое болото.

Этотъ говоръ, который правильнѣе всего было бы назвать, Жоранскимъ, есть, по преимуществу, говоръ переходный: нѣтъ кажется ни одной формы, ни одной диалектической особенности, которая не встрѣчалась бы и въ какомъ-нибудь другомъ говорѣ, но въ совмѣстности всѣ эти особенности встрѣчаются только въ Жоранскомъ приходѣ; есть въ этомъ говорѣ даже немало общаго съ древне-прусскимъ и латышскимъ языками.

Прежде всего говоръ этотъ жмудскій, потому что всѣ жмудскія особенности (такими считаются, кажется: 3 л. на *a* вм. *o*: *mata, gada*; gen. sing. основъ на *a* съ окончаніемъ *a* вм. *o*: *vitka*; gen. sing. основъ на *ā* съ окончаніемъ *as* вм. *os*; произношеніе *ē* и *ī* не какъ *ié, uo*) здѣсь налицо.

Постараюсь указать здѣсь другія особенности жоранскаго говора съ указаніемъ тождественныхъ особенностей другихъ говоровъ:

1) *ī* произносится здѣсь какъ *oi*, причѣмъ удареніе, если оно лежитъ на этомъ слогѣ, бываетъ, насколько я могъ замѣтить, только нисходящее, а не восходящее. Какъ извѣстно, это особенность діалекта Довконта, проведенная однако далеко не во всѣхъ его произведеніяхъ: такъ въ «Исторіи Литвы» вмѣсто *oi* стоятъ вездѣ *ī*; но въ «Budas šėnoviųs Lėtuviųs», гдѣ нарѣчіе вообще очень близко къ Шильскому, *ī* замѣняется черезъ *oi*: М. 10,6: *szou, toumi, 7 kou, tou*; В. S. 166 (по L. Bild, 233): *souka*. Довконтова *oi* изъ *o* (*o* съ носовымъ произношеніемъ) М. 10,6: *drousas, 238: roustas* Шильскій говоръ не знаетъ: *drousas, roustas*.

Тоже произношеніе въ Кальваріи К. 13: *sustouk*.

2) *ē* произносится какъ *ej*; и эта особенность находится въ языкѣ Довконта; однако замѣтилъ ее только въ «Исторіи», см. WEP. 126: *weinos, deino, keimus*; въ другомъ же его сочиненіи: «Budas šėnoviųs Lėtuviųs» вм. *ē* стоятъ *ij*: М. 10,238: *wijni, dijna, brijdjus*, см. также P.J. 94: *szwijsus*. Древне-прусскій языкъ тоже на мѣстѣ литовскаго *ē* имѣетъ *ej* или, что, кажется, при др. пр. орфографіи все равно, *ay*: *braudis* (=briedis), *ausmis* (=jiešmas). *dejna, Deivas, leipe* (leipe castrum. Ness. Thes. ling. prus. Berl 1876. p. 92 и 94), *dejgi* [или *e*: *deus* у Grunau, *lepiten mons* (Ness. p. 92), *dena* при формѣ *deina* (Ness p. 29), или у (i) *dygi, lype, dineniskas*-ежедневный *Enchiridion*. 23]

3) *i* произносится какъ *e*. Найти законъ этого употребленія очень трудно; иногда оно едва замѣтно, такъ что я въ образцахъ Жоранскаго говора, еще плохо говоря и различая литовскіе звуки, кажется, иногда записалъ *i* тамъ, гдѣ нужно было поставить *e*, какъ и *u* тамъ, гдѣ нужно было поставить *o*. Вообще произношеніе краткаго *i* во многихъ

мѣстахъ Литвы и Жмуди приближается къ *e*; въ Жоранскомъ говорѣ оно почти тождественно съ произношеніемъ *i* въ прусской Литвѣ. Такъ, Беценбергеръ, изслѣдовавшій этотъ вопросъ, говорить слѣдующее (Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. t. VIII «Zur lit. Dialektforschung» стр. 122): «въ приходахъ: Превульсь, Давиленъ, Мемель, Кретингенъ *i* становится *ä* (письменное *e*), если только за нимъ не слѣдуетъ непосредственно группа согласныхъ, издревле начинающаяся съ *n* или *m* или если оно не защищено слѣдующимъ за нимъ звукомъ *i* или *e*, ослабленнымъ изъ *a* или *u*»; см. его же Lit Forschungen. № 50, kalden, penke, vainek, kret, № 59: aukšte, balte zieda; то же въ Швекшвянскомъ говорѣ: Da 167 стр.: sene (=seni), nešte (=nešti), «gernas (=girnas), waden (=wadin) etc.; для годлевскаго нарѣчія см. LB. стр. 86: «знакъ *i* въ tiko, lindo etc. для звука близко подходящаго къ *e*». Въ древне-прусс. рядомъ *betten-eden*, и *bitas-idin*. (Nes 18).

4) *u* произносится какъ *o*, насколько я могъ замѣтить, согласно съ закономъ, выведеннымъ Беценбергеромъ (Beit. VIII, 106—107): «въ тѣхъ же приходахъ (см. 3) *u* подъ удареніемъ становится *ä*, если только за нимъ не слѣдуетъ и дал.,» тѣже случаи, какъ и относительно *i*, и шире его, какъ въ Мемелѣ. М. 5,262.

Туже особености можно отмѣтить въ древне-прусскомъ языкѣ (вѣроятно въ одномъ изъ говоровъ его): *possis*, *botte*, *kopte* рядомъ съ *kupte* (Ness 78), *kopagis* (= *konegas* Жоранскаго нарѣчія) *colm* и *culm* (Ness 77); откуда, можетъ быть, можно объяснить и др.— прус. аре въ сравненіи съ Жоранскимъ оре; см. BF. № 67: *būego pèle*. См. К. 12: *dovaloso*. Обѣ эти особености (*e* изъ *i*, *o* изъ *u*) свойственны языку Довконта: М 10,6: *tarema*, *augomo widotinio*, *sò wissò*; первая также языку Волончевскаго: PJ. 94: *dwilektas*.

Даже въ дифтонгахъ *uj* (= *u*: *mujlas*-мыло, *smuikas*-смыкъ) и *au* и произносятся какъ *o*: такъ, я слышалъ: *moilas*, *bušiao*; см. М. 5,262.

5) *am*, *an* переходятъ также, какъ въ Шадовскомъ діалектѣ М. 10,257 въ *im*, *in* или же въ *om*, *on*; въ Вилькомирскомъ уѣздѣ (Гуковский. Описание этого уѣзда 1891. стр. 9) въ *im*, *in*; въ Пулолатахъ: J. 1,4: *unt*, 2,4: *untra*; 2,7: *lonkele*. Въ древне-прусскомъ было это явленіе также, какъ видно хоть бы изъ слова *brunse* въ соотвѣтствіи съ лит. *brujsė* (= **branše*, какъ *pujkus* изъ *pankus*—польс. *pekny*), *kujsis* изъ *kansis* J. 246.

6) *aj*, *oj*, *ej* становятся *ā*, *o*, *e*: *sugavá* (= *sugaváj*) 1, *bová* (= *buváj*, по *bōva*=*būvo*) 5, *tamsia* (= *tamstaj*). 2, *visokiās* *spasabās* (= *visokiajs* *spasabajs*). 2, *pirštas* (= *pirštajs*). 3, по *wajkšcioji*. 8, *perla* (= *perlaj*. Nom. pl.) 6; *ryto* (= *rytoj*). 2; *velne* (Nom. pl.). 2, *eje* (= *ejej*) 5, *prisejede* (= *prisejėdej*) 1; *ej=ja*: (= *e*) *rek* (= *rejk*), *greta* (= *grejtaj*), *dejna praledus* (= *dienaj* *pralejdus*); *kap-tap*, *ponati* etc. см. Bez. ibd. 138.

7) *ē* склонно переходить въ *a*, особенно въ началѣ словъ, однако иногда и въ серединѣ (см. *dugales*. 5. ср. К. 27: *madelu*); *agle* вм. *egle* (срав. пр. *addle*, *gabavo* изъ *gēbavo*=псл. жаба изъ *gēba*=*gēba*, *alkskande* lit. *elksnis*): *na=ne*. *varksma* (= *verksma*). 1.

8) *é* въ концѣ словъ произносится такъ, что его трудно отличить отъ *i*, иногда же ясно слышится *i*; см. *egli=egle* (Acc. Sing.) 1, *pradeji* (= *pradeje*). 2, *brongis* (= *brongés*=*brongios*). 6, *vajkšcioji* (= *vajkšcioje*) 8, *unt keli* (*unt kele*=*unt kelio*). 8, *arkli* (= *arkle* Gen Sing.). 9, см. Da: 167.

9) Отсутствие *potacij*: *paukste*, *douso*.

10) Присутствіе носовыхъ въ Gen. Pl., въ причастіяхъ: *atvaren*, *pribezen* etc, въ Loc. Pl.: *Lalūnse*, *ažerūnse*.

11) Выпаденіе *v* въ словахъ: *nakoute*, *tora*.

Образцы склоненія (для всего слѣдующаго см. статью Луниса П. К. 1893).

	Основы на а.	на ā.		
Sing. N.	Dejvas arklis	ronka	aš.	tu.
G.	dejva arkle (=arkli)	ronkas (я ronkos)	monis	taves. saves
D.	Dejvou arkliou	ronka	mon	tau
Ac.	dejva arkli	ronka	muni	
Abl.	dejvo (=dejvu)arklio (=arkliu)	ronk ō (=ronku)	monimi	
Loc.	dejve arkle	ronkō	monij	
Dual. N. Ac.	dejvo (— u) arklio	ronke (=ronki)		
Plur. N.	dejve (=dejvi) arkle	ronkas		
G.	dejavun	arkliun	ronkun	
D.	dejavams	arkliams	ronkoms	
Ac.	dejavus	arklius	ronkas	
Abl.	dejvas	arklias	ronkoms	
Loc.	dejavunse	arkliunse	ronkose	
tas. Nom. dual.	todo (=tudu).	Третій—tretinsis.		

С п р я ж е н и е.

Praesens.	matau	toro	sovo (шью см. P. J. 14. siuo).
	matá	tori	
	máta	tor	
	matam	toriam	na-b-jam.
	matat	toriat	
Aor.	mačiau	prisejdežiau	
	mate	prisejede	
	ma'è	prijajè	
	matém		
	matét		
Fut.	douso		
	dousi		
	dous		
	dousma		
	dousta		
Opt.	doučio. ср. ФМ. № 23, Kolb: № 29		
	butumej		
	butum		
Imper.	i. ak, akiam.		

II.

Уже въ м. Тверяхъ въ 9 верстахъ отъ д. Шиль говоръ мѣняется; прежде всего произношеніе *ī* и *ie* какъ *oi* и *ej* исчезаетъ и появляется произношеніе *u* и *i*. Границы этого послѣдняго произношенія, насколько мнѣ привелось ихъ замѣтить, таковы: на юго-западнѣйшій маршрутѣ; Тверь 16 в. Лаукова 19 в.—Хвейданы 30 в.—Вевержены она проходитъ между Хвейданами и Вевержевами, однако, раньше-ли или послѣ м. Андреявы я замѣтить не могъ; затѣмъ, если ѣхать по почтовой дорогѣ изъ Ворня въ Колтыняны (по направленію къ г. Россіенамъ), то за Ворнями уже появляется произношеніе *ī* и *ie*, какъ *ī* и *i*, которое доходитъ и до Россіенъ; далѣе, если ѣхать по почтовой дорогѣ изъ Россіенъ въ Юрбургъ, то границей этого произношенія служить маленькая рѣчка Шалтона, за которой

говорять уже *uo* и *iē*. Внутри этого у-кающаго говора, признакомъ котораго служить, между прочимъ, произношеніе *ž* какъ *u*, а не *ō*, можно отмѣтить также нѣсколько говоровъ, изъ которыхъ мнѣ привелось слышать два: Россіенскій, признакомъ котораго служить окончаніе Dat. pl. основъ на *ā*—*ims* (вм. *oms*) и *ims* (вм. *oms*), К. G. § 605. см. LBL. III: *jurims tagelims*, которое указываетъ, кажется, на окончаніе *ims* и *iems* въ этомъ говорѣ, однако Тельшевская форма, приведенная Курпатовъ, противорѣчитъ этому, если только не является здѣсь образованіемъ по аналогіи съ основами на *i*; другой говоръ этого произношенія, который я имѣлъ случай наблюдать въ м. Лауковѣ и Хвейданахъ (также отчасти въ м. Тверяхъ) отличается нѣкоторыми особенностями, роднящими его съ сосѣднимъ Жоранскимъ говоромъ, какъ въ фонетическомъ, такъ и въ морфологическомъ отношеніяхъ. Къ числу фонетическихъ принадлежатъ: 1) переходъ *an* въ *un* и въ *on*; 2) переходъ (довольно частый, хотя далеко не всегда) *aj*, *ej* въ *a*, *e*: *žale dvaga* (= *žalej dvagaj*), *aukšta* (= *aukštaj*), *rapulajate* (= *rapulajate*) *paleste* и т. д.; 3) произношеніе *t* какъ *ž*: *užaugena*, *kliste*, *dukes*, 4) широкое произношеніе *ē*: *na*, *tatuši*, *wisidage*, *āsu* (= *ejsiu*); 5) присутствіе носовыхъ: *terp lunkun*, *rugiuun*, *tryps*, *aunksunse*, 6) отсутствіе йотации: *turu*, *dusu*, 7) рѣдко встрѣчающееся, хотя все же до извѣстной степени существующее произношеніе *u* какъ *ō*: *ubadytom*, *bovo*, *doje* (= *duje*, двое); изъ морфологическихъ особенностей можно отмѣтить окончаніе 3 лица *a* вм. *o*, хотя форма *bovo* (= *buvo*) указываетъ на присутствіе и другаго окончанія; gen. pl. основъ на *ā* имѣть или *os* (какъ я замѣтилъ въ Лауковѣ, гдѣ отъ разказчицы сказки, старушки болѣе 80 лѣтъ, слышала только окончаніе *os*) или *as* (въ Хвейданахъ разказчица.—молоденькая швея, употребляла только окончаніе *ās*), см. BG. 129; въ Хвейданахъ же я слышала интересную форму Gen. Sing. основъ на *u-ous* вм. *aus*: *medous*, *žmogous*, но и *žmogaus*; кромѣ того, нужно отмѣтить особую приставку къ окончанію будущаго времени: *asut* (= *ejsiu*), *vysut* (*vysiu*).

III.

По дорогѣ изъ Хвейданъ въ Вевержены говоръ мѣняется и опять приближается къ Жоранскому такъ же, какъ и дальнѣйшій кульскій, съ тѣмъ только исключеніемъ, что въ Жоранахъ *t* и *d* смягчаются въ *dž* и *č*, въ Веверженахъ въ *c* и *dz* (N. *jautis*. G. *jaute*. D. *jaucu*. Ac. *jauti*, Abl. *jaucu*. Loc. *jauce*. Nom. Pl. *jauce* G. *jauciu*. Abl. *jautas*; iš *medziu*); въ Кулахъ смягченія нѣтъ вовсе.

IV.

За Россіеями по дорогѣ въ Юрбургъ за р. Шалтоной начинается новый говоръ съ произношеніемъ *ū* и *iē*, какъ *uo* и *iē*, говоръ вообще по своей фонетикѣ и морфологіи не отличающийся отъ письменно-литовскаго, за исключеніемъ Жмудскаго окончанія 3 л. на *a* вм. *o* (*mata*, *buva*) и окончанія Dat. Pl. основъ на *ā*-*ims* и *ims*: напр. *rospėsma su ožkims ant turgaus*; см. сборникъ Юсифа Мицкевича, № 23, принадлежащій Императорскому Географическому обществу: № 81: *graudzioms ažarelims verksiu*; № 83: *vinims*.

(Образцы говоровъ въ слѣдующемъ выпускѣ).

О происхождении названія г. Пскова.

Въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за августъ 1887 года помѣщенъ переводъ статьи Шрейса изъ «Inland» за 1839 № 13 относительно названія г. Пскова (эст. Pihkwa). Г. Шрейсъ, разбирая происхождение слова Псковъ, приходитъ къ тому заключенію, что оно происходитъ отъ слова «песокъ». Это производство, по моему мнѣнію, невѣрно. Названіе г. Пскова чудскаго происхожденія и именно на слѣдующихъ основаніяхъ.

Уже а priori представляется довольно страннымъ то обстоятельство, что на столь обширномъ пространствѣ, какъ Россія, лишь одна мѣстность получила названіе отъ слова песокъ съ необъяснимымъ изъ русскаго языка окончаніемъ «ва», «вица» (рѣка Пскова, Псковица), «въ». Есть дѣйствительно масса чисто русскихъ названій населенныхъ и ненаселенныхъ мѣстностей, которыя безспорно именуются отъ песковъ, но при этомъ у всѣхъ такихъ названій отсутствуетъ вышеуказанное окончаніе. Такъ напр., возьмемъ какое либо изъ ближайшихъ ко Пскову мѣстныхъ названій. Въ одномъ Псковскомъ уѣздѣ насчитывается 4 деревни съ названіемъ «Пески», двѣ — «Песокъ», одно село — «Пески», двѣ пустоши — «Песчанниезъ»; всѣ эти названія несомнѣнно происходятъ отъ слова «песокъ».

Исходнымъ пунктомъ моего предположенія о финскомъ происхожденіи названія Пскова служить прежде всего то обстоятельство, что пространство на востокъ отъ Чудскаго оз. и р. Великой было населено первоначально, до пришествія славянъ, финскими племенами, къ каковому убѣжденію привело меня изученіе древнихъ мѣстныхъ названій на томъ пространствѣ. Слѣдовательно нужно предполагать, что и названіе «Псковъ» также финскаго происхожденія. Для подтвержденія этого я приведу здѣсь только древнее названіе р. Великой, которая въ древности именовалась «Mudawa» (т. е. мутная вода; окончаніе «ва» нынѣ сохранилось у Зырянъ и Вотяковъ въ значеніи воды). Нѣмецкіе писатели еще въ XIV—XVI вв. именуютъ ее «Muda (Вартбергъ въ XIV в.). Въ настоящее время у псковскихъ полуѣрцевъ, народа финскаго происхожденія, населяющихъ Псково-Печерскій край въ количествѣ около 12 тысячъ, р. Великая носитъ названіе Suur Jma jogi (Великая Мать-рѣка), Suur Jma (Великая Мать), Jma jogi (Мать-рѣка). Такъ обыкновенно величались и у Прибалтійскихъ Эстовъ болѣе значительныя рѣки. Въ соотвѣтствіе этому названію, Великой, — рѣка, берущая начало у Изборска- Jzajogi (см. карту Лотера), т. е. Отець—рѣка.

Одного корня съ названіемъ Пскова должны быть названія: р. *Пскова*, текущая на пространствѣ около 50 в. съ сѣверо-востока и впадающая при г. Псковѣ въ р. Великую; затѣмъ рѣчка *Псковица*, впадающая въ Пскову, а названіе деревни *Псковицы*, при р. Великой, въ 8 верстахъ отъ Пскова.

Такъ какъ названія ненаселенныхъ, природою устроенныхъ, мѣстностей нужно считать древнѣе названій мѣстъ сдѣланныхъ человѣческими руками, то приходится признать, что названіе рѣки Псковы древнѣе названія г. Пскова и что первое названіе послужило основаніемъ ко второму.

Возникаетъ однако сомнѣніе, какииъ образомъ слово Псковъ или Пскова можетъ быть эстонскаго происхожденія, такъ какъ у эстовъ вмѣсто Псковъ произносится Pihkwa. Г. Шрейсъ высказываетъ предположеніе, что знатоки эстонскаго языка найдутъ причину того, почему «русское» *с* въ словѣ Pihkwa перешло въ *h*. Въ данномъ случаѣ дѣйствительно звукъ *с* перешелъ въ звукъ *h*, но не русское *с*, а финское. Эти два звука, какъ извѣстно, играютъ большую роль при различеніи разныхъ нарѣчій фин-

скаго языка или финскихъ народностей. Звукъ *s* служитъ между прочимъ отличительнымъ признакомъ языковъ вотскаго, ливскаго, мордовскаго, черемискаго, а въ нарѣчійхъ сѣверо-западныхъ, а въ томъ числѣ и эстонскихъ, на его мѣсто выступаетъ звукъ *h*. Слѣдовательно, если слово Псковь (а) финскаго происхожденія, то оно должно быть заимствовано русскими у одного изъ вышеозначенныхъ народовъ сѣверо-восточной вѣтви финскаго племени, включая сюда и Ливовъ. Въ Новгородскихъ писцовыхъ книгахъ Шелонской и Деревской пятинъ, которыя по сравненію мѣстныхъ названій были въ доисторическія времена населены народностями сѣверо-восточной вѣтви финскаго племени, мы дѣйствительно встрѣчаемъ въ названіяхъ звукъ *s*, *ss* тамъ, гдѣ у другихъ *h*. Напр. Пискуница, Пяшкова, Росковьякино (Шелонск. пятина), Вышма, Вшера, Веска, Москово, оз. Писковно (Деревск. пятина). Вообще въ Псковскихъ предѣлахъ преобладаютъ слова, сохранившія звукъ *s*, какъ отличительный признакъ сѣверо-восточныхъ нарѣчій финскихъ народностей. Кромѣ названія деревни Псковичи можно еще указать названія деревень Пискони (Изб. вол.), Пискунова (Мелех. вол.), Куева (Логоз. вол.—ср. в. Лифляндіи Кохова), въ Гдовскомъ у. Москва, Писва (ср. дер. Песива на противоположномъ берегу Чудскаго озера).

Корнемъ слова Пскова (Псковъ) слѣдуетъ признать *pihk* (или *pisk*). Онъ сохранился кромѣ эстонскаго названія *Pihkwa*, еще въ вышеупомянутыхъ названіяхъ Писковичи, оз. Писковно. По фински *pihka*. эстл. *pihk*, лив. *piska*—смола. Если къ этому слову присоединить обычное финское окончаніе названій рѣкъ на *wa*, то Пскова, Псковница или первоначально *Piska-wa* будетъ значить буквально «смолистая вода». Ливы и восточные народы финскаго племени должны были назвать рѣку, впадающую при г. Псковѣ въ Великую, *Piskawa*, сокращ. *Piskwa*. Нынѣшніе русскіе обитатели Псковскихъ предѣловъ заимствовали слѣдовательно это названіе отъ народа, находившагося въ близкомъ родствѣ съ Ливами и Водью. Можетъ быть такимъ народомъ были предки Эстовъ, говорящихъ нынѣ на восточномъ нарѣчій въ сѣверо-восточной части Лифляндской губ.—такъ наз. полувѣрцевъ (*setukejed*) Псково-Печерскаго края. Нарѣчье это близко подходитъ къ группѣ сѣверо-восточныхъ нарѣчій финскихъ народовъ во внутреннихъ губерніяхъ.

Изъ заимствованія Славянами названія рѣки, а можетъ быть и города Пскова отъ вѣтвей нынѣшнихъ Эстовъ именно въ этой формѣ, можно сдѣлать то заключеніе, что совмѣстная жизнь Славянъ и Чюди за Пейпусомъ и при р. Великой не была продолжительна, такъ что первые не успѣли познакомиться съ языкомъ Чюди на столько, чтобы перевести названіе *Pihkawa* на собственный языкъ, какъ это дѣлается обыкновенно тамъ, гдѣ совмѣстная жизнь продолжительна и гдѣ взаимныя сношенія и соприкосновенія устанавливаются постепенно; какъ это нагляднымъ образомъ можно замѣтить на пограничныхъ нынѣ пунктахъ Русскихъ и Эстовъ. Здѣсь почти всѣ названія переведены на русскій языкъ и такимъ образомъ почти каждая мѣстность имѣетъ двойное названіе: одно русское, а другое эстонское. Это явленіе совершалось и въ древности въ смежныхъ мѣстахъ продолжительной совмѣстной жизни Славянъ и Чюди. Какъ мнѣ кажется, слѣды перевода первичныхъ названій *Pihka*, *Pihkawa* на русскій языкъ можно бы усмотрѣть въ нѣкоторыхъ наименованіяхъ мѣстностей ближе къ лифляндской границѣ. Таковы въ Паикинской волости на юго-западъ отъ Пскова: оз. Смоленское; Смолины, погостъ при озерѣ; Смолины, деревня. Смолпика, рѣчка, впадающая въ Кудебъ; въ Изборской волости: Смолва, рѣчка, впадающая въ Городищенское озеро; въ Печерской вол. деревня Смолина гора (Смольникъ), при р. Метковкѣ, въ Паишковской вол. два озера и одна пустошь Смоленцевъ. Предположеніе, что эти названія если не всѣ, то по крайней мѣрѣ часть ихъ, представляютъ переводы съ Чудскаго яз., основывается на томъ примѣрѣ, что въ восточной части Эстляндіи и отчасти въ западной части Псковской губ. гдѣ двѣ народности изстари живутъ совмѣстно или другъ подлѣ друга, большая часть мѣстностей имѣетъ два названія. Такой законъ долженъ былъ имѣть мѣсто и въ упомянутыхъ мною волостяхъ Псковской губерніи.

Что слово Псковъ (Пскова) чуждаго происхожденія, это подтверждается и другимъ русскимъ названіемъ Пскова, «Плесковъ». Прейсъ справедливо думаетъ, что Плесковъ не есть первоначальная форма, а вторичная, т. е. звукъ «л» не имѣетъ кореннаго происхожденія именно потому, какъ онъ утверждаетъ, что въ противномъ случаѣ Эсты, познакомившись съ рѣкою или городомъ, подъ названіемъ Плесковъ, сообразно съ духомъ своего языка назвали бы его навѣрно Lihkwa, а по моему Lehkwa, Leskwa.

Но если Псковъ есть чисто русское названіе, то представляется довольно страннымъ, почему по отношенію къ этому слову не соблюдается строго законъ, свойственный извѣстной вѣтви славянскихъ нарѣчій, по которому послѣ звуковъ б, в, м—вставляется л, если за этими согласными слѣдуетъ ь или мягкій гласный звукъ. Не служить-ли здѣсь это нестрогое примѣненіе лингвистическаго закона подтвержденіемъ того, что это слово казалось Славянамъ не русскаго происхожденія, и они, на ряду съ передѣлкой его по законамъ собственной рѣчи, сохраняли его и въ первичной чистой не русской формѣ, которая наконецъ взяла перевѣсъ и сдѣлалась общеупотребительной.

Въ заключеніе своей статьи г. Прейсъ заявляетъ и по поводу новѣйшей формы *Опсковъ*, иногда употребляемой народомъ, что разъясненіе ея «потребовало бы пространныхъ сопоставленій изъ всей области славянской филологіи съ присоединеніемъ родственныхъ языковъ»; но по моему это обстоятельство объясняется очень просто: г. Прейсу не былъ извѣстно, что по всему протяженію пограничной линіи между Эстами и Русскими названія плотно населенныхъ центровъ сплошь да рядомъ въ разговорномъ народномъ языкѣ употребляются на вопросъ: куда? такъ что эта форма остается при другихъ падежахъ этихъ названій. Поэтому названіе Опсковъ, Валсковъ, ничто иное какъ то же слово съ присоединеніемъ впереди предлога «въ», «во».

Ю. Труманъ.

Считаю нужнымъ замѣтить, что въ Венгріи мы находимъ названіе рѣки Piliske. (Пильски?) Такъ въ грам. короля Андрея II 1234 г. читаемъ—«reg monticulum Holm dictum cadit in fluvium Pili sk e» Fejer, II, 3, 409. (въ близости отъ р. Салы) и въ мѣстности со слав. названьями (см. Holm—monticulus). Далѣе въ старой Болгаріи на сѣв. отъ Преслава былъ городъ Плесковъ (Pliskova, Pliskuva см. у Льва Дьяк., Кедрова, Анны Комнинъ (см. Шафарика Slov. starož. II. § 3, 2 изд. str. 233). И древнѣйшая форма нашего Пскова могла быть Пльсковъ, и въ древнее еще время могла явиться и болѣе новая форма Пьсковъ. Начальное же о или а (въ ф. Опсковъ, Апсковъ) явилось не изъ предлога въ—во, а отъ стеченія согласныхъ, и отъ придыханія (е), какъ въ слов. оржаной, оржевскій в а льготны й... и пр. *Песокъ* же, собственно пьсокъ (чеш. písek, польск. piasek серб. пијесак), не имѣетъ ничего общаго со *Псковомъ*.

Прим. редактора.

Къ исторіи суеврій.

Въ «Актахъ, собранныхъ Кавказскою Археографическою Коммиссіею» (Тифлисъ 1870, т. IV, стр. 958—959, подъ № 146-мъ) помѣщенъ не безынтересный для исторіи суеврій рапортъ Кавказскаго гражданскаго губернатора д. с. с. Малинскаго генералу Ртищеву отъ 10 июня 1811 г., № 242, слѣдующаго содержанія:

«Бывшій главный смотритель переселенцевъ Офросимовъ донесъ, съ приложеніемъ рапорта смотрителя Пашовкина, о принесенной ему послѣднему жалобѣ 13-ю престарѣлыми женщинами новозаводимаго изъ переселенцевъ сел. Ново-Александровскаго, на общество тамошнихъ жителей, что по случаю засухи въ полѣ отъ небытія нѣсколько времени дождей, по суеврїю своему, собравши тѣхъ женщинъ и связавъ имъ руки, опускали

ихъ въ воду для того, что которыя изъ нихъ не потонули, тѣ признаны ими вѣдьмами, отъ колдовства воихъ не было дожда, и просятъ, за таковой съ ними поступокъ поступить съ тѣми крестьянами, какъ слѣдуетъ по закону, и запретить называть ихъ вѣдьмами. Къ сему помянутый смотритель присовокупляетъ, что староста за сіе смѣненъ и избранъ другой и что ежели отдавать за сіе подъ судъ, то подсудимыхъ составитъ великое число, коихъ по теперешнему рабочему времени отлучать затруднительно. Огнося таковой поступокъ сего общества къ невѣжеству и суевѣрію, я полагаю мнѣніемъ огрядить въ сіе селеніе Ставропольскаго уѣзнаго судью съ старшимъ дворянскимъ засѣдателемъ земскаго суда и стряпчимъ для немедленнаго изслѣдованія на мѣстѣ въ праздничный день, кто были зачинщики сего происшествія, коихъ не могло быть много, и кто предложилъ сію мысль обществу, и открывъ оныхъ, отослать въ совѣстный судъ къ суду, коему какъ о дѣйствіи уже открытомъ не можетъ случиться никакого затрудненія, рѣшить дѣло безъ малѣйшаго задержанія сихъ людей, на основаніи законовъ и по надлежащемъ утвержденіи выполнить приговоръ на мѣстѣ преступленія. дабы видѣвши оное и скорое потомъ послѣдовавшее взысканіе по законамъ, могли содержать въ свѣжей памяти, что сіе дѣло, соединенное съ опасностью жизни другихъ и законами неустановленное, есть худое, непозволенное, гредное и подвергающее дѣлающихъ оное стыду и неизбѣжному наказанію».

Сообщ. Е. Коз—скій.

Изъ области народныхъ вѣрованій

Къ ст. «Народныя вѣрованія въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи»

Весною текущаго года среди мѣстнаго населенія распространилась слѣдующая довольно характерная легенда. Въ одномъ селѣ на первой недѣлѣ великаго поста была у мѣстной молодежи вечеринка. Молодежь пѣла и плясала, забывъ о святости великаго поста. Въ самый разгаръ веселья въ комнату вошелъ невѣдомый странникъ и обратился съ строгимъ увѣщаніемъ къ веселившейся молодежи, но увѣщанія странника были встрѣчены насмѣшками и шутками. Одинъ изъ молодыхъ людей подошелъ даже къ горѣвшей въ комнатѣ лампадѣ и закурилъ отъ нея папиросу. Тогда по мановенію старика всѣ бывшіе въ комнатѣ молодые люди неистово заплясали. Прошло нѣсколько времени; несчастные, не смотря на свое желаніе, викакъ не могли прекратить своей невольной пляски. Такъ прошло нѣсколько дней. Родные несчастныхъ обратились за помощію къ отцу Іоанну Кронштадтскому и послѣдній сказалъ имъ, что грѣшники будутъ плясать такъ до великаго четвертка, и только въ этотъ день Господь помилуетъ ихъ. И до сихъ поръ (легенда записана нами въ срединѣ Великаго поста) пляшутъ нечестивцы; отъ утомленія всѣ они почернѣли, но ни на минуту не прекращается ихъ неистовая пляска. Такъ Господь караетъ за кощунство и непочитаніе великаго поста.

А. Баловъ.

Аллитерація въ народномъ языкѣ.

Аллитераціей называется, какъ извѣстно, частое повтореніе нѣсколькихъ начальныхъ или конечныхъ слоговъ въ предложеніи. Чаше всего аллитерація имѣетъ свою цѣлю звукоподражаніе—въ данномъ случаѣ она называется ономотопеею. Если повторяются послѣдній слогъ извѣстнаго слова въ предложеніи, то такая аллитерація называется, обыкновенно ассонансомъ.

Ratcher. Ritter.

Rutzger Ritter.

Ich zürne nicht.

Ich zanke nicht («Ундина» Фукс) примѣръ аллитераціи въ нѣмецкомъ языкѣ.

Эти строфы съ неподражаемой прелестью переведены на русскій языкъ Жуковскимъ. Звукоподражаніе въ переводѣ Жуковского доведено до высшей степени совершенства.

Ты смѣлый рыцарь, ты бодрый рыцарь, Я силенъ могучь, я быстръ и гремучь,
Не страшны волны мои, но люби ты, Молодую, рыцарь, жену, какъ живую
какъ очи свои, люблю я волну.

При искусномъ чтеніи строфы эти поразительно напоминаютъ журчаніе ручья, слова котораго и передаются въ приведенныхъ строфахъ.

Въ нашемъ народномъ языкѣ аллитерація, какъ средство къ звукоподражанію, встрѣчается преимущественно въ дѣтскихъ пѣсенкахъ. Приведемъ нѣсколько такихъ пѣсенокъ звукоподражательнаго характера:

1. Боммъ, боммъ! Подъ мостомъ,
Гдѣ братца Романа домъ? Подъ листомъ.

Въ этой пѣсенкѣ замѣтно подражаніе звуковое колокольному звону.

2. Съ вѣниками, съ вѣниками Шелъ бы да не пустятъ
Въ баню, въ баню... Шелъ бы да не пустятъ,
Шелуди попарить, попарить.

Въ пѣсенкѣ этой слышится отдаленное звуковое сходство съ краснымъ колокольнымъ звономъ «во вся».

3. Вилы грабли За собачкамъ бѣгали,
Стогъ метали, Колокольчикъ пмали.

Звукоподражаніе мурлыканью кошки.

А. Баловз.

Г. Пошехонье, Ярославской губ.

Къ народному словарю въ области пѣсеннаго искусства.

Изъ числа матеріаловъ, собранныхъ пѣсенной экспедиціей 1893 года я позволю себѣ сообщить здѣсь нѣсколько народныхъ выраженій, относящихся къ пѣсенному искусству,—въ дополненіе къ тѣмъ даннымъ, которые сообщены мною въ отчетѣ о первой пѣсенной экспедиціи 1886 года ¹⁾.

Пѣсни по мѣстному прозвученію въ губерніяхъ Вологодской, Вятской и Костромской звучатъ, какъ *пѣсни*; пѣвцы или *пѣсенники* слывятся подъ именемъ *пѣсельниковъ*. Слово *напѣвъ* среди пѣвцовъ Вологодской губерніи соответствуетъ: *напѣвъ же, голосъ, прогласка* и *тона*, при чемъ послѣднее повидямому съ разными отгѣнками значенія. Такъ въ Вологодскомъ уѣздѣ говорятъ: «онъ *тона* знаетъ» въ смыслѣ:

¹⁾ См. «Пѣсни русскаго народа». Сиб. 1894 г., стр. XVI—XVII.

хорошо помнить напѣвъ; въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ въ этомъ случаѣ выражаются: «прогласку-ту я знаю». *Тоны*—въ смыслѣ видоизмѣненной напѣвовъ: «разны *тоны напѣвовъ* бываютъ», говорили пѣвцы, когда мы сообщали, что у нихъ эта пѣсня иначе поется, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Выраженіе *въ тонъ* противопоставляется выраженію *на пересказъ*; причеты намъ предлагали сообщать или *въ тонъ* или *на пересказъ*. Въ Костромской губерніи этому выраженію соответствуетъ: *въ голосянку*. Говорятъ также: «эта пѣсня тяжела *на голосъ*» и «Коляды у насъ на одинъ *голосъ* поются», точно также, какъ и Костромскіе старообрядцы: «всѣ пѣсни у насъ на одинъ *голосъ*», т. е. на одинъ напѣвъ.

Выраженіе *на пересказъ* не сгѣшивается съ выраженіемъ: *идворомъ*: на пересказъ можетъ передаваться то, что обычно поется, говоромъ же произносятся стихи вовсе не предназначенные для пѣнія; это такъ называемая декламация.

Въ соответствии къ *прогласкѣ* и *напѣву* удалось отмѣтить и самобытное названіе для музыкальной мелодіи: шенкурскіе пастухи въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, показывая намъ свое искусство играть на рожкѣ, между прочимъ сообщили, что «у каждаго пастуха свой особый *напѣрышъ*», т. е. своя излюбленная мелодія. Такимъ образомъ для пѣнія существуетъ *напѣвъ*, для музыки *напѣрышъ*.

Для обозначенія *медленнаго* напѣва служатъ слова *полдого*, *пополдоже* (въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ: *отлого*, *поотложе*), говорятъ также: «*протяжнѣе*, не торопись». Скорый напѣвъ обозначается, какъ и въ названныхъ губерніяхъ, словомъ *круто*: «*не круто* поется»; отсюда и пѣсни съ быстрымъ плясовымъ напѣвомъ называются *крутыми*.

Въ большей части пѣсенъ извѣстные стихи повторяются по два раза, но есть пѣсни и безъ такихъ повтореній; это послѣднее обозначается выраженіемъ: *на проходу*, т. е. безъ повторенія, какъ въ Тотемскомъ уѣздѣ, или «*къ ряду поется*», какъ въ г. Никольскѣ. Любопытная особенность архангельскихъ и олонцкихъ пѣвцовъ, не понижающихъ, что такое *начало пѣсни* и что значить *спѣть пѣсню сначала*, сплошь примѣняется и къ пѣвцамъ вологодскимъ, вятскимъ и костромскимъ. Слову *начало* здѣсь соответствуютъ: *конецъ* или *край*: «*Съ конца* запѣвать?» или «опять *съ краю?*» спрашивали пѣвцы, когда мы просили ихъ снова повторить всю пѣсню. «*Не съ конца* сказала», говоритъ пѣвица, пропустившая первые стихи; «*съ конца*-то не знаю», отпѣкивается пѣвецъ, забывшій начало пѣсни. «*Съ краю*-то сдумалъ, конецъ-отъ забылъ», горюетъ пѣвецъ, припоминающій старинную дѣдовскую пѣсню.

Такимъ образомъ и здѣсь, по понятіямъ крестьянъ, пѣсня является лишь «о двухъ концахъ» и начала не знаетъ.

Ө. Истомина.

По поводу холеры.

Записывая памятники народной словесности, въ числѣ прочихъ народныхъ пѣсенъ, употребительныхъ въ Нешехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи, мы встрѣтили недавно между прочимъ одну пѣсню, составленную по поводу холеры, бывшей въ Москвѣ въ тысяча восемьсотъ тридцатомъ году. Приводимъ ниже эту пѣсню, записанную нами со словъ крестьянина Пошехонскаго уѣзда, Давыдовской волости, деревни Ежова, Марья Васильевой, дѣвцы тридцати восьми лѣтъ.

Въ восемьсотъ тридцатый годъ
Потерпѣлъ въ Москвѣ народъ
Не отъ града, не отъ стужп,

Но, конечно того хуже.
Въ новой крѣпости манежъ (sic)
Завелася вдругъ холера,

Забралася во Москву,
 Навела на всѣхъ тоску...
 Всѣ и дамы, кавалеры
 Напугался холеры,
 Весь ремесленный народъ
 Изъ Москвы направилъ ходъ...
 И еще проговорили —
 Купцы лавки затворили,
 Раскрасавицы дѣвицы
 Улетѣли точно птицы.
 Опустѣла Москва мать —
 По ней некому гулять,

Опустѣлъ Кузнецкій мостъ —
 Къ намъ пришелъ великій постъ...
 Здѣсь дохтуръ дворянинъ,
 Онъ по славному лечилъ,
 Онъ по славному лечилъ
 Всѣхъ живыхъ во гробъ валилъ,
 Еще грабилъ, воровалъ.
 Очень хлѣстко щеголялъ:
 И у насъ теперь въ артели
 Не нажить такой шинели —
 Што это за смѣхъ?
 Подъ шинелью лисій мѣхъ.

Г. Пошехонье.

31 Мая 1893 г.

Сообщилъ А. Баловъ.

О русскомъ языкѣ въ Обдорскомъ краѣ.

Село Обдорское Тобольской губ., Березовскаго округа, или Обдорскъ, какъ оно чаще всего называется въ разговорной рѣчи, а также почти на всѣхъ географическихъ картахъ, по своему географическому положенію—почти подъ самымъ полярнымъ кругомъ, принадлежатъ къ числу такихъ поселеній, которые сибирскими острѣками часто именуются «сѣверными столицами». Да и какъ не столица, когда такіе городки, какъ Обдорскъ, Туруханскъ, Верхоянскъ, Средне-Колымскъ являются въ административномъ, промышленномъ и культурномъ отношеніяхъ единственными центрами для округовъ, равныхъ по пространству любому изъ государствъ Западной Европы! Такіе городки представляютъ послѣднія станціи на пути русской культуры, за ними разстилается мертвая тундра съ одиноко кочующими по ней дикарями. Изолированность такихъ «столицъ», при вліяніи инородческаго элемента, вызываетъ разнаго рода особенности бытоваго характера и въ частности отражается на языкѣ и говорѣ мѣстнаго русскаго населенія. Одно изъ первыхъ явленій, поражающихъ вѣтзаго человека въ такихъ «центрахъ», какъ Обдорскъ—это знакомство русскаго населенія съ мѣстными инородческими языками. Въ Обдорскѣ почти всѣ жители (мужчины всѣ безъ исключенія) довольно свободно объясняются по остяцки и по самоѣдски. Объясняется это конечно постоянными сношеніями съ инородцами. Многие русскіе говорятъ по остяцки и по самоѣдски почти безъ всякаго русскаго акцента, и наоборотъ по русски выражаются съ акцентомъ инородца. Кастрень, посѣтившій Обдорскъ въ 40-хъ годахъ, объясняетъ это явленіе между прочимъ и этнографическимъ составомъ населенія, которое будто-бы представляетъ смѣсь русскихъ съ инородцами. Это однако-же совершенно невѣрно. Правда, населеніе Обдорска только наполовину состоитъ изъ русскихъ (по переписи, произведенной въ ноябрѣ 1891 года врачомъ Зальмунинымъ, оказалось въ с. Обдорскомъ жителей всего—876 челов.; въ томъ числѣ русскихъ—378; зырянъ—290; остяковъ—95; самоѣдовъ—103; поляковъ, евреевъ и татаръ—по одному); но русскіе не смѣшиваются съ другими народностями. Лишь въ послѣднее время становятся чаще браки съ зырянами; но это не оказываетъ вліянія на языкъ, такъ какъ скорѣе Зыряне перенимаютъ русскій языкъ, чѣмъ наоборотъ. Что-же касается до браковъ русскихъ съ Остяками и Самоѣдами (что бываеетъ въ верхнемъ теченіи р. Оби—между Самаровскимъ и Березовымъ), то въ

Обдорскъ это—явленіе крайне рѣдкое, почти исключительное. На 1000 браковъ едва ли наберется два—три случая. Мнѣ извѣстны только два случая выхода русскихъ женщинъ замужъ за Самоѣдсвъ, причемъ обѣ, живя и кочуя въ тундрѣ, совершенно осамоедились. Такимъ образомъ, Обдорское населеніе, составившееся изъ выходцевъ со всей Тобольской губ. и другихъ, смѣшавшихся съ прежними Березовскими казаками, представляетъ довольно чистый великорусскій типъ, чего далеко нельзя сказать о другихъ поселеніяхъ крайняго сѣвера—въ особенности Средне-Колымска.

Наряду съ распространеніемъ инородческихъ языковъ, нужно отмѣтить и порчу языка русскаго. Это также явленіе общее для всѣхъ Сибирскихъ «сѣверныхъ столицъ». Порча русскаго языка выражается въ такъ называемомъ «сладкоязычїи».

Вотъ что, напр., сообщаетъ г. Рябовъ, о говорѣ Колымскаго края Якутской области: «Русскій языкъ въ низовьяхъ Колымы, хотя и вышелъ побѣдителемъ изъ трудной борьбы съ инородческимъ, но борьба эта не прошла для него даромъ, такъ какъ и самому пришлось претерпѣть нѣкоторыя измѣненія. Языкъ этотъ сильно напоминаетъ не то какой-то дѣтскій лепетъ, не то какое-то сюсюканье, дикое и непривычное для россиянина—великоросса, за что ниже-колымчанъ называютъ «сладкоязычными» (съядкоязыкїи—по колымски). Буквы *р*, *л* совершенно ими не употребляются. Они вмѣсто «пришла» непременно скажутъ «пшыша» или «пшыса», не «рыба» а «імба». Звуки *ч*, *ш*, *щ*, *ж* большею частью замѣняются звуками *ц*, *с*, *з* и наоборотъ. То-же самое свойственно и Средне-Колымчанамъ, но въ гораздо меньшей мѣрѣ. Между рѣчью послѣднихъ и рѣчью низовика существуетъ такая-же разница, какъ между средними физическими типами. Разница эта образовалась также подъ вліяніемъ двухъ народностей: якутской и якутской. По конструкціи языкъ средне-колымчанъ ближе подходитъ къ чистому русскому, чѣмъ языкъ низовика. Это понятно: Якутъ (въ Средне-Колымскѣ) вовсе не говоритъ по русски и поэтому мало коснулся формъ русскаго языка: здѣсь не было компромисса между двумя языками и не выработался говоръ. Русскіе цѣлкомъ взяли якутскій языкъ. Замѣтно только, что русскій, говорящій по якутски и не утратившій цѣлкомъ родного языка, внесъ въ послѣдній много якутскихъ словъ и далъ ему нѣкоторую якутскую фразировку и не совсѣмъ свойственное русской рѣчи построеніе. Вотъ маленькій образецъ того, какъ говорить коренной житель низовой Колымы: «Мать пьесвятая Богоѣдица, спаси и поміюй насъ, гѣбенныхъ людей». Или: «и сто за пьекъятый наѣдъ»¹⁾.

О Туруханскомъ краѣ читаемъ у Ядринцева: «На низу Енисея русскіе почти вовсе не употребляютъ русскаго языка, а говорятъ на мѣстныхъ инородческихъ языкахъ: на якутскомъ (?) самоѣдскомъ и тунгусскомъ. Самый выговоръ нѣкоторыхъ звуковъ и тонъ разговора или повышенія и пониженія голоса въ рѣчи, характеръ вокализации у русскихъ Туруханскихъ уроженцевъ отличается, сколько мы замѣтили, почти тѣми же особенностями, какъ у Остяковъ. Напр. подобно Остякамъ они вмѣсто звуковъ: *ж*, *ч*, *ш*, *р* выговариваютъ: *з*, *с*, *л*, *рл* и т. п. Говорятъ: посѣлъ осень большой дождь, въ избѣ сыпко зарко, бѣдняски худо зивутъ, мѣрлой альсинъ»²⁾.

Въ Обдорскомъ краѣ замѣчается то же явленіе. Но, такъ-какъ Обдорское населеніе состоитъ болѣею частью изъ сравнительно недавнихъ пришельцевъ, то оно не такъ распространено и не такъ рѣзко выражено, какъ напр. въ Туруханскомъ и Колымскомъ краяхъ. Сюсюканье встрѣчается лишь у природныхъ Обдорчанъ, и то не у всѣхъ. Отъ Колымчанъ Обдорчане отличаются тѣмъ, что у послѣднихъ есть звуки *р*, *л* и только подобно Туруханчанамъ они слабы въ шипящихъ и свистящихъ звукахъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что Обдорчане выговаривая вмѣсто *ж*, *ш*, *ч*—*з*, *с*, *ц* очень часто говорятъ и наоборотъ вмѣсто *з*, *с*, *ц*—*ж*, *ч*, *ш*, напр. ждлото, жўбы (зубы).

Такимъ образомъ сюсюканье или сладкоязычїе есть явленіе, общее всѣмъ Сѣверно-Сибирскимъ поселеніямъ. Оно усиливается по направленію къ Востоку и Сѣверу—всего

¹⁾ Сибирскій Сборникъ, 1887 годъ, ст. Рябова; Полярныя страны Сибиря, стр. 16.

²⁾ Ядринцевъ: Сибирь какъ колонія, изд. 1882 г., стр. 42.

сильнѣе въ Колымскомъ краѣ (особенно въ Сѣверной его части; всего-же слабѣе въ Обдорскомъ—самомъ западномъ изъ Сѣверно-Сибирскихъ мѣстечекъ.

Причиной «слаждкоязычія» вѣроятнѣе всего служить вліаніе инородческихъ языковъ. Остяки, напримѣръ, очень часто выговариваютъ звукъ *ш* какъ-то шепеляво, средне между *ш* и *с*. Звукъ *ж*, *з* встрѣчаются сравнительно довольно рѣдко и никогда—въ началѣ словъ. Вообще Остяцкій говоръ имѣетъ какой-то «слонивый», если такъ можно выразится, характеръ. Есть у нихъ, напр., такой свистяще-плавный звукъ, который никакимъ сочетаніемъ русскихъ звуковъ не можетъ быть выраженъ вполне точно (всего ближе къ *хсл*). Весьма естественно, что постоянное, съ дѣтства, общеніе съ Остяками могло отразиться на говорѣ русскаго населенія въ Обдорскомъ краѣ.

Другія особенности мѣснаго говора болѣе или менѣе общи прочимъ областямъ Западной Сибири и не являются характерными собственно для Обдорска.

Приведемъ списокъ мѣстныхъ словъ, изъ которыхъ многія впрочемъ употребляются и въ другихъ мѣстахъ Сибири, за исключеніемъ, конечно, взятыхъ изъ Остяцкаго языка.

Алыкъ—собачья упряжь.
 Бадьяновка—лодка среднего размѣра.
 быстрядь—теченіе.
 братанникъ—двоюродный братъ.
 бесѣдка—скамейка.
 бѣлуга—дельфинъ.
 Варь—земляной запоръ для рыбной ловаи.
 варка—рыба сваренная и размятая въ кашу.
 вѣтвя—наконечникъ шеста чтобъ погонять оленей.
 вонзъ (остяцк.) первый подъѣмъ рыбы съ моря.
 Встокъ—Востокъ
 вѣщица—сплетница
 весло—рудевое весло
 важанъ—рыболовный снарядъ
 вѣшала—снарядъ для сушенья рыбы
 вѣженка—самка оленя.
 Гребь—весло
 горносталь—горностаи
 гусянка—небольшая баржа
 гусь—верхнее платье въ видѣ рубашки съ капюшономъ
 глубиняъ—С.-В. вѣтеръ
 городоушка—небольшая лодка.
 гшигъ—рыболовный снарядъ.
 Дѣвака }
 дѣвочка } дѣвица
 доспѣть—сдѣлать
 дикій—глупый
 дичать—глупить («не дичай»-не глупи)
 ёлдызъ (остяцк.)—река въ олевіи упряжи

езъ (остяцк.)—запоръ для рыбы
 ежа—ѣда.
 Замзгнуть—прокиснуть.
 Исть—ѣсть
 изгалаться—издѣваться.
 Колезень—рыба (небольшой муксунъ)
 кибась—грузило
 карышь—маленькій осетръ
 кѹрома (ост.)—карта
 каюкъ—крытая большая лодка
 крестоватикъ—лѣтній пседець
 копанецъ—щенокъ-песець
 калыдапъ (ост.)—рыболовный снарядъ
 кысы—шкура съ оленьихъ ногъ
 курыя—лужа, остающаяся послѣ водо-поля
 клюка—кочерга.
 Лобарь—осетръ среднего размѣра
 лѣсина—дерево
 лѣтка—голень оленя.
 Муксунъ—порода рыбъ
 муксутуръ—травя.
 мулѣкъ—маленькая рыбка
 мездра—внутренняя поверхность выдѣланныхъ шкуръ
 малица—длинная мѣховая рубаха съ капюшономъ
 максъ—печень, преимущественно рыбы
 морокъ—туманъ
 морочно—пасмурно
 морочать—тепѣть.
 Натруска—пороховница, мѣшокъ съ дробью, пистонницавзятая; вмѣстѣ наплавъ—поплавокъ при неводѣ

наземь—навозъ.
 неводникъ—большая лодка
 няша—тина, грязь
 недомуксунокъ—маленькій муксунъ
 недопёсекъ—весенній песецъ
 нюга (ост.)—покрышка чума изъ оленьей кожи
 норникъ—песецъ-щенокъ
 норка—оленья ноздри
 нуръ—рыба надѣтая на палку для храненія
 нюшвай (ост.)—обувь изъ оленьей замши
 пеплюй (ост.)—шкура молодого оленя.
 Отлишъ—деревянные стружки
 осерёдышъ—низкій пещаный островъ.
 оклематься—очнуться
 оболокаться—одѣваться
 ола (ост.)—пола для постройки чума.
 окячать—устраивать, прибирать
 Постель—оленья шкура
 поселщикъ—ссылно-поселенецъ
 политикъ—политическій ссыльный
 парка—мѣховая рубашка мѣхомъ вверхъ
 пѣшка—молодой олень убитый осенью
 посуда—судно.
 поугъ—оводъ
 пичуга—грузило
 позёмъ—копченая рыба
 пыжъянъ—рыба муксуновой породы
 побѣжникъ—веревка для вытягиванія невода.
 Разлуна—палка у невода.
 Соръ—озеро постѣ водополя
 салъъ—мель посрединѣ рѣки, удобная для неводьбы
 сѹчить—злословить («чего ты, сѹба, сѹчишь»)
 скулпть—насмѣхаться
 скулѣха—насмѣшница
 сиверь—Сѣверъ, С. вѣтеръ
 свеобынникъ—упрямый, своенравный.
 сыркъ—рыба муксунковой породы

сѣны ост. халцеллүү	}	костяшки и деревяшки въ оленьей упряжи
---------------------	---	--

сувать (ост.)—приспособленіе для сушенія рыбы
 синякъ—песецъ весной и ранней зимой.
 синка—нитка отъ колыдава
 сѣринка—сѣрная спичка
 сца—ремень въ оленей упряжи
 сестренница—двогородная сестра.
 Тиска—берестяная покрышка чума
 тонька—веревочка для привязыванья кибаса и нѣллава
 тѹнсъ—берестяной буракъ
 Тетива—канать, на который надѣтъ неводъ
 тѣршитъ—можетъ, въ состояніи
 тагаръ (ост.)—ковёръ изъ травы
 ужна—ужинъ.
 Уткель—возжа въ оленей упряжи
 Хорохриться—кобениться.
 Чижъ—мѣховой чулокъ
 чуваль—очагъ въ юртѣ
 чумъ—конусообразная палатка у Са-
 моёдовъ. и Остакоевъ.
 чукрей (ост.)—тонкій ножъ
 чишъть—мочиться
 чѣча—хорошо, красиво
 чума (ост.)—обшивка треуха на ма-
 лицѣ
 чрмакъ—берестяная чашка
 чига—
 чалканъ—
 чалдонъ—болванъ (ругат.)
 чеканка—крашеный холстъ
 Шаньга—ватрушка
 шатина—палка отъ колыдава
 шайтанъ—остяцк. идолъ
 шуга—тонкій лёдъ при замерзаніи рѣки («сало»)
 шишъ—крупная стерлядь
 щѣтки—подошва къ пимаъ, вырѣз-
 ваемая изъ подъ копыть оленей
 щѹкуръ—рыба муксуновой породы
 юрта—остяцкая бревенчатая избушка съ земляной крышей и съ чу-
 валомъ
 юрты—остяцкій посѣлокъ
 юрокъ—вяленая рыба безъ костей
 юкала—вяленая рыба съ костями

Всего 136 словъ, изъ которыхъ 23 взято съ Остяцкаго.

В. Бартецовъ.

Замѣтка о нѣкоторыхъ словахъ, употребляющихся въ с. Самаровѣ Тобольской губ. и округа.

Въ дополненіе къ предыдущей статьѣ сообщаемъ объясненія нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ г. Бартечевымъ словъ, употребляющихся въ с. Самаровѣ Тобольской губ., но въ нѣсколько иномъ значеніи.

вѣшала—приспособленіе для осушенія невода.

гусь—одежда съ капюшономъ изъ оленьей шкуры, шерстью вверхъ.

дикова́ть, не дикуй—дурачиться, не дураться.

кысы—обувь изъ оленьей шкуры, шерстью вверхъ.

курья—лужайка, песчаная коса, заливаемая въ водополье.

ма́лица — длинная одежда съ капюшономъ изъ оленьей шкуры, шерстью внизъ.

мѣша—тонкая глина по берегамъ рѣкъ.

позёмъ—распластанная и высушенная рыба.

сѡръ—залитое водопольемъ травянистое пространство, гдѣ промышляютъ рыбу.

чиша́ть—испражняться (о дѣтяхъ); хочешь чишать? ну, чишь, чишь!

юрёвъ—катушка съ нитками.

Хр. Лопаревъ.

С.-Петербургъ.